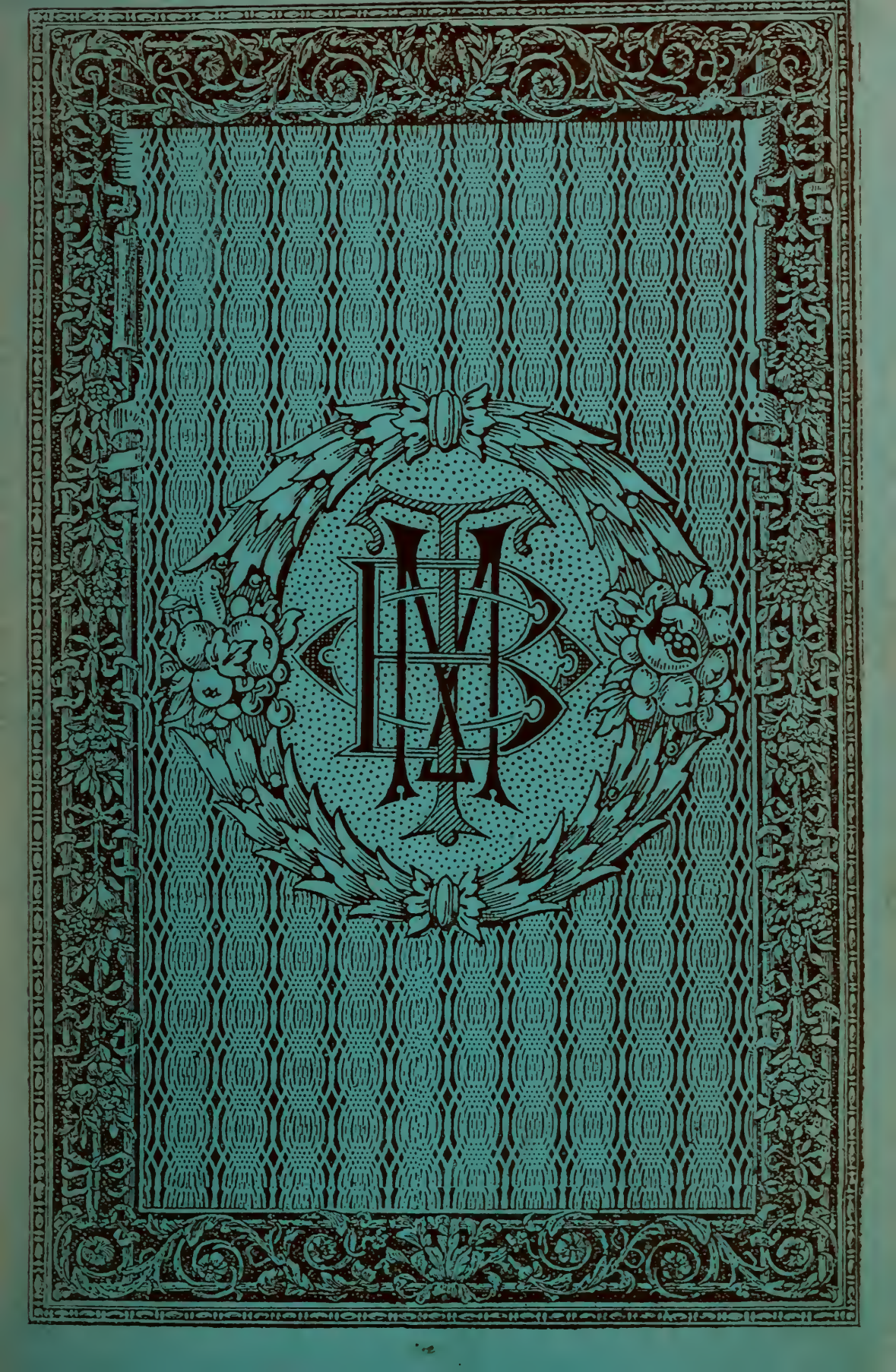
3 1761 06635549 6

СОЧИНЕНІЯ ЛАЖЕЧНИКОВА

ТОМЪ 12.

ИЗДАНІЕ ТОВАРИЩЕСТВА М. О. ВОЛЬФЪ

ИЗЪ БИБЛІОТЕКИ



240

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ
СОЧИНЕНІЙ
И. И. ЛАЖЕЧНИКОВА

ТОМЪ ДВѢНАДЦАТЫЙ

ER
L4314V

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ

Polnoe sobranie sochinenij

СОЧИНЕНІЙ

И. И. ЛАЖЕЧНИКОВА

ТОМЪ ДВѢНАДЦАТЫЙ

(v. 12)

ХРИСТІЕРНЪ II-й и ГУСТАВЪ ВАЗА (Драматическій очеркъ въ 4-хъ актахъ).—МАТЕРИ-СОПЕРНИЦЫ (Трагедія въ пяти дѣйствіяхъ).—ЗАМѢТКИ ДЛЯ БІОГРАФІИ БѢЛИНСКАГО. — НѢСКОЛЬКО ЗАМѢТОКЪ И ВОСПОМИНАНІЙ ПО ПОВОДУ СТАТЬИ: „Матеріалы для біографіи А. П. Ермолова“.—КАКЪ Я ЗНАЛЪ М. Л. МАГНИЦКАГО.

494870
25.7.49

ИЗДАНІЕ
поставщиковъ ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА
ТОВАРИЩЕСТВА М. О. ВОЛЬФЪ
С.-ПЕТЕРБУРГЪ, Гостиный дворъ, 18 | МОСКВА, Кузнецкій мостъ, 12
1900

Дозволено цензурою. Спб. 20-го іюня 1900 г.

Типографія Товарищества М. О. Вольфъ. Спб., Вас. Остр., 16 л., д. № 5—7.

ХРИСТІЕРНЪ II и ГУСТАВЪ ВАЗА

ДРАМАТИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ ВЪ 4-ХЪ АКТАХЪ

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Христіернъ II, король датскій, прозванный Нерономъ сѣвера.
Елисавета, дочь его.
Густавъ Эрикснонъ Ваза.
Матильда, мать его.
Магнусъ Мундсъ, правитель Ютландіи.
Оттонъ Крумпенъ, полководецъ.
Магнусъ Гойе, начальникъ замка.
Баронъ Ландсель, королевскій секретарь.
Баронесса Ландсель, жена его, гофмейстерина при Елисаветѣ.
Гаральдъ, молодой шутъ королевскій.
Эрикъ, пажъ.
Родеригъ, пѣстунъ Густава, нѣмой.
Рудольфъ, сокольникъ.
Офицеръ.
Гонецъ.
Служитель придворный.
Солдаты 1-й, 2-й, 3-й и 4-й.
Рыцари, дамы и охотники.

Дѣйствіе происходитъ въ началѣ XVI-го столѣтія, въ Ютландіи, въ королевскомъ замкѣ и въ окрестностяхъ его.

АКТЪ I.

ЯВЛЕНІЕ I.

Комната во дворцѣ Христіерна. Изъ окна видно море. Въ сторонѣ столъ съ приборомъ для письма. Полдень.

Христіернъ и Эрикъ.

(Христіернъ дремлетъ, лежа въ глубокихъ креслахъ; у ногъ его сидитъ Эрикъ и слегка, повременамъ, третъ ему ногу).

Эрикъ [1]).

(Прекрасная, завидная судьба!
Ровесники мои теперь гуляютъ,
Гдѣ вздумалось, свободные, какъ вѣтеръ,
Который на коняхъ ретивыхъ обгоняютъ.
Какъ перья шлемовъ ихъ волнуются пріятно!
Какъ солнце въ золотой бронѣ горитъ!
Отъ топота коней стонаетъ поле;
Копыта ихъ взрываютъ мураву
И мечутъ съ нею стыдъ въ ряды отставшихъ).

---

[1]) Рѣчь, включенная между знакомъ ( ), означаетъ сказанное про себя, всторону.

Рудольфъ, Іоганъ, изъ васъ кто побѣдитель?
(*Печально качая головой*).
Конечно, бѣдный Эрикъ, ужъ не ты!

Христіернъ (*пробуждаясь*).

Что, что за крикъ?.. Не возмущенье ль?
Не посягаютъ-ли на жизнь мою?
Кто смѣлъ?.. Меня... помазанника Бога?

Эрикъ.

Спокоенъ будь... заснулъ было я самъ
И закричалъ во снѣ...

Христіернъ.

Когда я сплю,
На стражѣ ты, мой вѣрный пажъ!
Ты знаешь, я тебѣ ввѣряю
Жизнь драгоцѣнную царя и съ ней народа.
Со мною ты, такъ я спокоенъ, и опять
Могу вздремнуть. Три ночи и три дня
Глазъ не смыкалъ.
(*Закрываетъ глаза*).

Эрикъ.

(И даже помечтать
О счастьѣ не даетъ! Спи, злой старикъ,
Вѣдь только и часовъ у твоего народа
Безъ страха, безъ ярма, пока ты спишь.
(*Немного погодя*).
Да, милые друзья, теперь на волѣ
Отвагу юности пытаете вы въ играхъ
И жизнью тѣшитесь, а кто и посчастливѣй,
Противъ враговъ отечества со славой
Переломилъ копье ужъ не одно.

А я — невольникъ... я судьбой назначенъ
Въ сидѣлки, въ нянюшки къ больному старику;
Тру ноги той рукой, которая должна
Смирять коней, мечомъ отцовъ владѣть;
Бужу послѣднія я искры жизни
На гибель тысячей, той жизни,
Которую-бъ хотѣлъ самъ задушить.
Прекрасная, завидная судьба!

(*Немного погодя*).

Я про отечество какъ-будто молвилъ?
Отечество! да гдѣ жъ оно для сироты,
Который ни отца, ни матери не зналъ,
Не знаетъ мѣста, гдѣ родился?)

(*Плачетъ*).

Христіернъ (*не открывая глазъ, ищетъ чего-то рукою*).

Гдѣ ты, мое дитя? дай голову свою.
Вотъ такъ... Какъ мягокъ шолкъ твоихъ волосъ!
Какъ пальцамъ въ нихъ блуждать пріятно!

Эрикъ.

(Зачѣмъ на головѣ мой каждый волосъ
Въ змѣю не обратится, чтобъ тебя,
Злодѣя, столько разъ на смерть ужалить,
Сколько ты совершилъ злодѣйствъ!)

Христіернъ (*открывая глаза*).

Нѣтъ, не могу заснуть: все онъ въ глазахъ
Мерещется въ моей коронѣ и порфирѣ.
Какъ нагло на меня глядѣлъ мятежникъ!
Какъ дерзко мнѣ съ усмѣшкой погрозилъ!
Не я, Густавъ властителемъ казался.
Нѣтъ, не засну, пока живой иль мертвый,
Въ цѣпяхъ не явится передо мной
Крамольный Шведъ.

Въ окно взгляни-ка, Эрикъ,
Не ѣдетъ-ли корабль отъ шведскихъ береговъ?
Ты молодъ... зоркій глазъ съ усердьемъ вмѣстѣ
Далеко видятъ.

Эрикъ (*смотря въ окно*).

Нѣтъ, я ничего не вижу;
Валы одни бѣгутъ по синевѣ пустыни,
Все ту-же безъ конца неволи тянутъ пѣснь.
(Постой, помучаю его). Однакожъ
Взмахнулъ крыломъ какъ-будто бѣлый парусъ.

Христіернъ.

Когда бы онъ?.. Заступница, Бригитта!
Будь ласкова, дохни попутный вѣтръ
И приведи корабль мой драгоцѣнный;
Устрою новый храмъ я въ честь твою.

Эрикъ.

Вотъ ближе... Нѣтъ, мой вѣрный глазъ предатель,
Мнѣ пѣну водъ за парусъ показалъ.

Христіернъ.

Какъ, Небо, ты ко мнѣ сурово!
Тебя-ль моленіемъ не утомлялъ?

Эрикъ.

Опять... какъ-будто холстъ вѣтрилъ надулся,
Какъ-будто иглы мачтъ пронзаютъ воздухъ!
Ахъ! я обманутъ... виноватъ:
То чаекъ пестрая семья,
Качаяся на синемъ гребнѣ волнъ,
Печально выкликаетъ бурю.

Христіернъ.

Вѣщунъ негодный! бурю?.. лжешь!
Да знаешь ли, что голова моя,
Что мой вѣнецъ у этихъ водъ въ залогѣ?
Да знаешь ли, что море это
Несетъ сокровище, которое не купишь
На золото ганзейскаго союза?
Когда бы не любилъ тебя такъ много,
Я вырвалъ бы глаза у злого вѣщуна.

Эрикъ.

Давно пора!

Христіернъ.

Вотъ ты ужъ и надулся,
Мое дитя, мой баловень негодный!
Поди ко мнѣ...
(*Эрикъ подходитъ къ королю; этотъ даетъ ему поцѣловать свою руку*)
и скрѣпимъ мировую.
Кто скажетъ, отчего такъ Эрика люблю!
Хотѣлъ бы я подчасъ тебя и пожурить,
Да въ сердцѣ гнѣвъ спѣшитъ тотчасъ улечься.

Эрикъ.

У васъ есть дочь: поберегите
Любовь свою и ласки для нея.

Христіернъ.

Щенокъ слѣпой, тебѣ-ль учить меня,
Кому ихъ расточать я долженъ!

ЯВЛЕНІЕ II.

Тѣ же и Гаральдъ.

Гаральдъ.

Вѣсти!
Безцѣнны вѣсти, мой король безцѣнный!
Что дашь за нихъ?

Христіернъ.

Торгашъ всегда товаръ
Показываетъ свой, а тамъ и цѣну
Запрашиваетъ онъ.

Гаральдъ.

А если знаетъ,
Что покупщикъ таковъ, что можетъ все
Забрать, и пфеннига не заплатя?

Христіернъ.

И можетъ за утай велѣть повѣсить!

Гаральдъ.

Каковъ купецъ! упрямый похоронитъ
Въ землѣ товаръ. Сокровище-товаръ!
Горя желаніемъ имѣть его,
Святыхъ мольбой и данью утомляли;
Въ тревогѣ дни, безъ сна всѣ ночи проводили.

Христіернъ.

Не можетъ-быть, чтобъ ты... нѣтъ, эту вѣсть
Мнѣ пушки пасть разскажетъ, не твоя.

Гаральдъ.

Та будетъ мѣдная, теперь моя
Покажется тебѣ за золотую.

Христіернъ (*бросая ему кошелекъ*).

На, вотъ твои уста озолотить!
Но если дашь не то, что ожидаю,
Велю тебя соломою набить.

Гаральдъ.

Не я одинъ, покорный твой слуга, —
Твои три королевства знаютъ,
Какъ обѣщанія ты держишь вѣрно;
И потому спѣшу скорѣе къ дѣлу.
По должности моей шныряя тамъ,
Гдѣ люди есть, гдѣ только есть языкъ,
Чтобъ усладить твой слухъ на сонъ грядущій,
И наконецъ-концовъ наскучивъ слышать
Одно и тожъ, что всѣ тебя боятся,
А любятъ лишь лазутчики твои...

Христіернъ.

Да кто жъ имъ, дуракамъ, сказалъ, что я
Любви червей презрѣнныхъ добиваюсь,
Которыхъ задавить могу ногой!
Потомъ?.. скорѣй!

Гаральдъ.

Я на берегъ морской
Въ раздумьѣ томъ стопы мои направилъ,
Что можетъ-быть тамъ ловлею потѣшусь
Такой, какая мнѣ и въ жизнь не удавалась.
Какъ въ руку сонъ: гляжу — челнокъ волна

Волнѣ передаетъ, то пѣной надуваясь,
То золотымъ стекломъ смиренно разстилаясь,
И шасть ко мнѣ, къ моимъ-таки ногамъ.
— Что шлетъ-то мнѣ Одинъ? подумалъ я,
И съ этимъ словомъ прыгъ изъ лодки
Рыбакъ, не молодыхъ, не старыхъ лѣтъ,
Палъ на колѣна, сталъ творить молитву,
И такъ молился горячо, что слезы
Струями по лицу его бѣжали.
На мой вопросъ, откуда и за что
Онъ такъ усердно молится, рыбакъ
Мнѣ разсказалъ, что буря занесла
Его далече къ шведскимъ берегамъ,
И что на родину теперь онъ возвратился;
А что онъ видѣлъ, слышалъ тамъ, лишь вспомнить,
Такъ дыбомъ волосы на головѣ встаютъ.

Христіернъ.

Ну, говори скорѣй, что видѣлъ?

Гаральдъ (*скидая дурацкую шапку*).

Во-первыхъ, видѣлъ онъ Густава Эриксона
Въ цѣпяхъ...

Христіернъ.

(Благодаренье вышнимъ силамъ!..
Онъ мой). Въ цѣпяхъ, сказалъ ты? гдѣ и какъ?

Гаральдъ.

Когда его на твой корабль сажали.

Христіернъ.

Да подлинно ль то былъ Густавъ, не кто другой?
Быть-можетъ, рыболовъ и обманулся.

Гаральдъ.

Вопросъ я тотъ же сдѣлалъ рыбаку.
— Межъ тысячи узнаешь Эриксона,
Онъ отвѣчалъ: высокъ, пригожъ, умиленъ
И сановитъ, какъ вождь небесныхъ силъ;
Лишь взглянетъ разъ, не позабудешь взгляда
Того и въ часъ, какъ станешь умирать.
Межъ стражи, въ узахъ, онъ царемъ казался;
Народъ, и старъ и малъ, за нимъ стекался;
Кто обнималъ его колѣна, кто
Дѣтей грудныхъ просилъ благословить;
Когда же на корабль взошелъ, рыданья
Стояли въ воздухѣ, и берегъ застоналъ,
Какъ-будто бы отца въ могилу опускали.

Христіернъ.

Онъ мой — мой, наконецъ! (Пусть провожаютъ,
А встрѣчи ждутъ на свѣтѣ развѣ тамъ!)
Куда жъ корабль дѣвался?

Гаральдъ.

Буря злая
Его было въ объятья увлекла;
Да вырвался отъ жаркихъ поцѣлуевъ
Іосифъ нашъ, и у Борнгольма
Сталъ въ цѣломудренной тиши.

Христіернъ (*грозя пальцемъ*).

Смотрите
Вы, сладкіе историки героя,
Чтобы къ зарѣ исторіи конецъ
Былъ довершенъ у здѣшнихъ береговъ;
Не то доскажете...

Гаральдъ.

А если буря?

Христіернъ.

Молитеся, усерднѣе молитесь,
Чтобъ бури не было: вѣдь это ваше дѣло!
Надѣюсь, рыбака...

Гаральдъ.

Какъ водится схватили
И, вѣроятно, допросили
И, вѣроятно, засадили,
Пускай-себѣ поетъ въ тиши ночной:
Гдѣ-жъ лучше жить, какъ не на родинѣ святой!

Христіернъ.

(Онъ дерзокъ, но надежнѣй дерзость эта,
Чѣмъ лесть коварная моихъ бароновъ).
Какіе-жъ ужасы тебѣ онъ разсказалъ?
Я ихъ досель, мой милый, не слыхалъ.

Гаральдъ.

Бѣльмо-то на глазу Густавъ, во-первыхъ,
И надо снять его: былъ членъ
Другой съ огнемъ-антоновымъ: заразу
Могъ сильно въ тѣлѣ онъ распространить:
Отецъ Густава, знаешь, Эрикъ буйный —
Его въ отечествѣ любили *слишкомъ!* —
Зарѣзанъ Эрикъ. Все, что его
Держалось жилочкой родства иль дружбы,
Мечомъ посѣчено и брошено собакамъ.
Былъ вредный членъ — языкъ Густава дядьки,
Который могъ про операцью эту

Невыгодно шепнуть Густаву — вонъ!
А человѣкъ, нѣмой, за эту милость
Купилъ себѣ блаженство жить въ тюрьмѣ
При господинѣ...

Эрикъ.

Вотъ герой, вѣнцовъ достойный!

(*Христіернъ молча смотритъ на него сурово*).

Гаральдъ.

Бездѣлица! въ тюрьмѣ великаго Христьерна!
Не шведская вонючая тюрьма!
И словомъ, говорятъ, была такая
Рѣзня, что кровь по улицамъ лилась.
По крайней мѣрѣ слышалъ такъ рыбакъ
Вездѣ, гдѣ не было кому подслушать.

Христіернъ.

Все хорошо; да только я нѣмыхъ
До смерти не люблю

Гаральдъ.

Что бы тебѣ
Когда мнѣ дать такое порученье?
Какъ весело должно въ крови купаться!
Смерть хочется порѣзать; такъ рука
И просится на ножъ. Не вѣришь ты?
Вели спросить у поваровъ своихъ:
Что день, то душу каплуна въ Валгаллу
Переселяю я — и мудрено ль?
Вѣдь, говорятъ, отецъ мой былъ мясникъ.
Да вотъ и комендантъ.

ЯВЛЕНІЕ III.

Тѣ же и начальникъ замка.

Начальникъ замка.

Тебѣ извѣстно,
Должно быть, государь, что пойманъ важный...

Христіернъ.

Да, важный вѣстовщикъ. Надѣюсь, онъ
Допрошенъ?

Начальникъ замка

Вотъ допросъ, который счастье
Имѣю положить къ стопамъ твоимъ.
(*Подаетъ бумагу*).

Христіернъ (*прочитавъ ее*).

Одно и то-же! показанья вѣрны.
Благодарю, мой шутъ, ты не солгалъ.

Гаральдъ.

Когда я лгу! При древнихъ божествахъ
Оракула вѣрнѣе не бывало.
Еще не то увидишь (подшучу
Когда-нибудь, что адъ и небо захохочутъ).

Христіернъ (*начальнику замка*).

Откуда вѣтеръ?

Начальникъ замка.

Сѣверъ напираетъ
Его на насъ.

Христіернъ.

Я не люблю такихъ
Иносказаній. Сѣверъ напираетъ?
На Данію? Пока я живъ, природа
И люди сѣвера несутъ ей дань.
Но Богъ проститъ, ты старый мнѣ слуга
И вѣрный.

Начальникъ замка.

Языкомъ могу и ошибиться,
Но не рукой и вѣрностью къ тебѣ.

Христіернъ.

И потому *вамъ* плѣнника вручаю,
Какого Даніи не снилося во снѣ.
Важнѣе онъ пріобрѣтенья флота,
Открытья рудниковъ, текущихъ златомъ;
Столицу-бъ на него мою смѣнилъ.
Для встрѣчи съ нимъ вся, вся она въ огни
Потѣшные должна-бы нарядиться.
Знай, Данія! теперь я коронуюсь;
Теперь лишь только твердъ вѣнецъ
На головѣ моей; теперь три королевства
У ногъ моихъ лежатъ. Вашъ, сударь, плѣнникъ
Развѣнчанный король. Да, да, я говорю!
Онъ не былъ имъ, но Швеціи надежды
И сердце онъ держалъ въ рукахъ своихъ
Сильнѣе можетъ-быть меня;, ея владыки!
Не даромъ называлъ ее *своей!*
Не даромъ кровь хранилась въ немъ царей!

Эрикъ.

(Кто не велитъ тебѣ въ сердцахъ народа
Свою власть основать!)

Христіернъ (*подозвавъ рукой начальника замка, тихо ему*).

Въ цѣпяхъ онъ будетъ —
Я цѣпи можетъ-быть съ него сниму;
Свободу, можетъ-статься, дамъ ему,
Но помни твердо, что свобода эта
Должна быть крѣпче стѣнъ гробовыхъ; сѣтью
Невидимой надзора окружить
Его ты долженъ; сквозь нее чтобъ пуще
Всего ни звукъ, ни черточка, ни знакъ
О Швеціи его не пробралися:
Храни Господь! Въ помощники тебѣ
Даю Гаральда; онъ лукавъ, пронырливъ
И вѣренъ мнѣ. Повсюду входъ ему
Средь бѣла дня и въ черный часъ духовъ;
Какъ тать, пусть въ душу вкрадется Густава;
Не только слово, мысль его пусть ловитъ;
Какъ тѣнь, вездѣ за нимъ!.. Не позабудь, смотри,
Твой плѣнникъ Эриксонъ. Меня ты знаешь?
Казнить и награждать Христьернъ умѣетъ;
А рыбаку на шею камень... понялъ?

Начальникъ замка.

Не отступя на волосъ, выполню
Я твой приказъ: надѣйся на меня.

Христіернъ (*громко*).

Смерть, смерть тому, кто выронитъ хоть слово
Объ Эриксоновомъ отцѣ, кто лишь
Произнесетъ его хотя въ бреду горячки,
Хоть шопотомъ объ немъ во снѣ промолвитъ!

(*Слышенъ со стороны моря выстрѣлъ изъ пушки*).

Ба! слышишь, громъ къ моимъ словамъ печать
Свою кладетъ. (Ага, условный знакъ!)

Гаральдъ (*смотря въ окно*).

Стрѣлой летитъ корабль подъ датскимъ флагомъ.

Христіернъ.

Разъ!.. (Господи, скорѣй дополнь
Межь смертію и жизнью промежутокъ!
Не вырвись, сердце, изъ груди;
Не дай ты слабому составу разорваться)!

(*Слышенъ выстрѣлъ*).

Другой!.. (Благополучно!.. отдыхаю).

Гаральдъ.

Вотъ къ замку пристаетъ.

Христіернъ.

За мной побѣда!
И.. (*слышенъ еще выстрѣлъ*) третій!.. Господа, идите.
Чтожъ вы стали?
Идите поскорѣй встрѣчать его.
Густавъ прибылъ... вѣдь онъ породы Вазы!
Вся Данія кричи со мной: виватъ!
Друзья, усыпьте его путь цвѣтами!

(*Опомнясь*).

Безумный!.. скройте вы мое безумье
Въ молчаньи замогильномъ... слышите,
Всѣ вы, которые ему внимали!

Начальникъ замка, Гаральдъ и Эрикъ (*вмѣстѣ*).

Слышимъ.

Христіернъ.

А ты (*подзываетъ начальника замка и отдаетъ ему шопотомъ приказаніе*).
Распорядись, какъ я сказалъ.
(*Начальникъ замка уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ IV.

Христіернъ, Оттонъ Крумпенъ, баронъ Ландсель, Эрикъ и Гаральдъ.

Баронъ Ландсель (*забѣгая впередъ*).

Твой преданный слуга тебя съ побѣдой
Спѣшитъ поздравить — счастливъ я, что первый...

Христіернъ.

Благодарю! ты въ радостяхъ моихъ
Всегда участникъ искренній; надѣюсь,
И въ черный день равно...

Баронъ Ландсель.

Молитвы милліоновъ,
Любовь и преданность твоихъ дѣтей
Стѣною адамантовой тебя
Отъ всѣхъ бѣдъ хранятъ, а еслибъ... Боже!
Отъ мысли лишь одной кровь въ сердце стынетъ...
По трупу моему дойдутъ онѣ...

Христіернъ (*обращаясь къ Оттону Крумпену*).

Спасибо!
Сто разъ спасибо! ты доставилъ мнѣ
Такую голову, которой нѣтъ
Цѣны въ моихъ трехъ королевствахъ.

От. Крумпенъ.

Счастливъ, исполнивъ твой приказъ священный!

Христіернъ.

Хоть ты не удивилъ меня — увѣренъ
Заранѣе я былъ, что ты исполнишь все,
Что долгъ и преданность тебѣ велятъ —
Но я, я удивить тебя хочу.

(*Подзываетъ Ландселя и даетъ ему шопотомъ приказаніе; Ландсель садится за письменный столъ*).

(*От. Крумпену*).

Что Швеція? спокойно-ль было тамъ,
Какъ ты отбылъ?

От. Крумпенъ.

Ручаюсь головой,
Спокойно въ городахъ, какъ на погостѣ;
Не вскрикнетъ болѣе мятежный голосъ,
Не выглянетъ на верхъ ужъ ни одна
Вершина гордая. Мечомъ провелъ,
Какъ уровнемъ, хоть шаромъ покати.
Что началъ ты, съ епископомъ — я кончилъ [1]).
Но, государь, тебѣ донесть обязанъ:
Въ горахъ, куда мой мечъ не проникалъ,
Куда ни золото, ни власть святая
Епископа, ни самый голосъ твой
Могучій не найдутъ путей, — въ горахъ,
Я говорю, еще гнѣздо таится
Разбойниковъ, воспитанныхъ Густавомъ;
И лишь дойдетъ до нихъ, что жизнь его
Въ опасности, всѣ горы разомъ встанутъ
И, ощетинившись роднымъ желѣзомъ,
Пойдутъ на насъ.

---

1) Архіепископъ лунденскій, Теодоръ.

Христіернъ.

Смѣшно!.. Кто? рудокопы?
Чернь жалкая, день въ день живущая работой —
Какой еще! въ земной утробѣ, гдѣ
Ввѣкъ свѣта Божьяго ты не увидишь;
Гдѣ голоса отсюда не услышишь;
Кроты, которые боятся днемъ
На землю выползти?.. Смѣшно, ей-богу!
Признайтесь, вы усердьемъ пылкимъ вашимъ
Изъ этихъ нищихъ полкъ сформировали
Скоренько... Вотъ, я вижу, легіонъ
Съ ломами, съ вилами, идетъ на насъ,
И вѣютъ ужъ лохмотьевъ ихъ знамена!

От. Крумпенъ.

Есть слухъ. .

Христіернъ.

Бумага есть, надѣюсь?

От. Крумпенъ.

Удалиться
Шуту и пажу прикажи.

Христіернъ.

Останьтесь!
Въ дому моемъ чужихъ распоряженій
Я не терплю, вы знаете давно. (*Съ сердцемъ*).
Бумагу, сударь?

(*От. Крумпенъ подаетъ бумагу*).

Христіернъ.

А! пора-бы вздумать!
(*Читая бумагу*).

Ну такъ, я отгадалъ!.. Чернь любитъ сказки,
Одинъ болтнулъ, другой прибавилъ, наконецъ
Горошинка становится горой.
Про Эрика что ни сказали — вздоръ!
Онъ живъ, какъ я, свидѣтелемъ тому
Письмо, которое онъ сыну написалъ,
Заложникомъ его пересылая.
А пѣстунъ глупый — по дѣломъ языкъ
Ему отрѣзали: меня ругалъ!
Знать, рыбаку хотѣлось поживиться
Въ водѣ, его словами возмущенной!

(*Продолжаетъ читать*).

Гаральдъ (*тихо Эрику*).

Тоненько! да не проведешь ты насъ:
На хитреца всегда хитрецъ найдется.
Обманъ, обманъ, хоть обернись сто разъ!

Христіернъ.

Еще благодарю тебя, Оттонъ.
(*Ландселю*).
Ну, что, готово-ли?

Ландсель.

Несу.
(*Подноситъ королю на бархатной подушкѣ бумагу и подаетъ перо*).

Христіернъ (*подписавъ бумагу, отдаетъ От. Крумпену*).

Теперь
Съ тобой бумагами мы помѣнялись:
Прочти.

От. Крумпенъ.

Глазамъ-ли вѣрить? командорство
И на годъ пошлины съ пролива Зунда!

(*Становится на колѣни передъ королемъ и цѣлуетъ у него руку*).

Гаральдъ (*Эрику тихо*).

Кто знаетъ, этотъ годъ продлится-ли недѣлю?

Христіернъ (*даетъ знакъ Ландселю, чтобы онъ скинулъ съ Крумпена золотую цѣпь, и, когда это исполнено, снимаетъ съ себя орденъ Слона и надѣваетъ на полководца*).

Вотъ цѣпь еще, связать ей должно память
Заслугъ твоихъ и благодарности моей.

От. Крумпенъ.

Нѣтъ словъ въ устахъ, все сердце захватило.

Христіернъ (*даетъ ему знакъ, чтобы онъ всталъ*).

Хочу, чтобы *мои* со мною веселились:
Тебѣ, Ландсель, норвежскій лучшій рудникъ.

Ландсель.

Твои слова мнѣ рудникъ золотой.

Христіернъ (*держа цѣпь Оттонову*).

А эту цѣпь...

Ландсель (*принимая ее*).

На Эрика надѣть
Прикажешь?

Христіернъ.

Хорошо.

От. Крумпенъ.

(И то прекрасно!
Съ меня на мальчика!)

Эрикъ (*отталкивая цѣпь, которую хочетъ надѣть на него Ландсель*).

За что же мнѣ?
Въ великихъ подвигахъ участникомъ не былъ
Твой бѣдный пажъ, твоя сидѣлка.
Мнѣ-ль цѣпь, когда меча носить не смѣю?
Скорѣе пяльцы мнѣ; скорѣй иглу,
Шелки, чтобъ этихъ подвиговъ узоры
На память будущимъ вѣкамъ изобразить.

Ландсель.

Опомнись.

Христіернъ.

Брось, брось, онъ другой дождется цѣпи!
Теперь съ дѣтьми возиться намъ не время;
Хочу великаго Густава видѣть.
(*Удаляется, за нимъ Эрикъ и Ландсель; От. Крумпенъ выходитъ въ другія двери*).

ЯВЛЕНІЕ V.

Гаральдъ (*одинъ*).

Онъ счастливъ... А! насталъ мой часъ. Все въ дѣло!
Умъ хитрость и любовь и мщенье... Мщенье!

Подай мнѣ силу льва и злобу тигра,
И взглядъ орла глубокій мнѣ подай.
И вы, о мать моя, о мой отецъ,
Чета прекрасная, земли вѣнецъ,
Лишенные злодѣемъ жизни, чести,
Всего, что лучшаго на свѣтѣ только есть,
Съ небесной высоты пошлите помощь мнѣ:
За васъ ужъ настаетъ святой часъ мести.

ЯВЛЕНІЕ VI.

Сцена представляетъ небольшой дворъ на берегу моря, между зданіями королевскаго замка, которыя оканчиваются башнями, выдающимися въ море; среди лѣваго крыла зданій видѣнъ сходъ изъ дворца, среди праваго крыла — ворота. Вечеръ, солнце на закатѣ.

Густавъ, *съ цѣпями на рукахъ,* Родеригъ и стража.

Густавъ.

И вотъ опять на датской мы землѣ!
Два года, ровно два, какъ я здѣсь былъ.
Тогда я пріѣзжалъ не такъ, какъ нынѣ,
Невольникомъ, въ цѣпяхъ, залогомъ жалкимъ
Покоя жалкаго моей отчизны;
Я пріѣзжалъ тогда посломъ отъ ней,
Христьерну самому едва не равный,
Съ челомъ возвышеннымъ и рѣчью смѣлой.
Тогда и ты, Ютландіи краса,
Чудесное сіянье полуночи,
Какого не видалъ отвѣка Сѣверъ,
Кидала на меня лучи свои;
Тогда, роскошный цвѣтъ, въ снѣгахъ рожденный,
Чтобъ дивомъ быть снѣговъ, души своей
Ты посылала мнѣ благоуханье.
Прочь память этихъ дней! все, все прошло;

Елисавета — дочь тирана...
Все бичъ его кровавымъ залилъ слѣдомъ.

(*Немного погодя*).

Но развѣ я теперь не такъ же счастливъ?
О мать моя, тебѣ несу свободу;
Надѣлъ я эту цѣпь, чтобъ снять твою;
Купилъ я ею жизнь отцу, тебѣ могилу
Подъ небомъ сѣвера благословеннымъ.

(*Прохаживается по двору, заглядывая въ окна зданій*).

Гдѣ жъ мать?.. Въ которой же изъ этихъ башенъ
Въ неволѣ дни влачитъ?.. гдѣ мнѣ искать ее,
Скажи мнѣ, сердце; пусть на твой призывъ
Откликнется она!.. Нѣтъ встрѣчи, нѣтъ привѣта;
Отзыва не даетъ знакомый голосъ!
Молчаніе, какъ въ гробѣ... Тсъ! тише, сердце;
Замри на этотъ мигъ... Мнѣ показалось,
Тѣнь у окна знакомая мелькнула...

(*Матильда показывается у окна*).

ЯВЛЕНІЕ VII.

Тѣ же и Матильда.

Густавъ.

О, Боже! ты ль, родная?

Матильда (*протягивая къ нему руки сквозь рѣшетку*).

А!.. сынъ мой!.. дорогой
Мой, милый, обними меня... Желѣзо,
Вездѣ желѣзо!.. не смогу... а то-бъ
Я бросилась къ тебѣ... И ты здѣсь,
Мой вѣрный Родригъ?

(*Родригъ старается знаками изъяснить свою преданность*).

Густавъ.

Хоть издали
Пошли ты мнѣ свое благословенье.

Матильда (*вглядываясь въ него*).

Въ цѣпяхъ ты?.. Нѣтъ благословенья!
(*Скрывается*).

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Тѣ же, *кромѣ* Матильды, и Гаральдъ.

Гаральдъ (*кривляясь, кланяется Густаву*).

Герой полуночи, котораго такъ имя
По всей подсолнечной гремитъ, позволь
Привѣтствовать тебя съ великой западней.

Густавъ.

Прочь, шутъ!

Гаральдъ.

Что лучше, быть предметомъ шутки,
Или шутить? орломъ въ желѣзной клѣткѣ,
Или насмѣшницей сорокой на свободѣ?

Густавъ.

Прочь, говорю, и въ клѣткѣ у орла
Есть клювъ и когти.

Гаральдъ.

Жаль! и тѣ бѣдняжки
Такъ шуткой скованы, что развѣ я,
Да, я ихъ разорвать могу.

Густавъ.

Христіернъ
Къ цѣпямъ послалъ и это униженье!

Гаральдъ.

Вотъ видите, король шутить изволитъ;
А если эта блажь имъ въ голову придетъ,
Такъ головѣ чужой порядкомъ достается.
(Родригъ показываетъ руками на обликъ свой и потомъ взорами на Гаральда).

Густавъ *(тихо Родригу)*.

Да, смѣлый, умный видъ и добрый — рѣдкость
Здѣсь, при дворѣ Христьерна.
(Родригъ дѣлаетъ ему еще знаки, показывая на башню).

Густавъ.

Понимаю!
Какъ капли двѣ воды Кронсгельмъ, тотъ самый,
Что съ башни этой *(указываетъ на одну изъ башенъ)*.
сброшенъ, а жена,
Красавица, въ позоръ вовлечена
Насильственно. Была она вѣдь Шведка
И роду нашего. Исчахла
Несчастная!.. Былъ сынъ у нихъ... неужли шутъ?

Гаральдъ.

Вглядися въ шутку, каяться не будешь;
Скорлупку разгрызи — найдешь ядро.
(Убѣгаетъ всторону).

Густавъ *(Родригу)*.

Какое чудное онъ впечатлѣнье
Оставилъ; объяснить не можно. Шутъ!

А между тѣмъ невѣдомая сила
Меня къ нему влечетъ. Не тайна-ль крови?

ЯВЛЕНІЕ IX.

У всѣхъ оконъ и на балконахъ показываются дамы и рыцари; у одного окна — Елисавета: увидавъ Густава, она закрываетъ глаза платкомъ и на время удаляется; въ продолженіе явленія показываются и уходятъ разныя лица.

Густавъ.

Лишь этого еще не доставало!
О Господи, какое униженье!
Смотри, Христьернъ, тебѣ отплатитъ Небо.
(*Ландсель проходитъ по сценѣ*).

Густавъ (*останавливая его*).

Эй, господинъ! стоять я долго-ль буду
У этого позорнаго столба?
Найдется-ль хоть одинъ между рабами,
Который королю сказать бы смѣлъ,
Что я заложникъ, не преступникъ,
Что стыдъ ему — меня позорить, стыдъ!
Безчестіе не мнѣ въ плѣну — ему, владыкѣ.

Ландсель.

Я ничего не знаю, ничего
Не слышу.

Густавъ.

Такъ тебя давно я знаю!
Стой здѣсь ты, деревянный столбъ,
(*накладываетъ на плечо его руку*)
И униженію служи опорой,

Пока его не придутъ снять съ меня.
А вы, честные рыцари и дамы,

(*кланяется*)

Предъ вами я на судъ Христьерна вызываю.
За жизнь отца и матери свободу,
За тишину страны моей родной,
Я отдался заложникомъ Христьерну:
Свободно отдался — свободенъ долженъ быть.
Межъ королемъ и мной на то условье
Его, епископа великимъ словомъ
И государственной печатью скрѣплено.
Теперь вы видите, я предстою
Униженъ, оскорбленъ, въ желѣза скованъ.
Гдѣ слово рыцаря? не говорю,
Гдѣ слово короля, великое, святое,
Залогъ народной правоты и чести?
Не я, Христьернъ условье раздираетъ.

(*Немного погодя*)

Молчите, рыцари?.. Ужели слово
Боитесь произнесть за дѣло чести?

(*Слышенъ ропотъ*).

Елисавета (*показываясь у окна*).

Когда молчатъ защитники ея,
За благородныхъ дамъ я отвѣчаю.
Густаву Вазѣ цѣни не позоръ:
Онъ долгъ исполнилъ свой, какъ паладинъ.

Густавъ.

Благодарю.

Баронесса Ландсель.

Что дѣлаешь, принцесса?
Мятежникъ онъ.

Елисавета.

Достойному
Плачу достойное.

Матильда (*показываясь у рѣшетки*).

Позоръ Христьерну!

Начальникъ замка.

Густава Эриксона къ королю.
(*По этому призыву всѣ дамы и рыцари скрываются*).

Густавъ.

Въ цѣпяхъ я не пойду.

Начальникъ замка.

Изволитъ ждать.

Густавъ.

Хоть вѣчность цѣлую прождать изволитъ.

Ландсель

Мнѣ въ церемонью...

Густавъ.

Церемонься здѣсь.

Эрикъ (*прибѣгая, съ восторгомъ*)

Снять цѣпи приказалъ.
Начальникъ замка скидаетъ цѣпь; Эрикъ помогаетъ ему).

Густавъ (*вырвавъ ее изъ рукъ начальника замка, бросаетъ въ море, какъ мячикъ*).

Теперь иду.

Эрикъ (*схвативъ руку Густава, хочетъ поцѣловать ее*).

Дай руку мнѣ поцѣловать свою.

Густавъ.

У плѣнника? за что?

Эрикъ.

За доблести
Твои.

Густавъ.

И ты, ты казни не боишься?

Эрикъ.

Боюся я однихъ постыдныхъ дѣлъ.

Густавъ (*обнимая его*).

Такъ обними меня; всегда привѣтъ
У сердца моего найдетъ высокій подвигъ.
Какъ звать тебя, прекрасный юноша?

Эрикъ.

Безъ роду сиротѣ прозванья нѣтъ.

Густавъ.

Заслужишь ты его, конечно, скоро:
Пророчу я тебѣ. Хоть имя мнѣ
Свое скажи.

Эрикъ.

Мнѣ имя Эрикъ.

Густавъ.

Съ отцомъ моимъ — одно ты носишь, другъ!

Отнынѣ имена я эти вмѣстѣ
Соединю въ груди моей. (*Обращаясь къ окружающимъ его*).
Такъ есть
Еще и здѣсь прямое благородство
(*Уходитъ, за нимъ Эрикъ и начальникъ замка*).

Гаральдъ.

Виватъ! (Каковъ воспитанничекъ мой!)

ЯВЛЕНІЕ X.

Ландсель, Гаральдъ, Родеригъ и солдаты.

Ландсель (*потирая себѣ плечо*).

Желѣзная рука!

Гаральдъ.

Да, говорятъ,
Ему убить медвѣдя, все равно,
Что муху намъ; а задавить осла...
Сравните, господинъ: вы сами голова
Вѣдь умная, тра-ла, тра-ла, ла-ла!
(*Ландсель уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ XI.

Гаральдъ, Родеригъ и солдаты.

Гаральдъ (*Родеригу, уходящему на дворцовую мѣстницу, тихо*).

Я знаю все... зарѣзанъ Эрикъ... въ сынѣ
Кронсгельма Эриксонъ найдетъ слугу.

Девизъ нашъ: мщенье. До свиданья, другъ!

(*Убѣгаетъ къ солдатамъ*).

Родеригъ смотритъ на него съ изумленіемъ, всплеснувъ руками, и удаляется.

Одинъ изъ солдатъ (*Гаральду*).

Позвольте васъ спросить —
Сіятельный или баронъ,
Какъ васъ назвать, не знаемъ —
Вѣдь къ королю вы близки, —
Какая вышла намъ
Награда за труды,
Что привезли Густава?

Гаральдъ (*показывая палецъ*).

По шишу! (*убѣгаетъ*).

Другой солдатъ.

Чортъ побери, не велика пожива!

Третій.

А молвить правду-матку,
Вѣдь принца шведскаго куда какъ жаль!
Вотъ, добрая душа!

Четвертый.

Словечко броситъ — подаритъ;
Не то, что Христхенъ нашъ — глядитъ сычомъ:
Не тѣмъ онъ будь помянутъ!

(*Уходитъ*).

Гаральдъ (*показываясь изъ сѣней*).

Теперь всѣ заняты пріемомъ Эриксона:

Мигъ дорогъ... (*Бросаетъ камешекъ, завернутый въ бумагу, сквозь рѣшетку Матильдина окна*).

Полетай ты, роковая,
И раздери кровавую повязку
Съ очей, злодѣйствомъ ослѣпленныхъ.
Такъ, видно, Богъ въ своемъ совѣтѣ повелѣлъ,
Чтобъ избранникъ его моей рукой владѣлъ;
Лишь-только онъ сюда, ужъ духи мщенья
Ему черезъ меня готовятъ путь спасенья.

АКТЪ II.

ЯВЛЕНІЕ I.

Сцена въ пріемной залѣ дворца; вечеръ; освѣщеніе.

Христіернъ и Елисавета.

Сидятъ въ креслахъ на нѣкоторомъ возвышеніи; за ними рыцари и дамы, между коими баронъ и баронесса Ландсель; Густавъ Ваза входитъ сопровождаемый начальникомъ замка и Эрикомъ, вскорѣ и Гаральдъ.

Христіернъ.

Добро пожаловать! король трехъ королевствъ
Привѣтствуетъ тебя.

Густавъ (*обращаясь къ рыцарямъ*).

Кому изъ васъ
Его величество привѣтствіе даритъ?

Христіернъ.

Тебѣ, Густаву Эриксону-Вазѣ.

Густавъ.

Мнѣ? мнѣ, съ котораго ярмо лишь сняли,
Котораго шагъ первый на землѣ
Христьерна былъ означенъ униженьемъ?
Стрѣлу въ вола покорнаго вонзили
И, болію его чтобъ потѣшаться,
Кругомъ собрали зрителей наемныхъ:
Теперь цвѣтами жертву убираютъ;
Но крови не уняться изъ-подъ нихъ!

Христіернъ.

Винюсь, межъ нами были счеты,
Которые очистить надо было.
Теперь, Густавъ, съ тобою поквитались,
И старое вино мы новымъ замѣнимъ.
Сюда поближе, къ сторонѣ сердечной.
(*Указываетъ ему на мѣсто съ лѣвой стороны*).

Густавъ.

Гдѣ я? опомниться я не могу.

Христіернъ.

Такъ ты нейдешь на дружескій мой зовъ?
Гордецъ! король твой самъ къ тебѣ подходитъ
(*Приближаясь къ Густаву*)
И руку подаетъ тебѣ въ знакъ мира.
Ну, руку мнѣ!

Густавъ.

Не троньте, государь,
Еще не стерлось съ ней клеймо желѣза.

Христіернъ.

Король рукой своей клеймо стираетъ,
И кто осмѣлится тебѣ напомнить,
Что цѣпи ты когда-нибудь носилъ,
Пойметъ тотъ бремя ихъ.

Густавъ (*становится на одно колѣно и цѣлуетъ у него руку*).

Невольно покоряюсь:
Ты за орудіе такое взялся,
Какому и враги противиться не смѣютъ.

Христіернъ (*садясь*).

Елисавета, руку дорогому гостю!

Елисавета (*подаетъ Густаву руку*).

Отъ сердца мой привѣтъ.

Густавъ (*цѣлуетъ у ней руку, ставъ на одно колѣно*).

(Бальзамъ чудесный,
Какихъ глубокихъ ранъ не заживишь!)

Христіернъ.

Когда-бъ я долѣе на сердце зло держалъ,
Напомнилъ-бы тебѣ, какъ дочь, забывъ
Родителя святое приказанье
И стыдъ дѣвичій, воздала тебѣ
Дань должную средь рыцарей и дамъ.
Я, я, отецъ, не оскорбился этимъ;
Напротивъ, — дочери хвалю къ тебѣ вниманье.
Не скрылось также отъ меня, что пажъ
Какой-то горячо ужъ слишкомъ встрѣтилъ
Тебя, Густавъ... Другому, не Христьерну,
Онъ поплатился-бъ головой своей.

Густавъ.

Еще благодарю, мой государь!

Христіернъ.

Теперь ты гость нашъ, не заложникъ,
И гостю угодить душой мы рады.
Воспитанъ ты въ горахъ; охота
Была тебѣ любимою забавой
Издѣтства, и лѣсовъ мохнатый житель
Не разъ подъ богатырскою рукой
Твоею, издыхая, прославлялъ
Густава-Вазы силу и искусство.
Моя Елисавета — также
Не юга дочь: смирять коней ретивыхъ,
Стрѣлой оленей мѣтко догонять
И сокола пускать искусно въ небо
Рука ея привыкла — вотъ тебѣ
Товарищъ для охоты; если... ты
Не будешь помнить зла.

Густавъ.

Забыто все,
Все, кромѣ клятвъ, запечатлѣнныхъ честью
Моей и честью короля Христьерна.
Теперь позволь мнѣ, государь, исполнить
Священный долгъ: мать ждетъ меня давно;
Спѣшу ей дать и сына, и свободу,
И вѣсти объ отцѣ моемъ.

Христіернъ.

Такъ скоро!
Когда своимъ разбитымъ членамъ отъ тревогъ
Стихіи грозной не далъ отдохнуть?

Когда и умъ и сердце не успѣли
Опомниться отъ столькихъ треволненій,
Тебя такъ долго искушавшихъ?

Густавъ.

Къ суровостямъ стихій привыкли члены
Мои отъ малыхъ лѣтъ; судьбы-же ласки
Еще меня досель не баловали:
Такъ нѣгѣ мнѣ теперь-ли предаваться?
Когда поставленъ ратникъ на часы,
Сойдетъ-ли съ нихъ за тѣмъ,
Что дождикъ бьетъ его, иль онъ усталъ?

Христіернъ.

По крайней мѣрѣ мать твою, старушку
Больную, хилую, предупредить
Намъ должно бы; нечаянность убить
Бѣдняжку можетъ... право, подожди
До завтра, добрый другъ!

Густавъ.

Она въ цѣпяхъ
Меня ужъ видѣла, чего-же болѣ!

Христіернъ.

Подходитъ ночь.

Густавъ.

Что ночь, что день, любовь
Въ подобныхъ случаяхъ не разбираетъ.

Христіернъ.

Старушка сну давно, чай, предалася.

Густавъ.

Неужли прогнѣвится мать, когда
Ее разбудитъ сынъ свиданья поцѣлуемъ?

Христіернъ.

Сдаюся; воленъ дѣлать здѣсь, что хочешь.
Но виноватъ, ее предупредить я долженъ:
Въ подобныхъ случаяхъ любовь безумна!

(*Говоритъ на ухо Ландселю*)

Ночь добрая, Густавъ!

(*Елисавета посылаетъ ему поклонъ рукой*).

(*Густавъ удаляется, за нимъ начальникъ замка; Христіернъ даетъ знакъ окружающимъ его, всѣ удаляются, кромѣ Елисаветы и баронессы Ландсель*).

ЯВЛЕНІЕ II.

Христіернъ, Елисавета и баронесса Ландсель.

Христіернъ (*Елисаветѣ, взявъ ея руку*).

Хотѣлъ-бы помощи твоей просить.

Елисавета.

Ты можешь приказать мнѣ, государь!

Христіернъ.

Вотъ видишь, щекотливы могутъ быть
Для слуха твоего мои слова;
Но, думать надо, не противны сердцу
Они... по-крайней-мѣрѣ я привыкъ

Къ той мысли, что взаимность чувствъ
Тебя соединяетъ... съ Эриксономъ...
И, если не ошибся, съ той поры,
Какъ онъ посломъ отъ Шведовъ былъ у насъ...
Два года ужъ тому.. Неравнодушной
Тебя и нынѣ видѣлъ... Ты молчишь?

Елисавета.

Когда отецъ прочелъ въ душѣ моей, не смѣю
Я долѣе скрываться отъ него.
Но сердцу пищу мнѣ зачѣмъ давать?
Къ чему?.. Заложникъ онъ, едва не плѣнникъ...

Христіернъ.

Кто знаетъ, Промыслъ самъ къ чему его готовитъ!
Онъ плѣнникъ нынѣ — завтра царь... Я хилъ,
Наслѣдника прямого не имѣю,
И... остальное можешь ты понять.

Елисавета.

Чтожъ дѣлать я должна?

Христіернъ.

Прямая дурочка!
Скажу яснѣе..: чары красоты,
Ума, любезности... взглядъ кстати и улыбку,
Словечко впору... вѣдь вы такъ искусны,
Когда плѣнять захочете... природа
Тебя такъ щедро надѣлила!
Все хитро расточай передъ Густавомъ,
Чтобъ плѣнника мнѣ крѣпче привязать.

Елисавета.

Тебѣ?.. отецъ мой!.. И ты, ты рѣшился

Сказать мнѣ это?.. Чтобъ Елисавета
Унизилась до роли площадной
Прелестницы?.. Когда ты хочешь знать,
Люблю его, люблю въ немъ благородство,
Возвышенность души и вкрадчивость ума,
И ту суровую красу лица,
Которымъ дщери Сѣвера не смѣютъ
Противиться. Любовь его — мнѣ жизнь,
Свѣтъ солнца, воздухъ, все, чѣмъ жизнь красна;
Но я хочу въ любви свободы — воленъ онъ
Меня любить и не любить; счастливой
Я чту себя, что взоры онъ и сердце
На мнѣ остановилъ; ему принадлежать,
Иль Богу — вотъ обѣтъ души моей!
Но чарами своими не хочу
Я счастья своего купить.

Христіернъ.

Довольно!
Прими слова мои за испытанье,
За тайное предчувствіе отца,
Идущее навстрѣчу счастью
Любимой дочери.

Елисавета.

Благодарю.

Христіернъ.

Благодарю?.. Однако я-жъ за это
Упрекъ отъ дочки заслужилъ!.. Отецъ
Съ своими кровными ужъ долженъ притворяться;
Межъ царственныхъ заботъ и думъ, слова
Въ бесѣдахъ отъ души, съ своей семьей,
На граны взвѣшивать, какъ-бы аптекарь;
Заботиться, чтобы на тѣ алмазы,

Которыми онъ дочь даритъ, пылинка
Не пала какъ-нибудь, — дыханьемъ ихъ
Не потемнить!

Елисавета.

Простите, государь!

Христіернъ.

Лишь изъ любви къ тебѣ хотѣлъ сказать,
Что, право, не мѣшало навести
Въ рѣчахъ безъ смысла яснаго... Никто
Не говоритъ, чтобъ ты сама навстрѣчу
Сердечныхъ объясненій шла, чтобы
Ты возбуждала ихъ... король Христьернъ
И безъ твоихъ напоминаній дѣтскихъ
Падетъ-ли до того, чтобъ въ торгъ постыдный
Родную дочь пустить?

Елисавета.

Благодарю.

Христіернъ.

Не говорю, чтобъ ты... но если онъ
Начнетъ тебѣ намекомъ изъясняться,
Помочь ему... Любовники бываютъ
Такъ иногда застѣнчивы и робки...
Ты въ душу брось ему... что я, я самъ...
Когда-бы память онъ прошедшихъ дѣлъ
Забросилъ навсегда и вѣренъ мнѣ
По смерть мою остался... намекни,
Что руку я твою отдамъ изъ всѣхъ
Друзей вѣрнѣйшему...

Елисавета.

Благодарю.

Христіернъ.

Благодарю! благодарю! Нѣтъ словъ
Другихъ, неблагодарная дѣвчонка?..
Смотри, не каяться!.. (*Даетъ знакъ, чтобъ она удалилась; Елисавета, сдѣлавъ глубокій поклонъ, уходитъ*).
Вотъ простодушье,
Достойное златого вѣка! (*Баронессѣ*) Эй!
(*Баронесса, которая шла-было за Елисаветою, подходитъ къ королю*).
Ты слышала — я такъ и говорилъ,
Чтобъ слышала — и поняла меня:
Ты ужъ не дѣвочка въ осьмнадцать лѣтъ
И отъ меня уроковъ не попросишь.
Свободу полную имъ для свиданій!
Посматривай, слѣди и доноси,
Но не мѣшай...

Баронесса Ландсель.

Увѣренъ будь, исполню:
Не первый разъ въ любви мнѣ мастерить.
(*Уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ III.

Христіернъ (*одинъ*).

Тяжелый день, довольно поработалъ!
Всѣ силы, всѣ способности души,
Какъ груду камней, исполински поднялъ разомъ
И Эрика трупъ ими завалилъ.
Какой титанъ изъ-подъ громады этой
Его откроетъ?.. Спи до радостнаго утра!
Оледенѣвшихъ рукъ ужъ не прострешь

Ты къ моему вѣнцу. Я властвую одинъ!..
Пора награду мнѣ — хоть эту ночь
Спокойный сонъ. (*Зоветъ въ свистокъ, и потомъ немного походя*).
Усну-ли? нынѣ день
Екатерининъ; ровно въ полночь, ровно
Тринадцать лѣтъ, какъ умерла она.
Чтожъ душу мнѣ мутишь, о ликъ прекрасный?
Исполнилъ я обѣтъ, у гроба данный:
Устроилъ счастіе дѣтей твоихъ,
И Эрикъ, сынъ нашъ, мой любимецъ.
Чего ему я не прощаю для тебя!

ЯВЛЕНІЕ IV.

Христіернъ, Эрикъ и Гаральдъ.

Христіернъ.

Поди, раздѣнь меня, мой милый Эрикъ;
А послѣ вы, съ Гаральдомъ, будьте здѣсь,
И мой покой до перваго луча
Посторожите.. я прошу васъ, дѣти!
На васъ однихъ моя почіетъ жизнь
И безопасность; да, лишь вамъ однимъ
Могу я ввѣриться. . а тамъ, повыше,
За ржавый гвоздь меня продать готовы.
Для развлеченія въ полночный часъ
Займитесь шахматной игрой; но только
Прошу не говорить: матъ королю!
Вы можете привыкнуть... неприлично...

Гаральдъ.

Мы будемъ говорить: матъ первой шашкѣ!

Христіернъ.

Лишь только до зари, мои друзья;
А тамъ идите спать себѣ хотя на креслахъ
Моихъ.

Гаральдъ.

Ужъ намъ-ли не беречь тебя!
Мы золотомъ твоимъ и ласками богаты.

(*Христіернъ уходитъ, за нимъ Эрикъ*).

ЯВЛЕНІЕ V.

Гаральдъ (*одинъ*).

(*Ставитъ шахматный столъ и къ нему два стула*).
Вотъ глубина лукавства — пропасть
Бездонная, куда и Вельзевулу
Ужасно заглянуть!.. Нашла однакожъ
Коса на камень; онъ искусно строитъ,
А я еще искуснѣй разрушаю.
Не даромъ я воспитанъ іезуитомъ! .
Увидимъ, чья возьметъ!.. Разставимъ шашки,
И въ таинство игры введемъ мы друга.

ЯВЛЕНІЕ VI.

Гаральдъ и Эрикъ.

Гаральдъ.

Итакъ, увѣренъ ты, что я не шутъ.

Эрикъ.

Что ты шута личину только носишь;
А то бы могъ-ли я тебя любить!

Гаральдъ (*посмотрѣвъ въ замочную скважину двери, чрезъ которую вышелъ король, и прислушавшись у ней*).

Злодѣй усталъ! спитъ въ первый разъ спокойно.

(*Оба садятся за шахматный столъ*).

Эрикъ.

Святое слово ты мнѣ далъ; пора исполнить:
Удобнѣй времени намъ не найти.

Гаральдъ.

Готовъ... приличный часъ!.. Такъ слушай повѣсть
Ужасныхъ дѣлъ. Не удивитъ тебя
Она — ты здѣсь довольно дѣлъ кровавыхъ
Свидѣтелемъ ужъ былъ. И не хитра!
Какъ всѣмъ насиліе начало, а конецъ
Безвѣстный гробъ на днѣ морской пучины.
Не любопытству льстить я твоему хочу,
Не потѣшать тебя хитро-сплетенной сказкой —
Найдешь и безъ меня искусныхъ краснобаевъ —
Но съ кровію твоей бесѣдовать хочу.
Не слухомъ, — нѣтъ, чѣмъ только бьется жизнь,
Ты долженъ мнѣ внимать; хочу, чтобъ мнѣ
Наградой былъ изъ сердца крикъ глубокій,
Крикъ ворона надъ трупомъ жертвы, стонъ
Земли, когда она живыхъ извергнетъ гробы.

(*Эрикъ подвигаетъ къ нему стулъ*).

Но, прежде чѣмъ начну, ты поклянись
Мнѣ прахомъ матери, что волю ты мою
Исполнишь такъ же свято, какъ-бы мать
Сама тебѣ ее передавала.

Эрикъ.

Клянусь.

Гаральдъ.

Что безъ меня ты не приступишь
Къ развязкѣ никакой; что ты не только дѣломъ,
Иль словомъ, даже взглядомъ не выронишь
Намека одного о тайнѣ роковой.

Эрикъ.

Клянусь.

Гаральдъ.

Такъ начинаю... скоро полночь...
Екатерининъ день!.. Забудь, гдѣ ты,
Кого ты слушаешь: молись — мы въ храмѣ,
И этотъ храмъ сукномъ подернутъ чернымъ,
И въ этомъ храмѣ гробъ стоитъ...
Молись!..
Подъ бѣлой пеленой въ немъ мать твоя лежитъ.

Эрикъ.

О, Господи! благослови ее!
Простите, ангелы, надъ ней крылѣ свои!

Гаральдъ (*немного погодя*).

Ей имена даны: Екатерина,
Кронсгельмъ по мужѣ, по рожденью Ваза.
Была она зари весенней краше,
И лиліи бѣлѣе, непорочнѣй
Была ея душа; — добра, какъ агнецъ,
На помощь ближнему стрѣлы быстрѣй.
И выбрала она по сердцу друга,
И сердце отдала ему съ рукой.
Спроси ты всякаго, кто зналъ Кронсгельма,
И скажутъ всѣ, что генералъ Кронсгельмъ
Достоинъ былъ ея по всѣмъ правамъ.

Восторгами любви часы они считали.
Счастливая! знать, возбудила зависть
Ты Неба самого. Христіернъ увидѣлъ
Екатерину — и... желаньемъ воспалился.
Власть, почести, услуги, злато, страхъ, —
Все, все испытано, что могъ онъ испытать;
Ничто не помогло. Но Христіерна-ль
Страстямъ когда преграды знать? Похитилъ
Онъ мать твою, и лилія стопой
Порочною осквернена, и агнецъ,
Испивъ насильственно изъ ядовитыхъ струй,
Въ страданіяхъ жизнь кончилъ...

Эрикъ.

А отецъ?

Гаральдъ.

Отецъ?.. Еще задолго до того
Противъ насилія послѣдній крикъ его
Въ морской пучинѣ заглушенъ

Эрикъ.

О, Господи! и живъ еще злодѣй!
Ножъ, ножъ! (*Ищетъ орудія на себѣ и на Гаральдѣ и не найдя*)
Нѣтъ ничего!.. Обломкомъ стула...
Подушкой...

Гаральдъ (*закрывая ему ротъ рукою и удерживая его*).

Тише, тише, ты разбудишь
Его.

Эрикъ.

Да, разбужу, чтобъ смерть
Ужаснѣе лицомъ къ лицу онъ видѣлъ...

Гаральдъ.

Безумный! стоитъ лишь — ударъ шнурка,
И стража явится скорѣе мысли.
Хотя-бъ успѣлъ?.. зачѣмъ?.. онъ долженъ жить:
Я требую того... ты мнѣ клялся.

Эрикъ.

Клялся безумный!.. да! (*Плачетъ, потомъ немного погодя*).
И не было кому
Позора матери досель отмстить!

Гаральдъ.

Былъ сынъ у ней еще... Гаральдъ: я — старшій,
А ты — меньшой.

Эрикъ.

И ты, ты столько лѣтъ
Жизнь маешь на землѣ, ѣшь, пьешь и — шутишь?

Гаральдъ.

Шучу!.. шучу, любезный братъ!..
Да мало этого, я забавляю
Убійцу матери моей, отца,
Когда печаленъ онъ, гоню печаль
Съ чела, изрытаго злодѣйской думой;
Служу ему лазутчикомъ, слугой,
Какого онъ вѣрнѣе не имѣлъ;
И болѣе — его хранитель — геній,
Смотрю за нимъ я неусыпнымъ окомъ,
Какъ за дитей своимъ, чтобы убійцы ножъ
Его на праздникахъ народныхъ не коснулся,
Чтобъ яду не подсыпали ему
На тайныхъ оргіяхъ, въ любимое вино:

Все самъ я пробую сперва... Шучу,
Любезный!.. но пора придетъ — развязка шуткѣ!
Онъ долженъ жить, я говорю,
И будетъ долго жить, пока Господь
Не позоветъ его къ суду другому.
Ужъ близокъ грозный срокъ — покуда тайна —
И жизнь ему тошнѣе будетъ смерти.
Бѣду онъ эту и во снѣ не видитъ.
Всѣ помыслы, все бытіе его
Теперь устремлены, какъ плѣнъ Густава
Упрочить навсегда; а *тамъ*.. куютъ
На самого желѣза вѣчныя.
Но чтобы силы раздѣлить злодѣя,
Чтобъ жертвой лакомой развлечь его,
Скорѣй дадимъ свободу Эриксону —
На этихъ дняхъ. . тѣмъ лучше, чѣмъ скорѣй,
Пока лукавый упоенъ счастливымъ
Успѣхомъ замысловъ своихъ лукавыхъ,
Пока не родилися подозрѣнья.
Ты будешь помогать. . не спрашивай,
Гдѣ, какъ и чѣмъ; узнаешь, время будетъ.

Эрикъ.

Готовъ исполнить все, хоть въ адъ вели
Сойти, чтобы достать орудья мести.

Гаральдъ.

Теперь я разскажу тебѣ, гдѣ былъ я
По смерти матери, и отъ кого
Узналъ я тайну нашего семейства.
Коротокъ мой разсказъ: къ монахамъ отданъ,
И тамъ воспитанъ былъ у іезуита.
Духовника онъ матери былъ другъ
И, искушенію когда прошла пора,

Онъ разсказалъ мнѣ все, что слышалъ ты.
Тогда же въ сердцѣ зароилось мщенье;
Рука моя не разъ кинжалъ точила;
Но я, лукавствомъ искушенъ, другой
Искуснѣй и вѣрнѣе планъ придумалъ.
Христьернъ шутовъ любилъ: я сдѣлался шутомъ,
И скоро шутками обитель возмутилъ.
Ютландіи правитель, Магнусъ Мундсъ,
Меня увидѣлъ... полюбилъ, увезъ,
Пристроилъ у себя, направилъ къ цѣли...
И наконецъ Христьерну подарилъ.
Три года здѣсь...

Эрикъ.

Неужли онъ не знаетъ,
Что ты Кронсгельма сынъ?

Гаральдъ.

Проникнулъ тотчасъ,
Меня-жъ ни въ чемъ не подозрѣваетъ онъ.
Что до тебя, безвѣстный сирота,
Воспитанъ королемъ, пошелъ ты въ гору
И у руки его стоишь, любимый пажъ!

Эрикъ.

Не даромъ я его возненавидѣлъ.

Гаральдъ.

Вотъ все... Да, да, я позабылъ сказать,
Былъ сынъ у нихъ, отвергнутый закономъ.

Эрикъ.

Гдѣ жъ онъ?

Гаральдъ.

Быть-можетъ, первый дѣтскій крикъ
Его въ полночный часъ былъ задушенъ
Наемною рукой злодѣя; можетъ-быть,
И видѣла одна луна, какъ ангелъ смерти
На зеркалѣ холодныхъ водъ писалъ
Таинственный свой кругъ... Миръ мертвымъ!

(*На башнѣ бьетъ полночь*).

Полночный часъ!.. Святой, великій часъ!
Въ послѣдній разъ, когда ее я видѣлъ,
Подъ бѣлой пеленой она въ гробу лежала.
Какъ хороша была съ вѣнкомъ на головѣ
Изъ бѣлыхъ розъ!

Эрикъ.

Кто?

Гаральдъ.

Мать! улыбкой мертвыхъ губъ,
Казалось мнѣ, со мной еще хотѣла
Бесѣдовать...

Эрикъ.

Пахнулъ откуда вѣтеръ!

Гаральдъ.

Затворены всѣ двери, и никто
Не смѣетъ въ этотъ часъ...

Эрикъ.

Мнѣ страшно что-то;
Морозъ меня насквозь проникнулъ.

(*Имъ чудится тѣнь матери*).

Гаральдъ.

Боже!

Она.

Эрикъ.

Она?.. Тѣнь милая, помедли!

Гаральдъ.

Прости, что мы встревожили твой прахъ,
И дай благословенье намъ, родная!

(*Слышенъ крикъ изъ отдѣленія, гдѣ находится король*).

ЯВЛЕНІЕ VII.

Тѣ же и Христіернъ.

Христіернъ (*прибѣгая, блѣдный, въ изступленіи*).

Екатерина, сжалься!.. Дѣти, о скажите,
Что вы счастливы... Ради Бога.

(*Гаральдъ и Эрикъ, обнявшись одной рукой, закрываютъ другъ друга епанчей своею*).

Гаральдъ.

Король!

Эрикъ.

Ужасный призракъ!
Кровь, кровь на немъ; струями
Бѣжитъ съ его одежды.

Гаральдъ.

Лужа
Кровавая подъ нимъ стоитъ.

Эрикъ.

О, Боже!..
Сгинь, сгинь, проклятое видѣнье!

Христіернъ.

Дѣти!

(Влачится къ стѣнѣ, дергаетъ за звонокъ, и падаетъ; прибѣгаютъ служители, офицеры и стража).

АКТЪ III.

ЯВЛЕНІЕ I.

Комната со сводами, въ окнахъ рѣшетки желѣзныя. Напротивъ къ лѣвой сторонѣ дверь; направо двѣ двери.

Матильда и Гаральдъ.

Матильда (*сидитъ у стола, погруженная въ задумчивость; услышавъ, что кто-то вошелъ, вздрагиваетъ и оборачивается*).

Я думала, сынъ мой!.. Нейдетъ!. Здоровъ ли?
Не новое ль грозитъ ему несчастье?

Гаральдъ.

Здоровъ и, ласками коварными опутанъ,
Не мыслитъ, что отца могилу ими
Скрываютъ отъ него.

Матильда.

Вотъ какъ! онѣ-то
Заставили и мать забыть. Вѣдь это ласки
Христьерна, короля трехъ королевствъ,
Не дряхлой плѣнницы!..

Гаральдъ.

Несправедлива
Не будь. Вчера, лишь только онъ ступилъ
На датскій берегъ, первой мыслью, первымъ
Его желаньемъ было броситься
Въ объятія твои; но донесли,
Что заперлася ты и спишь сномъ крѣпкимъ.
Сейчасъ онъ будетъ.

Матильда.

Мало имъ, что мужа
Злодѣйскою рукой меня лишили,
И сына у меня отнять хотятъ!
Но, другъ, мы не дадимъ — мы не дадимъ,
Не правда ли?

Гаральдъ.

Пока хоть капля крови
Останется во мнѣ.

Матильда (*схвативъ его руку, прижимаетъ къ сердцу*).
Родной ты мой,
Мой благодѣтель!

Гаральдъ.

Нѣтъ, я прочь отъ дани этой:
Кронсгельма сынъ трудится для себя;
Отца и матери онъ мститель, а вы — кстати!..

Матильда.

Да мнѣ-то что! спаситель ты Густава.
Не знаешь ты, *кого*... еще спасаешь
Въ немъ...
(*Прислушивается у двери*).

Гаральдъ.

Никого здѣсь нѣтъ: не бойся, боленъ
Король; ужасный сонъ онъ въ полночь видѣлъ,
И слегъ.

Матильда.

Такъ слушай же. Въ Далекарлійскихъ
Горахъ мы рудники имѣли; тамъ
Я сына родила. Въ то время молоко
Пропало у меня: чтожъ? рудокоповъ жены
Взялися моего ребенка грудью
Своей по жеребью кормить; и былъ здоровъ
Густавъ мой, и съ тѣхъ поръ въ горахъ Густава
Всѣ жители дитей *своимъ* зовутъ.
Тамъ росъ онъ лѣтъ до десяти; любили
Его, какъ сына милаго Далекарлійцы
И гордо на рукахъ своихъ носили;
И онъ къ нимъ такъ привыкъ, что лицъ ихъ черныхъ,
Объятій ихъ запачканныхъ не бѣгалъ;
И часто пропадалъ по цѣлымъ днямъ
Онъ въ рудникахъ. Разъ, какъ теперь я вижу:
Толпа — что говорю, толпа? — народъ
Изъ горъ спустился на долину нашу
И, будто море, затопилъ ее —
Все рудокопы, жены ихъ и дѣти —
И впереди у старца на рукахъ
Мое дитя: ему лѣтъ восемь было:
Мое дитя въ серебряномъ вѣнцѣ.
На этотъ даръ сложились рудокопы
И лепту равную всѣ принесли.
Какъ былъ хорошъ въ вѣнцѣ мой сынъ, мой Ваза!
Какъ радостно ручонками онъ билъ
И ласково и гордо на народъ
Смотрѣлъ! И воздухъ наполнялся кликомъ:

«Да здравствуетъ король, Густавъ *нашъ,* Ваза!»
Съ тѣхъ поръ меня все эти клики будятъ,
Во снѣ и наяву Густава вижу
Въ вѣнцѣ.

Гаральдъ.

Народа голосъ — голосъ Бога!
Не даромъ матери предчувствіе, не даромъ,
Лишь только онъ ступилъ на датскій берегъ,
Ему спасенья путь ужъ изготовленъ.

Матильда.

И ты начатое докончишь, другъ?

Гаральдъ.

Записку ты мою прочла?

Матильда.

Прочла.

Гаральдъ.

Такъ ты собой пожертвовать готова?

Матильда.

Чѣмъ? этой рухлядью костей, которыхъ
Въ добычу ждетъ къ себѣ давно земля?
Не этимъ ли пергаментомъ безцѣннымъ,
Что скоро червяки испишутъ словомъ:
Смерть, смерть, смерть?.. Чѣмъ еще? Вдовствомъ моимъ,
Тюрьмою этой, горькими слезами
И днями черными, которыхъ счетъ
Въ изсохшей головѣ ужъ потеряла?
Возьмите все мое, лишь сохраните сына
Для Швеціи моей (*немного погодя*). Хотѣлось бы увидѣть

Его въ вѣнцѣ... Но, Господи, ты мнѣ
Порукою, что будетъ въ немъ Густавъ:
Не погуби моихъ надеждъ!.. Умру
Спокойно съ этой мыслью.

Гаральдъ.

Чу! идутъ. —
Ты уничтожила мою записку?

Матильда (*показавъ, что проглотила ее*).

Здѣсь, здѣсь она у сердца моего,
Въ утробѣ этой, гдѣ носила сына;
И буква каждая твоя ужъ кровью
Моею напиталась...

Гаральдъ.

До свиданья!
Тогда слова всѣ примутъ грозный образъ
И сильной ратію ударятъ на врага.

(*Уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ II.

Густавъ, Матильда и Родеригъ.

Густавъ (*бросаясь на колѣна передъ матерью, хочетъ поцѣловать у ней руки*).

Матильда (*не давая ему руки*).

Зачѣмъ пожаловалъ? Христьерна слугъ
Число умножить? Да, изъ роду Вазы
Донынѣ у него въ передней не служили:
Ты первый будешь, поздравляю — мать
Хотѣлъ, конечно, ты утѣшить этимъ!

Густавъ.

О, не смотри ты такъ сурово на меня,
Не раздирай мнѣ сердца пополамъ
И не вини меня безъ оправданья!

Матильда.

Встань и скажи, что можешь ты сказать.

Густавъ.

По тайному приказу твоему
Я ѣхалъ въ горы...

Матильда.

Колыбель твоихъ
Счастливыхъ, дѣтскихъ лѣтъ, пріютъ любви
И твердой преданности къ намъ народа,
Простого, добраго и — сильнаго, когда
Вооружится онъ на дѣло неба.
Чтожъ, ты исполнилъ мой приказъ?

Густавъ.

Съ письмомъ
Отъ моего отца гонецъ мнѣ путь
Перехватилъ. Въ посланьѣ этомъ
Вотъ было что написано: «Покорность
И полная покорность государю!
За голову твою пылаютъ города,
И братья тонутъ сотнями въ крови:
Заложникомъ отдайся, и купи
Свободою своею жизнь отцу,
Отечеству хоть годъ отдохновенья
И матери свободу».

Матильда.

Узнаю
Я Эрика: дороже жизнь ему
Сыновней головы и счастія. Но прахъ
Его зачѣмъ тревожить?

Густавъ.

Прахъ? отца?
Онъ живъ, какъ я; письмо его король
Мнѣ переслалъ, чтобъ ты его читала (*подавая ей письмо*).

Матильда (*отталкивая письмо*).

Читай ты самъ, дитя, и выучи
По немъ урокъ, который задаетъ
Тебѣ учитель твой!.. И ты, несчастный,
Лукавому повѣрилъ, какъ ребенокъ
Внимаетъ простодушно сказкамъ мамки?
У сердца моего спроси ты лучше;
Спроси ты у очей моихъ: сгорѣли
Они отъ слезъ въ одинъ протекшій день.
Да вотъ всѣхъ лучше, всѣхъ краснорѣчивѣй,
Несчастный пѣстунъ твой тебѣ разскажетъ.

Густавъ.

Нѣмой!

Матильда.

Да, да, и потому, что онъ нѣмой.

Густавъ.

На всѣ мои запросы отвѣчалъ
Онъ знаками, что Эрикъ живъ остался.

Матильда.

И ты, Густавъ, мой сынъ, не отгадалъ,
Что клятвою ужасною онъ связанъ;

Что для тебя лишь далъ ее, и муки
Ужасныя онъ выдержалъ, чтобы
Съ тобой не разлучаться? — Вѣрный рабъ
И другъ, приди и обними меня.

(Родеригъ бросается на колѣни и цѣлуетъ у ней руки; Матильда обнимаетъ его).

Густавъ.

Неужли такъ жестоко насмѣялись
Надъ клятвою священной вицерой —
Епископъ и король?.. О, Боже! вѣрить
Чему-жъ придется въ наши времена!
Злодѣй, какъ дерзко онъ еще вчера лукавилъ!
И я ту руку цѣловать спѣшилъ,
Которою онъ пролилъ кровь отца!

Матильда.

Для Христіерна ужъ давно святого
Нѣтъ на землѣ; а вицерой его,
Слуга его наложницъ, брадобрѣй,
Виновникъ доблестный несчастья многихъ
Семействъ, и въ томъ числѣ Екатерины
Кронсгельмъ... судить ты можешь самъ,
Что отъ намѣстника такого ждать!
Но дѣло сдѣлано. Отца мы праху
Дань принесемъ — слезами ль? Нѣтъ, мы слезы
Зароемъ въ глубинѣ души, чтобы
Никто и не подозрѣвалъ о нихъ;
Когда ихъ горечь закипитъ со дна,
Проглотимъ горечь, будто чашу меду,
И сладкою улыбкою приправимъ.
Обманемъ ихъ, какъ обманули насъ.

Густавъ.

На все готовъ, хоть на гвоздяхъ лежать,

Пока свободу ты получишь;
А тамъ... Густавъ ужъ будетъ знать, что дѣлать.

Матильда.

Ты о какой свободѣ говоришь?

Густавъ.

О той, которую своей свободой
Купилъ. Готовятъ ужъ корабль надежный,
Чтобъ перевезть въ отечество тебя.

Матильда.

Насмѣшка горькая надъ бѣдною старухой!
Чѣмъ заслужила я ее? Куда,
Скажите, плыть? чего искать въ моряхъ?
Отечества, гдѣ мужа и друзей
Останки я должна у псовъ голодныхъ
Оспаривать; гдѣ матери съ насмѣшкой
Укажутъ на меня въ позоръ народу
И молвятъ: «Вотъ она, та молодица,
Которая пришла намъ Шведовъ дать,
Защитниковъ отечества могучихъ!..»
Нѣтъ, остаюся здѣсь, а ты — ты долженъ
Бѣжать, когда и какъ, я прикажу.

Густавъ.

О, Господи, какое искушенье!

Матильда.

Ты долженъ отомстить отца погибель,
Свои желѣза, мой позоръ и рода Вазы
Всего, но не убійствомъ: нѣтъ, это
Разбойниковъ достойно, черни подлой!
Повѣрь, кровь купится такою-жъ кровью!

Явись къ друзьямъ моимъ, Далекарлійцамъ:
Они зовутъ тебя *своимъ*; дитею
Тебѣ вѣнецъ они сулили — пусть
Теперь украсятъ имъ Густава, мужа;
И остальное Богу поручи.

Густавъ.

Ты здѣсь останешься, и вслѣдъ за мною
На плахѣ голова твоя слетитъ;
А я, я буду это знать, и вдаль
Мои мечтанья понесу, въ восторгѣ,
Что скоро вырвался изъ плѣна,
Что матери жизнь промѣнялъ на дни
Спокойные подъ царскимъ балдахиномъ —
Когда еще удастся сѣсть подъ нимъ!
Нѣтъ, никогда!

Матильда.

Сынъ милый, другъ ты мой,
Не разрушай ужаснымъ этимъ словомъ
Блаженства, цѣли жизни всей моей:
Для этой цѣли только и жила я,
Не отравляй послѣднихъ дней моихъ:
Не много ихъ считать осталось. Вспомни,
Для ней одной желѣза я носила,
Для ней пила неволи я отраву;
Не отнимай единственнаго блага
У матери, которая всего
Лишилась: мужа, родины, друзей,
Которая тебя лишь одного имѣетъ,
Тобой однимъ все это замѣнила.

Густавъ.

Что дѣлаешь со мной? Своимъ убійцей
Меня творишь. Мать милая, опомнись.

Ты предлагаешь сыну ножъ, и я,
Я мать, родившую меня, зарѣжу
Лишь для того, чтобъ кровію ея
Купить себѣ вѣнецъ. Не повинуюсь
Теперь. Не мальчикъ-же я безразсудный!
Нѣтъ, сто разъ нѣтъ.

Матильда.

Не все-ль равно?
Меня зарѣжетъ твой отказъ, умру-жъ
Отъ рукъ я сына своего, жестокій!
И если ты не уморишь меня
Такъ скоро, какъ-бы я сама хотѣла,
Клянуся, завтра-жъ въ морѣ свой конецъ
Найду.

Густавъ.

Когда судьбѣ неумолимой
Отъ насъ угодно жертвы непремѣнно,
Умремъ-же вмѣстѣ, вмѣстѣ на костеръ
Взойдемъ обнявшись.

Матильда.

Нѣтъ, хочу, чтобы ты жилъ,
Хочу, чтобъ жизнью наслаждался ты,
Чтобъ Вазы родъ мой сынъ собой возвысилъ,
Чтобъ Швеція моя тобой гордилась.
О сжалься, милый сынъ! неужли хочешь
У ногъ своихъ увидѣть мать?

Густавъ.

Скорѣй
Я въ прахъ повергнуся передъ тобою
И ноги обниму твои съ мольбой —
Ужасный приговоръ свой отмѣнить!

Матильда.

Когда на то пошло, когда законы,
Отвѣка данные, ты не забылъ,
Такъ здѣсь, сюда, къ ногамъ моимъ, мятежникъ!
(*Густавъ становится на колѣни, мать кладетъ ему руку на голову*).
Ты слышалъ волю матери своей,
Зане отъ Господа она дана;
Нѣтъ перемѣны ей, хотя-бъ самъ Богъ
Потребовалъ другого приговора.
Прими ее, и съ ней мое благословенье;
Но если ты движеньемъ хоть однимъ
Противъ нея пойдешь, проклятіе мое
Пускай на голову твою падетъ,
И вѣтвь послѣднюю отъ рода Вазы
Сгубитъ топоръ презрѣнный дровосѣка.

Густавъ.

О! первый въ жизни разъ такъ тяжело
Мнѣ милой матери повиноваться!
Но — покоряюсь волѣ я святой —
И если Господу уже угодно,
Чтобъ мать отечеству я въ жертву несъ,
Пусть выведетъ онъ изъ ея могилы
Царей великихъ, добрыхъ новый родъ,
И Швеція за нихъ всегда, всегда
Тебя благодаритъ!

Матильда.

И будетъ, будетъ,
Пророчу я тебѣ. Мой Богъ сказалъ
Мнѣ втайнѣ то давно.

Гаральдъ (*показываясь изъ-за двери*).

Начальникъ замка. (*Скрывается*).

Матильда (*тихо*).

Гаральду ввѣрься; онъ Кронсгельма сынъ
И также мститель за отца и мать.
Къ побѣгу твоему готовы средства —
Какія, — нынѣ отъ него узнаешь.

ЯВЛЕНІЕ III.

Тѣ же и начальникъ замка.

Начальникъ замка.

Корабль ужъ снаряженъ во всѣхъ статьяхъ
И проситъ лишь вѣтрилъ, чтобъ полетѣть.
Такой поспѣшностью король нашъ хочетъ
Густаву доказать, какъ свято онъ
Свое условье исполняетъ.

Густавъ.

(Свято? .
Да развѣ притупились громы неба?)

Матильда.

Отправиться въ отечество я рада,
Но пусть его величество рѣшитъ,
Могу-ли нынѣ я разстаться съ сыномъ,
Котораго такъ долго не видала.
Дня два, и много три, прошу я срока.

Начальникъ замка.

Отвѣтъ твой передать не премину;
А все-таки примолвить надо кстати:
Корабль — какъ царскій домъ! и мудрено-ль?

Мой тёска Мундсъ, Ютландіи правитель,
Его на славу снаряжалъ. Чего
Имъ не придумано ужъ въ немъ для нѣги!
Есть помолиться гдѣ и гдѣ всхрапнуть,
И въ погребокъ лазейка и еще...

(*Хохочетъ*).

Матросы чудные ребята, цапъ—
Царапъ; все больше ваша братья, Шведы!

Матильда.

Благодарю отъ сердца короля,
Что онъ остатокъ дней моихъ покоитъ.

Начальникъ замка.

Ну, на прощанье руку мнѣ, хрычу—
Гюремщику: худымъ не помяни его
Въ дому своемъ и—тамъ, въ дому Господнемъ!
Онъ присягалъ, и только долгъ свой дѣлалъ.

Матильда.

Нигдѣ я жалобы не принесу:
Ты честный, добрый стражъ былъ заключенной.

Начальникъ замка.

Была и ты вѣдь бравая старушка
И шашнями не мучила меня!
Но заболтался съ вами я: король
Ворчитъ чай, а—(*качаетъ головой*) куда не шла кривая!—
Вѣдь ужасъ нашъ Христьернъ нетерпѣливъ!

(*Уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ IV.

Густавъ, Матильда, Родеригъ и баронъ Ландсель.

Баронъ Ландсель (*отворивъ въ половину двери*).

Позволено войти?

Матильда.

У насъ нѣтъ тайнъ!
Войди.

Баронъ Ландсель.

Поздравить смѣю васъ во-первыхъ,
Счастливая изъ женъ и матерей.

Матильда.

(Какая пытка!)

Густавъ.

Ну, скорѣй, господчикъ!
(*На ухо Ландселю*).
Не то въ ладонь мы втиснемъ рѣчь твою.

Баронъ Ландсель.

Поздравить съ будущимъ благополучнымъ
Возвратомъ въ Швецію имѣю честь.

Матильда.

У Бога будущность въ рукахъ. Дѣльнѣй
Мнѣ что имѣете сказать?

Баронъ Ландсель (*оборотясь къ Густаву*).

Къ тебѣ,
Свѣтлѣйшій принцъ, я миссію имѣю.

Густавъ.

Безъ титловъ васъ прошу; въ чужія перья
Я не привыкъ хвастливо наряжаться;
Я просто шведскій дворянинъ и званьемъ
Горжусь такимъ.

Баронъ Ландсель.

Прочелъ-ли кто, что въ небѣ
Написано?..

Густавъ.

Скорѣй ты съ миссіей своей!
Не то за дверь я миссьонера, слышишь?

Баронъ Ландсель.

Принцесса датская, Елисавета,
Меня, нижайшаго слугу, избрала
Покорно доложить тебѣ: угодно-ль
Забавы и опасности охоты
Съ ней нынѣ-жъ раздѣлить?

Густавъ.

Такъ скоро? нынѣ-жъ?

Баронъ Ландсель.

Вепрь яростный тебя на битву вызываетъ
И съ нимъ волшебные глаза принцессы.

Матильда.

Еще онъ съ матерью не насладился
Бесѣдою очей, не только словъ;
Но доложи Елисаветѣ, сынъ мой
Почтетъ за долгъ пріятный согласить

Желанье дамѣ быть угоднымъ и любезнымъ
Съ отвагой рыцарской, ему такъ сродной.

Густавъ.

Прошу и отъ меня сказать ей то-же.

Баронъ Ландсель.

Оружье выбери самъ въ оружейной:
Король велѣлъ мнѣ предложить тебѣ.

Густавъ.

Оружье то мое — скажи ему, —
Которое другимъ не по плечу.
Я звѣря бью въ лицо; уловокъ съ боку
Я не терплю — псарямъ онѣ приличны...

Матильда (*прерывая его*).
Иди, Густавъ, когда король желаетъ.
(*Тихо ему*).
Но, ради Бога, сердце съ языкомъ
Держи въ раздорѣ. О! не погуби себя.

(*Густавъ и Ландсель уходятъ; Матильда даетъ знакъ Родригу, чтобы онъ остался*).

ЯВЛЕНІЕ V.

Матильда и Родригъ.

Матильда.

Ужъ не предчувствіе-ль?.. Какъ сердце бьется!
Злодѣй не новыя-ль готовитъ сѣти,
Въ которыя Густавъ мой долженъ пасть?
Безумная! зачѣмъ такъ скоро согласилась!

Быть-можетъ, я сама его на смерть послала!
(*Родериу*).
Другъ, ни на шагъ не покидай его,
Молю тебя... звѣрь лютый... а еще лютѣй
Враждебный человѣкъ... смотри, слѣди,
Не пропускай ты взгляда одного,
Движенья... поручи его Гаральду.
Но какъ ты объяснишь ему?
(*Родериъ показываетъ знаками, что онъ исполнитъ все*).
Другъ вѣрный,
Надѣюсь на тебя. Но чаще имя Бога
Въ помощники зови къ себѣ. Ступай;
Мигъ дорогъ... можетъ-быть., ужъ ковы строятъ.
(*Родериъ хочетъ идти*).
Постой... дай, напишу... Елисавета
Добра и благородна... и къ Густаву
Неравнодушна... мать ужъ замѣчала
Давно...
(*Беретъ свинецъ и пишетъ, потомъ отдаетъ записку Родериу*).
Видалъ дочь короля?
(*Родериъ даетъ утвердительный знакъ*).
Отдай...
Чтобъ не замѣтили... поосторожнѣй...
Передъ охотой... хоть черезъ Гаральда.
(*Родериъ, взявъ записку, хочетъ идти*).
Постой, мой другъ, я прежде помолюсь.
(*Становится на колѣни, за ней Родериъ*).
О Господи! ты знаешь, за Густава
Сто жизней отдала-бъ, когда-бъ имѣла:
Возьми и ту, что даровалъ ты мнѣ,
Но сохрани его. (*Когда она встаетъ, входитъ Елисавета*).
Да вотъ сама принцесса;
На помощь Богъ ее мнѣ посылаетъ.
(*По знаку Матильды Родериъ уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ VI.

Матильда, Елисавета и баронесса Ландсель.

Елисавета (*баронессѣ*).

Ступай; хочу одна бесѣдовать съ Матильдой.

Баронесса Ландсель.

Позволь остаться мнѣ съ тобой; король
Мнѣ приказалъ.

Елисавета (*грозно*).

Сказала я — довольно!
(*Баронесса, низко поклонившись, уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ VII.

Матильда и Елисавета.

Елисавета.

Пришла тебя съ свободою поздравить,
Почтенная Матильда.

Матильда.

Самъ Господь,
Онъ самъ съ тобой мнѣ душу посѣщаетъ,
О милая, безцѣнная моя!
Хотѣла-бъ дочерью тебя назвать;
Но ты — Христьерна дочь... а я
Мать плѣнника, и оба — несчастливцы,
Достойные лишь чувства состраданья.

Елисавета.

Не состраданья, нѣтъ, а уваженья
И зависти достойная чета!

Матильда.

Сказала: зависти?.. разслушала-ли я?
Счастливая, завидная чета!
Съ свободою меня всѣ поздравляютъ,
Когда въ неволѣ сынъ — какая радость!
Не убираютъ ли опять къ вѣнцу
Меня; не съ первенцомъ ли поздравляютъ?
Да развѣ кровныхъ нѣтъ у нихъ, нѣтъ ближнихъ,
Нѣтъ никого, кому бы сострадали,
Чьи радости и горести назвать своими
Могли они?.. Горька свобода эта!
Скорѣе пытки, заточенье, смерть,
Все, все, перенесла-бъ. — И гдѣ же сынъ мой
И у кого останется въ залогѣ?

Елисавета.

Увѣрена ли ты, что я люблю тебя?

Матильда.

Какъ въ Богѣ!

Елисавета.

Такъ мнѣ ты поручи беречь
Густава голову; за ней смотрѣть
Я буду окомъ матери.

Матильда.

Все-жъ ты
Не мать!

Елисавета.

Не мать... но... изъ любви къ тебѣ,
Какъ брата милаго, Густава буду
Хранить отъ здѣшнихъ непогодъ; я сѣти,
Что для него разставятъ, укажу;
Сама сперва ступлю на яму роковую,
Прикрытую цвѣтами обольщенья,
Которую изроютъ для него.
Послушай... самъ король позволилъ мнѣ
Быть чаще съ нимъ.

Матильда.

Не вѣрь, не вѣрь ему;
Король онъ твой, и только-что король.

Елисавета.

Онъ, какъ отецъ, мнѣ говорилъ такъ лестно
О видахъ на Густава...

Матильда.

Ложь! обманъ!
Не вѣрь ему. О Господи, прости,
Что душу дочери я возмутить
Должна противъ... Нѣтъ, роковое слово
Уста мои произнести коснѣютъ.
Когда бы знала ты, что сдѣлалъ онъ
Съ моимъ Густавомъ и что замышляетъ
Противъ него!

Елисавета.

О, разскажи скорѣй:
Спасти его найдемъ, быть-можетъ. средства.

Матильда.

Когда бы такъ!.. когда бы ты вступилась,
Какъ ангелъ благодатный, за него!
Тебѣ, родная, да, тебѣ скажу —
Густавъ достоинъ твоего вниманья,
Любви твоей... Зачѣмъ скрывать, что Богу
И мнѣ самой такъ хорошо извѣстно? —
Тебѣ скажу. Ты знаешь, что условьемъ
Густава плѣна было даровать
Свободу мнѣ и жизнь отцу его
И Шведовъ кровь остановить.

Елисавета.

Все знаю.

Матильда.

И чтожъ? лишь только отдался Густавъ
Заложникомъ, всѣхъ предали ножу,
Отца, родныхъ, всѣхъ, всѣхъ, кто лишь связями
Держался какъ-нибудь за Вазы домъ.

Елисавета.

Не можетъ статься. Нѣтъ, такимъ злодѣйствамъ
Нельзя повѣрить.

Матильда.

Сталось, говорю,
И правда то, какъ святъ Господь.

Елисавета.

Отецъ?
Отецъ?.. (Лицо горитъ его позоромъ;
И грудь сожгло... а въ сердцѣ... кто бы къ сердцу

Прислушался, бѣжалъ бы съ ужасомъ
Отъ голоса его. Пропало все,
Что́ счастьемъ на землѣ я называла;
Густавъ, надежды, радости мои,
Все погубило слово)... Чтожъ еще
Противъ Густава замышляетъ онъ?

Матильда.

Что шагъ, то бѣдствія пророчитъ сердце.
Едва пріѣхалъ сынъ, ужъ дѣлятъ насъ;
Едва сказать мы слова два успѣли,
Ужъ высылаютъ мать скорѣй... Зачѣмъ?
У матери глазъ зорокъ, сердце чутко,
Сейчасъ на слѣдъ злодѣйства набѣжитъ:
Понятно! А охота?.. кто ее затѣялъ?
Зачѣмъ такъ скоро?

Елисавета (*смутясь*).

Въ этомъ не вини
Отца... онъ намекнулъ.. я согласилась
Тотчасъ...

Матильда.

Гдѣ искру бросить, чтобъ пожаръ
Произвести, онъ знаетъ хорошо.
Змѣя умильно такъ, такъ сладко смотритъ,
Чтобъ жертву прикинуть. Въ раю души
Своей, ты за оградою ея
Не видишь ничего.

Елисавета (*послѣ минуты размышленія*).

Да развѣ не отыщешь
Ты средства сына твоего спасти?
Уговорить.., купить?.. Найдешь вездѣ

Измѣнниковъ, гдѣ царствуетъ обманъ.
И если я нужна, свяжи меня
И спеленай, какъ малаго ребенка,
И брось туда, куда захочетъ воля
Твоя — хотя бы въ пасть самой пучины.

Матильда (*прижимая ея руку къ сердцу, тихо*).

Ты наша... такъ тебѣ откроюсь я:
Нашла я средство моего Густава
Спасти... Корабль къ отплытію готовъ;
Матильда не поѣдетъ въ немъ, поѣдетъ
Густавъ.. онъ будетъ я, я буду онъ...
Готовятъ все... ты поняла меня?

Елисавета.

Мнѣ не понять!.. (*задумывается и немного погодя*).
Прекрасно, безподобно!
Я помогу... да, помогу, какъ ты
И не воображала никогда.
Я провожу *тебя*... ты поняла.
Никто и въ подозрѣнье не возьметъ,
Чтобъ не Матильду провожала я.

Матильда.

Теперь на это я не соглашусь.
Что скажутъ черезъ часъ, когда *его*
Не будетъ здѣсь?

Елисавета.

Про Елисавету
Кто смѣетъ что сказать? Хочу — и быть
Тому. Прощай, до проводовъ, Матильда!

Матильда.

Охота... сберегп его, родная!

Елисавета.

Спокойна будь, я замѣню тебя.

(*Уходитъ*).

Матильда.

Вотъ сыну моему была бъ подруга!

(*Удаляется въ ближнюю комнату*).

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Двойная сцена. Комната во дворцѣ Христіерна, съ правой стороны длинный коридоръ, едва освѣщенный лампою.

Христіернъ, баронъ Ландсель и Гаральдъ.

Христіернъ (*сидя въ креслахъ*).

(Жестокая! ты все передо мной стоишь
И жалко вопишь, чтобъ дѣтей твоихъ
Счастливыми я сдѣлалъ, и грозишь
Мнѣ казнію ужасной, если я
Не выполню твоей загробной воли.

(*Махаетъ противъ себя руками*).

Прочь, прочь, молю тебя... Все цѣпію гремишь,
О неотступная!)

(*Немного погодя Гаральду*).

Эй! Баронессу
Позвать ко мнѣ.

(*Гаральдъ уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ IX.

Въ коридорѣ.

Гаральдъ и Эрикъ.

Гаральдъ.

Сейчасъ здѣсь будетъ баронесса. Знаю,
Давно она желаніемъ сгараетъ
Тебя въ свои оковы заключить.
Влюбленнымъ на два дня прикинься, другъ!
Разсыпься передъ ней ты мелкимъ бѣсомъ;
Хвали и глазъ ея волшебныхъ нѣгу,
И розу губъ ея, и бѣлизну
Роскошныхъ плечъ, и все, что въ мысль придетъ!

Эрикъ.

Когда въ груди лишь ненависть кипитъ?

Гаральдъ.

Кокетку заманить намъ нужно въ сѣти:
Не мелкое орудье въ нашемъ дѣлѣ!
На этой оси колесо вертится
Судьбы Густава Вазы и судьбы
Всѣхъ тайныхъ помысловъ моихъ.

Эрикъ.

Велишь —
Исполню свято все, мой милый братъ!

(*Гаральдъ уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ X.

Въ комнатѣ.

(*Ландсель, стоя позади короля, переступаетъ ногами и кашляетъ*).

Христіернъ (*въ испугѣ, хватая изъ-за пояса ножъ и бросаясь на Ландселя*).

Злодѣй!

Баронъ Ландсель (*на колѣняхъ*).

Я... вѣрный рабъ твой... пощади.

Христіернъ (*хватая его за грудь*).

Что дѣлалъ здѣсь? подслушивалъ мои
Стенанія, мои бесѣды съ невидимкой?
И если слово подобралъ одно,
Что выронилъ я вслухъ, ты въ прахъ сотри
То слово; если въ памяти твоей
Пробьется какъ-нибудь, когда-нибудь,
Его малѣйшій отзвукъ, помни: рядомъ
Съ нимъ плаха возстаетъ на лобномъ мѣстѣ.
А? говори.

Баронъ Ландсель.

Клянусь святыми всѣми,
Я не слыхалъ. Съ Гаральдомъ былъ я здѣсь...
Спроси... о Крумпенѣ провѣдать ты велѣлъ.

Христіернъ (*отпустивъ его и садясь на кресла*).

Да, да, забылъ. Чтожъ?

Баронъ Ландсель (*вставши*).

Офицеры всѣ,
Солдаты говорятъ, что знатныхъ Шведовъ

Имущество онъ забиралъ себѣ
И у казны утаивалъ; что слитковъ
Онъ серебра такъ много вывезъ,
Что послѣ въ море принужденъ бросать,
Со мною — знаю я — готовъ-бы подѣлиться,
Чтобъ я не доносилъ тебѣ; но честь
Сокровищъ мнѣ дороже... Хоть Гаральда
Спроси: онъ не успѣлъ объ этомъ доложить
Тебѣ.

Христіернъ.

Садись, пиши. (*Впадаетъ въ задумчивость*).

Баронъ Ландсель (*подождавъ немного*).

Кому прикажешь?

Христіернъ (*съ сердцемъ*).

Вѣдь ясно, кажется, сказалъ я: Гоїе,
Начальнику надъ королевскимъ замкомъ,
Пиши: «Казнить и награждать умѣетъ
Христьернъ; вчера онъ милостьми осыпалъ
Оттона Крумпена за вѣрность и усердье,
А нынѣ за грабежъ и похищенье
Казны въ желѣза приказалъ его
И въ замкѣ уморить голодной смертью».

(*Ландсель садится къ столу и пишетъ; въ продолженіе слѣдующаго явленія онъ прислушивается съ безпокойствомъ къ стѣнѣ коридора и переноситъ столъ ближе къ двери*).

ЯВЛЕНІЕ XI.

Въ коридорѣ.

Эрикъ, баронесса Ландсель и Гаральдъ.

Гаральдъ (*вводя баронессу въ коридоръ*).

Ахъ, если-бъ знали вы, какъ онъ страдаетъ!
Но онъ такой неопытный и робкой...
Всю ночь со мной объ васъ проговорилъ;
Да и во снѣ уста его шептали
Все имя милое сто разъ.

Баронесса Ландсель (*ласково ударяетъ по лицу его вѣеромъ*).

Болтунъ!
Привыкъ ты все шутить.

Эрикъ (*преграждая баронессѣ дорогу, становится на колѣни*).

Нѣтъ, баронесса,
Рѣшите жизнь мою: одно лишь слово
Прекрасныхъ устъ, одинъ лишь взглядъ, —
И буду знать, мнѣ жить иль умереть.

Баронесса Ландсель (*нѣжно, перебирая его кудрями*).

Шалунъ!
(*Эрикъ цѣлуетъ у ней руку*).
Отвѣтъ получишь ты въ боскетѣ...

(*Она наклоняется и шепчетъ ему что-то на ухо, потомъ ромо смотритъ на него съ нѣжностью; наконецъ, какъ-будто вырвавшись изъ упоенія, идетъ къ двери и отдаетъ Гаралуьр кошелекъ*).

Въ комнатѣ.

Христіернъ.

Чтожъ, написалъ?

Баронъ Ландсель.

Сейчасъ. Лишь пятнышко
Мнѣ поскоблить.

Христіернъ.

Ты знаешь, не люблю
Поскобковъ: вы, секретари, привыкли
Подчистками живиться. Раздери
Бумагу, и пиши сейчасъ другую.

Въ коридорѣ.

Гаральдъ (*загораживая дверь баронессѣ*).

Благодарю!.. Еще подарокъ вамъ одинъ?
Возвысьте вы его: что стоитъ вамъ!
Блаженствомъ, почестьми вамъ будетъ онъ обязанъ.

Баронесса Ландсель.

Все сдѣлаю, что сдѣлать я могу,
Клянусь.

Гаральдъ.

Какіе дни проводитъ онъ у ногъ
Христьерна! часу не даютъ свободы.
Когда-бъ не я, давно-бы въ петлю влѣзъ...

Эрикъ.

И не улыбка вашихъ милыхъ устъ,
Какъ солнца лучъ средь мрачныхъ облаковъ.

Баронесса Ландсель.

О льстецъ!

Гаральдъ.

Густава мать отправятъ завтра
Въ ея отечество, начальство стражи,
Что будетъ провожать ее, пускай
Поручатъ Эрику.

Эрикъ.

Тогда къ прекраснымъ ножкамъ
Всѣхъ подвиговъ моихъ я лавры принесу.

(*Баронесса Ландсель задумывается*).

Въ комнатѣ.

Баронъ Ландсель (*кашляетъ*).

Замучилъ кашель, чай, бѣдняжку?.. Въ петлю
Предчувствіе не манитъ-ли тебя?

Въ коридорѣ.

Гаральдъ.

Любовь растетъ отъ славы и честей,
Которыми любви обязана она.

Баронесса Ландсель (*Эрику*).

Чего-бъ ни стоило, вѣнокъ я этотъ
Надѣну на тебя, мой милый капитанъ!

(*Эрикъ цѣлуетъ у ней руку; баронесса уходитъ*).

Гаральдъ (*обнимая Эрика*).

Ну, выплыли изъ Сциллы и Харибды!

Служитель дворцовый (*вышедъ изъ глубины коридора, гдѣ онъ поправлялъ лампу*).

Повѣсы вы, повѣсы;
Вотъ я на васъ барону!

Гаральдъ (*давая ему монету*).

На, золотой крючокъ для языка!

Служитель.

Добычу поддѣпили молодцы!
Подарки развѣ деньги;
А то-бъ пора на барабанъ!

(*Уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ XII.

Въ комнатѣ.

Христіернъ (*подписавъ бумагу, которую подалъ ему Ландсель*).

Сейчасъ, сей-мигъ, отправить къ коменданту!

(*Ландсель уходитъ*).

(*Баронессѣ*).

Нетерпѣливо ждалъ я васъ, Ландсель,
Совѣтъ мнѣ нуженъ вашъ и рѣшенье.

Баронесса Ландсель.

Нѣтъ жертвы, государь, ты знаешь самъ,
Которой не снесла-бъ я на алтарь усердья.

Христіернъ.

Любила ты Кронсгельмъ, Екатерину?

Баронесса Ландсель.

Привыкла съ дѣтскихъ лѣтъ ее любить,
И Эрика еще ласкала въ колыбели.

Христіернъ.

Ты Эрика рожденья знаешь тайну,
И темныя мѣста изъ жизни нашей,
Какъ полдень, ясны для тебя, мой другъ.
Повѣришь-ли? изъ всѣхъ прекрасныхъ женщинъ,
Которыхъ я любилъ, Екатерина —
Одна она не умирала въ сердцѣ
Моемъ; и часто ликъ ея, увѣнчанъ
Цвѣтами юности и красоты,
Съ волшебною улыбкой приникалъ
Христьерна къ изголовью. Но вчера,
Въ полночь прошедшую, она руками
Холодными, какъ ледъ, меня обвила,
И въ слухъ мой вторгнулись съ какимъ-то воплемъ,
Какъ-будто звукъ трубы послѣдняго суда,
Слова ужасныя: «Желѣза!.. дѣти!
Три дня лишь сроку дамъ!» Вскочилъ я съ ложа...
Глазами впалыми, мертвецъ ужъ давній,
Она смотрѣла на меня, и все
Шептала неподвижными губами,
Которыя ужъ прахъ земной подернулъ:
«Желѣза!.. дѣти!..» И — распалась понемногу;
А все еще цѣпей былъ слышенъ звукъ.
И даже днемъ все этотъ образъ
Стоитъ передо мной, все слышу эти звуки.

Баронесса Ландсель.

Когда ты хочешь знать, я объясню
Тебѣ видѣнья этого причуды.

Какую жизнь ведетъ твой Эрикъ здѣсь?
Отвагой рыцарской пылаетъ онъ;
Къ тревогамъ браннымъ рвется грудь его,
И духъ и руки просятъ жатвы славы —
Въ немъ кровь кипитъ отца, кровь Христіерна —
И чтожъ? сидѣлкою у ногъ твоихъ,
Скрестивши руки, затаивъ въ груди
Все, что прекраснаго ему дала природа,
Не цѣпи-ль носитъ онъ — скажи ты самъ?
Мать проситъ скинуть ихъ. Сбрось цѣпи,
И духу рьяному ты пищу дай.
Тогда увидишь, милое видѣнье
Опять къ тебѣ съ улыбкою приникнетъ
И сына возвратитъ къ тебѣ любовь.

Христіернъ.

Чтожъ присовѣтуешь мнѣ сдѣлать для него?
Все, все исполню.

Баронесса Ландсель.

Капитаномъ стражи,
Которая должна отвесть Матильду
Въ ея отечество, назначь его.
Сердитыхъ волнъ набѣги, величавый
Кликъ моря и видъ царственный его,
И береговъ чужихъ нежданный образъ,
И честь начальствовать надъ сонмомъ храбрыхъ,
Все жажду утолитъ его отваги.

Христіернъ.

Такъ молодъ! можетъ-ли онъ?..

Баронесса Ландсель.

Головой
Своей ручаюсь, что вѣрнѣй и лучше
Никто не выполнитъ такого порученья.

Христіернъ.

Бумагу и перо. (*Баронесса подаетъ и то и другое, король подписываетъ бумагу*).
Бланкетъ, — а впишешь ты въ него, что хочешь.
(*Баронесса идетъ къ столу и вписываетъ въ бумагу приказъ*).
Поди, и поспѣши его поздравить. (*Баронесса уходитъ*).
(Какъ будто-бы мнѣ легче стало!)

ЯВЛЕНІЕ XIII.

Въ коридорѣ.

Баронесса Ландсель, Эрикъ и Гаральдъ.

Баронесса Ландсель (*подавая Эрику бумагу*).

Патентъ на капитанскій чинъ, и вмѣстѣ
Приказъ: Густава мать въ Стокгольмъ доставить.

Эрикъ.

Отнынѣ жизнь мою и все, что въ жизни
Найду прекраснаго, вамъ посвящу.

ЯВЛЕНІЕ XIV.

Тѣ же, баронъ Ландсель и гонецъ.

Баронесса Ландсель.

Баронъ, я вашу должность отправляю:
Отъ солнца лучъ я принесла ему.
(*Эрику*)
Поди, и короля благодари. (*Уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ XV.

Въ комнатѣ.

Христіернъ, баронъ Ландсель, Эрикъ и Гаральдъ.

Эрикъ (*ставъ на колѣни передъ королемъ и цѣлуя у него руку*).

О мой король! ты воскресилъ меня.

(*Вставши, къ окружающимъ его*)

Теперь увидите, на что способенъ!

Баронъ Ландсель.

Отъ вицероя шведскаго гонецъ.

Христіернъ.

Прими бумагу отъ него.

Баронъ Ландсель.

Вручить

Приказано тебѣ.

Христіернъ.

Вели войти.

(*Ландсель, отворивъ дверь въ коридоръ, даетъ знакъ гонцу, чтобы вошелъ*).

ЯВЛЕНІЕ XVI.

Тѣ же и гонецъ.

(*Гонецъ вручаетъ бумагу королю и потомъ, по знаку этого, становится въ отдаленіи*).

Христіернъ (*разломавъ печать и сорвавъ шнурки, читаетъ*):

(«У насъ не смирно здѣсь. Далекарлійцы
«Подняли грозно знамя возмущенья
«И требуютъ, чтобы Густава-Вазу
«Имъ показали — живъ, иль нѣтъ, желаютъ знать.»
Ктобъ ожидалъ отъ подлыхъ рудокоповъ!
«Самъ съ войскомъ поспѣшай.» Я — нищихъ,
Я — угольниковъ блажь самъ унимать
Пойду? съ ватагой жалкой братьи
За свой вѣнецъ, какъ будто-бы за кость,
Собакамъ брошенну, полѣзу въ драку?
Что онъ? посмѣшищемъ меня передъ царями
Творитъ! (*читаетъ далѣе*) Охъ, охъ, мнѣ этотъ вицерой!
Я, видно, у него намѣстникъ, полководецъ,
И скоро въ брадобрѣи попаду.
Нѣтъ, нѣтъ, мечъ съ митрою не могутъ ладить!
«Не диво, что сюда пожаръ переберется.»
Открой побольше ротъ — влетитъ ворона!)

(*Эрику*)

Когда ты будешь въ Швеціи, узнай
Вѣрнѣе тамъ, что такъ тревожитъ вицероя,
И мнѣ съ гонцомъ нарочнымъ вѣсть подай.
А вслѣдъ я за тобой отправлю помощь.

(*Читаетъ*)

(«Густава кровію спѣши залить пожаръ.»)

(*Задумывается и измѣняется въ лицѣ*).

(Да, да, одинъ мнѣ путь, чтобы спокойно
Тремя коронами владѣть!.. Одинъ!..
Какая прибыль на безсмѣнной стражѣ,
Въ своемъ дому, у своего добра,
Быть вѣчно? вѣчно мучиться, бояться,
Что завтра, въ мигъ одинъ, лишатъ тебя
Сокровища, которое годами
Кровавыми пріобрѣталъ? что прибыль
День каждый вѣтви отсѣкать? посмотришь,
Заутро новый побѣгъ пустили!
Вонъ съ корнемъ злое дерево на вѣкъ,
И мѣсту, гдѣ оно стояло, пусть
Слѣда не сыщутъ. Благо онъ въ рукахъ
Моихъ; не даромъ доставалъ!) Гонецъ!
Отвѣтъ получишь завтра поутру.

(*Гонецъ выходитъ*).

Гаральдъ (*тихо королю*)

Не поскорѣй-ли проводить старушку?
При матери возиться мудрено:
Глазъ зорокъ и...

Христіернъ (*тихо Гаральду*).

Послушаюсь тебя.
(*Эрику*)
Чѣмъ-свѣтъ ты завтра въ путь: Матильду
Предупреди — моя на то есть воля.
Счастливый путь ей пожелай.

Эрикъ.

Быть-можетъ, видѣться съ тобой попроситъ.

Христіернъ.

Сказать, что боленъ я, что видъ старушки,

И слезы, и мольбы въ конецъ меня разстроятъ.
Терпѣть я бабьихъ воплей не могу:
Пусть дочь моя ихъ слушаетъ, коль хочетъ!

Гаральдъ (*тихо Христіерну*).

А Родригу?.. оставаться здѣсь?
Нѣмой такъ преданъ господину!

Христіернъ (*Эрику*).

И Родригу въ путь скажи съ Матильдой. (*Эрикъ уходитъ*).

Гаральдъ.

Охоту отмѣнить?

Христіернъ (*задумывается*).

(Попытка не бѣда!..
Иль отмѣнить, пока уѣдетъ мать?.. Однакожъ,
Что часъ, то новыя препятствія растутъ:
Запутается умъ и духъ невольно...
Я человѣкъ... и человѣчеству
Могу дань заплатить... Христіернъ! стань выше...
Во время бури — поскорѣй за руль!)
(*Ландселю*)
Ландсель! вели къ охотѣ все готовить.
(*Ландсель уходитъ*).
(*Гаральду тихо*)
Сокольника Рудольфа въ кабинетъ.
(*Король уходитъ*).

Гаральдъ.

Когда зовутъ Рудольфа — кровью пахнетъ.
«*Пора и намъ*» пусть этотъ грозный лозунгъ
Услышитъ Магнусъ Мундсъ. Пора и намъ!

АКТЪ IV.

ЯВЛЕНІЕ I.

Среди лѣса лужайка, зеленѣющій холмъ и подалѣе утесъ, изъ котораго бьетъ ручей; за деревьями видны вдали, на горѣ, монастырь и у обрыва ея море.

Густавъ, Елисавета, Эрикъ, Родригъ и два охотника.

(Они спускаются на лошадяхъ съ утеса; Эрикъ держитъ сокола на рукѣ, слышны вдали звуки роговъ и крикъ охотниковъ).

Елисавета.

Подалѣ отъ охоты, ради Бога,
Густавъ, подалѣ.

(Всѣ слѣзаютъ съ лошадей; охотники удаляются).

Густавъ.

Сдѣлалось что съ вами?
Не узнаю никакъ я васъ, принцесса!
Бывало, звукъ роговъ, удалый крикъ
Охотниковъ и звѣря близкій ревъ

Вашъ взоръ воспламеняли, грудь дышала
Скорѣй, и конь преграды не знавалъ.
А нынѣ... вымолвить боюсь... тѣнь страха
Ложится на прекрасное лицо,
Взоръ смутно ищетъ тайнаго врага,
И конь, какъ рабъ, едва переступаетъ.

Елисавета.

И въ мысль мнѣ никогда не приходило,
Чтобъ день, чтобъ часъ такую перемѣну
Могъ въ жизни произвесть — не говорю
Я, въ сердцѣ — нѣтъ, для сердца нѣтъ временъ.
Вчера, еще вчера я все любила,
Что ты красиво такъ изобразилъ;
И мысль съ тобой быть на охотѣ нынѣ,
Въ глазахъ героя Сѣвера отвагу
Свою надъ лютымъ звѣремъ показать,
Какою радостью грудь наполняла!
Я помню... на охотѣ...

Густавъ.

Да, тѣхъ дней,
Тѣхъ сладкихъ дней не позабыть и въ гробѣ!

Елисавета.

И даже нынѣ сердце мнѣ сулило
Такъ много, много... но одно лишь слово
Разрушило всѣ радости мои
И сердце бѣдное въ куски разбило.

Густавъ.

Загадки этой не могу понять:
Раскрой ее; ты знаешь... знала прежде,
Какое Ваза — не заложникъ жалкій —
Въ твоей судьбѣ участье принималъ.

Елисавета.

Не правда! для меня Густавъ все тотъ же.

(*Даетъ знакъ, чтобы онъ остался, и потомъ заботливо осматриваетъ мѣстность*).

(Несчастная! ты ловко добыла
Свиданье... Вотъ онъ!.. Чтожъ? наслаждайся,
Пока, по милости твоей, не грянулъ
Мигъ роковой... Срывай цвѣты подъ громомъ!

(*Немного погодя*).

Когда-бъ я ранѣе могла узнать,
Охоту отмѣнила-бъ я... Нѣтъ, нѣтъ,
Что сказано отцомъ моимъ, Господь
Самъ развѣ отмѣнитъ. На стражу, сердце!
Зачѣмъ на этотъ разъ мнѣ взглядъ орлиный
Не данъ!.. Рудольфъ, Рудольфъ... нѣтъ, не забуду:
Твой образъ врѣзался въ душѣ моей).

(*Густаву*).

Здѣсь остановимся; въ долинѣ этой
Такъ хорошо, такъ далеко отъ свѣта
И отъ людей, какъ-будто никогда
Нога ихъ зелень эту не сквернила.
Здѣсь, можетъ-быть, загадки нашей тайну
Узнаешь. (*Подходитъ къ соколу*).
Соколъ мой, удалый соколъ,
Товарищъ неизмѣнный красныхъ дней
Моихъ, разстаться и съ тобой мнѣ должно,
Какъ и со всѣмъ, что въ мірѣ я люблю.

(*Скидаетъ съ него шапочку и цѣпочку*).

Свободенъ будь, и въ небо безъ границъ,
Подъ солнце, унеси свою отвагу.
Чтожъ? полетай, крылатый рыцарь мой,
И позабудь средь подвиговъ своихъ

Высокихъ ту, которая тебя
Такъ много...

(*соколъ улетаетъ; Елисавета, не договаривая, закрываетъ глаза рукою, потомъ говоритъ тихо Эрику*).

Помни, милый Эрикъ мой,
Сокольника.

Эрикъ.

(*Смотря за полетомъ сокола, дѣлаетъ утвердительный знакъ*).

(Гдѣ соколъ спустится,
Рудольфъ тамъ вѣрно будетъ.)

(*Удаляется, за нимъ Родеригъ*).

Елисавета (*Густаву, указывая на холмъ*).

Сядемъ здѣсь.

(*Садятся*).

Густавъ.

Что съ вами сдѣлалось, Елисавета,
Опять спрошу? тревожны, грустны вы,
Какъ-будто бы несчастье васъ постигло,
Какъ-будто роковой стрѣлы вы ждете.

Елисавета.

Да, многихъ стрѣлъ — одной не для себя;
Но ту, Господь поможетъ, отразить
Сумѣю я: не даромъ же судьба
Сама мнѣ это дѣло поручила!
Но скоро роковая прилетитъ —
О! той никто не отразитъ!
Что говорю? — она достигла цѣли
Своей, и развѣ смерть ее исторгнетъ.
Слова мои, быть-можетъ, оскорбятъ твой слухъ
И чувства тонкое приличье; но теперь...
Когда въ послѣдній разъ я говорю

Съ тобой, Густавъ, когда бесѣда эта
Прощанье умирающей съ живымъ,
Приличья всторону, и пусть слова
Отъ сердца моего текутъ, какъ въ сердцѣ
Они родились.

Густавъ.

Страхомъ неизъяснимымъ
Наполнила ты грудь мою. Что значатъ
Слова твои? Не новую-ль готовитъ жертву
Моя судьба? а я, какъ агнецъ глупый,
На слезы и на кровь спокойно буду
Смотрѣть!

Елисавета.

Нѣтъ, не вини себя: не звалъ
Ты жертвы ни одной, великодушно
Ты за отца и мать самъ въ жертву несъ
Себя; но милосердья Богъ тебя
Блюдетъ для доли высшей, ужъ конечно.
Есть бѣдныя творенья на землѣ...
Ихъ доля здѣсь: любить... любить... другого
Имъ назначенья нѣтъ; и лишь зажжется
Святой огонь на алтарѣ, и спроситъ
Къ нему судьба избранника подъ ножъ,
Сейчасъ спѣшитъ то бѣдное творенье
Стать за него. И славы нѣтъ для нихъ,
Нѣтъ удивленія: такъ быть *должно!*
Но счастье есть для нихъ — награда есть;
Святая мысль на днѣ души — лампада
Неугасимая любви — и память
Того, кого они любили здѣсь.

Густавъ.

Когда-бъ не грозный долгъ, кто-бъ славу нашу
На счастіе любви не промѣнялъ?

Елисавета.

У матери твоей была я нынѣ
И говорила съ ней. Матильда знаетъ
Меня и лучше, можетъ-быть, чѣмъ ты:
Все сердце высказала мнѣ свое,
И страхъ, и опасенья, и надежды,
Все, все, что сыну, дочери, сказать
Лишь можно было. Но изъ рѣчи этой,
Изъ нити этой драгоцѣнныхъ камней,
Одно лишь слово выпало, какъ яду
Пылинка, и мнѣ мигомъ грудь сожгло,
И разомъ изсушило жизнь мою.

Густавъ.

Какое было слово то, скажи?

Елисавета.

Зачѣмъ его произносить!.. *Онъ* врагъ
Тебѣ; онъ болѣ... но законъ природы
Велитъ молчать мнѣ...

Густавъ.

Если знаешь все,
О милый, чудный другъ!.. Позволь назвать
Елисавету этимъ именемъ.

Елисавета.

Тебѣ сама дала я нынѣ право
Такъ называть меня; теперь ты можешь...
Въ послѣдній разъ мы видимся съ тобой
И — завтра разлучитъ насъ вѣчность:
Теперь ты *мой*... тебя мнѣ поручила
Сама судьба, отецъ и небо, и любовь,

И злодѣянія людей тебя
Мнѣ нынѣ отдали: ты мой, Густавъ!
Да, милый, незабвенный другъ, ты мой!

Густавъ (*схвативъ ея руку и удерживая въ своей*).

Въ послѣдній разъ мы видимся? зачѣмъ?
Когда изъ сладкихъ устъ услышалъ я
Любви твоей безцѣнное признанье;
Когда ты знаешь все: мои надежды,
И волю матери моей и мой побѣгъ, —
Такъ убѣжимъ — престолъ со мной раздѣлишь,
Иль хижину въ горахъ Далекарлійскихъ,
Что дастъ Судьба — о, убѣжимъ скорѣй!
Здѣсь кровію упитана земля,
Здѣсь дышетъ все коварствомъ, мщеньемъ, злобой.

Елисавета.

Бѣжать съ тобой?.. мнѣ? Нѣтъ, тогда презрѣнья,
А не любви была-бы я достойна.
Когда-бъ въ душѣ могла осилить чувство,
Съ которымъ мы такъ гордо по землѣ
Ступаемъ; снявши поясъ свой безцѣнный —
Толпѣ его на поруганье бросить;
Когда-бы отъ стыда я не сгорѣла, —
Да, и тогда съ тобою-бъ не бѣжала.
Меня ты худо знаешь. Мнѣ, голубкѣ бѣдной,
Орла задерживать въ его полетѣ?
Въ пути твоемъ помѣхой мнѣ служить?
Мнѣ бременемъ, мнѣ камнемъ преткновенья
Быть къ цѣли, гдѣ тебя народы ждутъ
И можетъ-быть вѣнецъ; куда тебя
И мать и воля Бога посылаютъ?
Нѣтъ, никогда. Скорѣй я къ этой цѣли
Тебѣ подножіемъ счастливымъ буду,

Скорѣй — орудіемъ... хотя-бъ должна...
Противъ отца...

Густавъ.

О! почему не Шведка ты?
Зачѣмъ ты дочь Христьерна?

Елисавета.

Имени
Мнѣ этого не говори... оно
Мнѣ горькую судьбу мою напоминаетъ.
(*Немного погодя, указывая ему на монастырь*).
Ты видишь-ли, тамъ... ближе къ небу,
На берегу морскомъ, обитель?

Густавъ.

Вижу.

Елисавета.

Даю обѣтъ тебѣ, безцѣнный другъ,
И Господу, когда поможетъ Онъ
Тебѣ отъ плѣна быть свободнымъ,
Остатокъ дней моихъ Ему принесть.
Не говори. дана ужъ клятва Богу,
Какъ далъ ее Густавъ Матильдѣ-Вазѣ!
Мы оба ею связаны, и силы
Нѣтъ на землѣ, ее чтобъ разрѣшить.
(*Указывая на монастырь*).
Тамъ, завтра-же, сестра Елисавета
Молиться будетъ за тебя.
Теперь
(*Елисавета, обрѣзавъ охотничьимъ ножомъ свои волосы, отдаетъ Густаву*).

Прими ты этотъ даръ ничтожный...
Ихъ Богу надобно-бъ отдать, но Богу
И безъ того я много отдаю.
Носи ихъ въ битвахъ на груди своей;
Но... если ты когда меня забудешь,
Брось въ море...

Густавъ (*цѣлуя волосы и спрятавъ ихъ на груди*).

Даръ безцѣнный, въ гробѣ ляжешь
Со мной!

Елисавета.

Быть-можетъ, славы подвиги тебя
Когда-нибудь съ Ютландіей сведутъ;
На монастырь святой Бригитты, можетъ-быть,
Взглянуть захочешь ты: въ одной изъ келій,
Что смотритъ окнами въ полночный край,
Неугасимую лампаду ты увидишь —
Знай, молится сестра Елисавета
Гамъ за тебя... Прости!.. Но... завтра утромъ
Приду сказать послѣднее: прости!

(*Слышны звуки роговъ и крики охотниковъ, сначала вдали, потомъ все ближе и ближе. Въ испугѣ схвативъ руку Густава*).

Охота!.. Боже мой! сюда... Остерегись,
Густавъ!.. Быть-можетъ, тайный врагъ... здѣсь близко...
Ты слышишь?.. (*Слышенъ трескъ сучьевъ отъ бѣгущаго звѣря*).

Густавъ (*схватывая лукъ и стрѣлу*).

Звѣрь!.. Чего бояться! глазъ
Мой вѣренъ и рука надежна.

Елисавета.

Видишь...
Изъ-за куста... какъ уголья, горятъ
Глаза?

Густавъ.

Нѣтъ, никого.

Елисавета.

Я вижу... Боже мой!
Не звѣрь то, человѣкъ, но онъ страшнѣе звѣря!

Рудольфъ (*изъ-за кустовъ*).

Остерегитесь, лютый звѣрь бѣжитъ,
Густавъ, принцесса... я выстрѣлю
Сейчасъ... (*Мѣтитъ въ Густава*).

Елисавета (*загораживая Густава вскрикиваетъ*).

Злодѣй!

Эрикъ (*ударяя сзади Рудольфа ножомъ, вмѣстѣ съ нимъ и Родеригъ*).

Ты мѣтишь не въ того.
(*Рудольфъ падаетъ*).
Не по тебѣ была добычка, другъ!

Рудольфъ.

О! умираю... золото... король...
Самъ, видно, Богъ... хранитъ Густава... дни!

Елисавета (*схвативъ Густава за руку*).

Пойдемъ отсюда поскорѣй... И здѣсь кровь
Оставила свой слѣдъ. Вездѣ,

Вездѣ!.. Скорѣе къ Богу!.. Господи!
Благодарю: Ты мой обѣтъ исполнилъ.

(*Уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ II.

Въ комнатѣ Матильды.

Матильда (*устанавливая лампу*).

Чтобъ падалъ свѣтъ слабѣе на лицо...
Вотъ такъ... Какъ я дрожу!.. Одна минута,
И можетъ рушиться все то, что сердце
Такъ долго строило... и мой Густавъ
Опять у Христіерна плѣнникъ! Но —
Я Богу поручила это дѣло,
И совершитъ его мой Богъ. (*Прислушивается*). Идутъ...
Быть долженъ онъ... шаги его!.. мать знаетъ
Ихъ хорошо... Скорѣй, пока лучъ солнца
Не освѣтилъ моихъ надеждъ.

ЯВЛЕНІЕ III.

Густавъ, Матильда, начальникъ замка и Гаральдъ *съ фонаремъ*.

(*На рыцарской одеждѣ Густава накинута широкая епанча*).

Матильда (*бросаясь въ объятія Густава*).

Густавъ!
Мой сынъ, мой дорогой!.. прости!.. когда-то
Увидимся, Богъ знаетъ... можетъ-быть,
Ужъ въ сторонѣ другой.

Начальникъ замка.

Я оставляю
Васъ на часокъ. Проститесь хорошенько,
А тамъ и въ путь! Вѣдь длинны проводы —
Лишь слезы лишнія.

Матильда.

Благодарю.

Гаральдъ.

А я хоть и охотникъ посмѣяться,
Но слезы подсмотрѣть люблю: чтожъ дѣлать?
Натура такова. Я остаюсь,
Но только съ позволенья...

Густавъ.

Плѣнникъ вашъ
Ни позволять, ни запрещать не можетъ.

Гаральдъ (*провожая до двери начальника замка, тихо*).

Не выпущу изъ вида на мгновенье.
Теперь, Цербера головы, прошу
Не спать, а тамъ хоть всѣ на боковую!

(*Начальникъ замка уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ IV.

Матильда, Густавъ и Гаральдъ.

Густавъ.

Въ послѣдній разъ молить ли мнѣ тебя
Перемѣнить свой приговоръ?.. Подумай,

Какимъ пятномъ всю жизнь свою покрою!
Сынъ мать свою принесъ на жертву;
Самъ ножъ ей предложилъ, которымъ
Господь велѣлъ его заклать; огонь раздулъ
Самъ для нея на жертвенномъ кострѣ;
И все лишь для того, чтобъ самому
На розахъ спать!.. Прекрасный, дивный сынъ!
Вотъ скажутъ что̀, мою услышавъ повѣсть,
И горько пальцемъ на меня укажутъ.

Матильда.

Нѣтъ, будутъ говорить, Густавъ, чтобы
Ослушникомъ не быть священной воли,
Рѣшился всѣмъ пожертвовать: молвой
Народною, укорами враговъ
И самого себя. Какое диво,
Что сынъ пойдетъ, не думая, въ огонь,
Чтобъ мать спасти! Не сдѣлаетъ того
Одинъ лишь извергъ. Но твой подвигъ выше,
И мать его умѣетъ оцѣнить
Здѣсь, здѣсь (*показываетъ на грудь свою*), и Бога молитъ
о наградѣ.
А я, что̀ принесла тебѣ взамѣнъ?
Сомнительную жизнь: въ волнахъ, быть-можетъ,
Не нынѣ, завтра, былъ бы ей конецъ
Ничтожный, глупый; а теперь умру
Счастливая — съ надеждами какими!

Гаральдъ.

Минуты дороги... теперь борьбѣ
Нѣтъ мѣста; жребья было время выбирать!
Бери скорѣй, какой на долю выпалъ;
Тріумфъ иль казнь — бери. Одинъ лишь часъ —
Всему конецъ!.. Скорѣе размѣняйтесь

Одеждами, пока не разсвѣло,
И Богу остальное поручите.
(*Идетъ къ двери*).
Для осторожности запру я дверь.

Матильда (*указывая Густаву на одну изъ боковыхъ дверей*).

Найдешь ты тамъ такое-жъ точно платье,
Какое видѣли теперь на мнѣ:
Покроя и цвѣтовъ другихъ я не ношу,
Ты знаешь, а твое я здѣсь найду
(*Указываетъ на другую боковую дверь.*)

Гаральдъ.

Лишь панцырь, епанчу и шлемъ свой намъ оставь.

Матильда.

Теперь прости, мое дитя! (*Обнимаетъ Густава*). Благословенье
Мое прими. Вѣнецъ ли ты надѣнешь,
Или останешься, чѣмъ прежде былъ,
Гордися, что ты Шведъ — но что ты *человѣкъ*,
Ты на престолѣ не забудь. Прости!
Передаю тебя Отцу Небесному.

Густавъ (*складывая у двери панцырь, который Гаральдъ помогаетъ ему сбросить, епанчу и шлемъ*).

На жертвенникъ кладу свои доспѣхи,
Ахъ! думалъ ли когда, чтобъ продалъ васъ
За цѣну крови матери моей?
(*Уходитъ въ боковую комнату*).

Матильда (*схвативъ доспѣхи сына*).

Въ рукахъ моихъ трофей... за мной побѣда!

За мной! О, слава Богу, торжествую!
Попробуйте отнять, земныя силы!

(*Уходитъ въ другую боковую комнату*).

Гаральдъ.

Окаменѣй ты, сердце! слезы,
Назадъ, назадъ; не время вамъ теперь.
Отецъ и мать, пусть образъ вашъ стоитъ
Передо мной, какъ стражъ моей души!

(*Прислушивается у двери*).

(*Немного погодя едва отворяетъ дверь, въ которую вошла Матильда*).

Идутъ... скорѣй!.. но не забудь чего
Смотри!..

(*Матильда входитъ въ одеждѣ сына*).

Лицо свое закрой рукою...
Вотъ такъ... намъ истина сама поможетъ...

(*Ведетъ ее къ выходной двери*).

Сюда ко мнѣ... поближе... здѣсь темнѣе,
Вы росту одного почти, нельзя узнать.

(*Отпираетъ дверь*).

ЯВЛЕНІЕ V.

Матильда, Гаральдъ и Эрикъ.

Эрикъ (*вбѣгая*).

Пропало все.

Гаральдъ.

Что, что такое?

Матильда.

Боже!

Эрикъ.

Велѣлъ отъѣздъ Матильды отмѣнить.

Гаральдъ.

Зачѣмъ, причины ты не знаешь?

Эрикъ.

Сонъ видѣлъ
Опять.

Гаральдъ.

Все сны ужасные Христьерна
Тревожатъ! Чтожъ?

Эрикъ.

«Предвѣстіе худое».
Сказалъ онъ, подозвавъ меня къ своей
Постели: — «три короны на подушкѣ
Передо мной лежали тѣсно рядомъ,
Какъ-будто одного гнѣзда птенцы;
Какъ дѣти одного отца, казалось,
Обнявшися, умильно такъ смотрѣли
Другъ на друга. На стражѣ богатырь
Ходилъ, мечъ наголо, и свѣжъ и бодръ,
И вдругъ, къ подушкѣ прислонясь, заснулъ.
Откуда ни возьмися вѣдьма; съ нею
Пришла Матильда... стали торговаться...
Матильда вѣдьмѣ отдала змѣю,
А отъ нея корону получила
Взамѣнъ, и долго, долго озираясь,
Тихонько подъ полу ее и — убѣжала.
Тутъ вѣдьма изъ змѣи сплела вѣнецъ
И съ хохотомъ надѣла на меня.
Проснулся я; съ чела какъ-будто капли льду

Мнѣ падали на грудь. Худое
Сулитъ мнѣ этотъ сонъ!» сказалъ Христьернъ
И за тобой послалъ меня, чтобы
Распорядиться отмѣнить отъѣздъ.

Гаральдъ.

Нельзя! не можетъ быть! не должно быть!
Пожалуй, такъ восторжествуетъ онъ.

Матильда.

Да, да, не должно быть... ты слышалъ самъ.
Что станется тогда съ Густавомъ, съ вѣрой
Моей? Что сдѣлаю тогда я съ нею?

Гаральдъ.

Постой... подумать дай.. Такъ; хорошо.
Богъ дастъ, не все потеряно. Скорѣй
Клочекъ бумаги. (*Матильда подаетъ ее*). Знаетъ почеркъ онъ
Руки твоей?

Матильда.

Какъ почеркъ свой. Не разъ
Одинъ писала я къ нему объ сынѣ.
(*Эрикъ, по знаку Гаральда, становится на стражъ у двери*).

Гаральдъ.

Такъ пиши. (*Матильда пишетъ*).

«Милый сынъ, придумай, изобрѣти, вымоли средства отложить отъѣздъ мой хотя еще на одинъ день. Одинъ только день, и ты спасенъ. Я притворюсь покуда больною».

(*Беретъ отъ Матильды записку, приписываетъ къ ней и свернувъ отдаетъ Эрику*).

Бѣги, какъ вѣтеръ, и отдай ему.
Скажи, что я нашелъ записку... Гдѣ?..

Перескажу я послѣ, гдѣ нашелъ,
Теперь не время... Притворилась
Больной она (*указывая на Матильду*), отнѣкивается ѣхать...
Скажи, что можетъ сбыться сонъ, когда
Христьернъ отъѣздъ хотя на часъ отмѣнитъ;
Что онъ, онъ, стражъ своихъ вѣнцовъ, заснулъ:
Пускай проснется, пусть мечомъ блеснетъ
И узелъ Гордіевъ разрубитъ разомъ.
Скажи, что я не слушаю его —
Нейду... что головы мнѣ не приставитъ
Другой, когда ее ужъ сниметъ разъ:
Я остаюсь на стражѣ у Густава,
Пока меня не смѣнитъ комендантъ.

(*Эрикъ уходитъ; Матильда становится на колѣни и молится*).

А! и тебя, Гаральдъ, проникла дрожь!
Ну, если комендантъ теперь застанетъ
Насъ въ этомъ положеньѣ... безподобно!

(*Схватываетъ Матильду за руку и влечетъ ее къ двери*)

Сюда, прошу, сюда, на всякій случай;
Твори молитву здѣсь, коль есть охота.
Я дѣло сдѣлалъ (*грозитъ ей*), не испорть его!
Личину, мать, личину, говорю!

Эрикъ (*являясь у двери*).

Въ путь, въ путь! Хоть мертвую велѣлъ ее
Везти. Остерегитесь — комендантъ!

(*Скрывается*).

ЯВЛЕНІЕ VI.

Тѣ же и начальникъ замка.

(*Всѣ составляютъ тѣсную группу у двери*).

Гаральдъ.

Берите на руки его скорѣй... Матильда
Безъ чувствъ. (*Показываетъ на боковую дверь*). Король чтобъ пѣтуха
Намъ третьяго не прокричалъ!.. Пора!

Начальникъ замка.

Пора; зарей, какъ алымъ кушакомъ,
Ужъ подпоясался востокъ — впередъ, дружище!
(*Уходятъ*).

ЯВЛЕНІЕ VII.

Эрикъ и Густавъ.

Эрикъ (*отворивъ то одну, то другую боковую дверь*).

Густавъ! сейчасъ принцесса будетъ.

Густавъ (*входя*).

Слово
Какъ свято и ужасно исполняетъ!
Что скажутъ, Боже мой! когда узнаютъ,
Прощалась съ кѣмъ!

Эрикъ.

Король позволилъ ей
Съ Матильдою проститься. Онъ на терассѣ
Всѣхъ сторожитъ совиными глазами,

Слѣдитъ малѣйшій шорохъ чуткимъ ухомъ.
Любимую султану одалиску
Вѣрнѣе-бъ эвнухъ не берегъ. Но съ нами
Самъ Тотъ, Кто умудряетъ и слѣпца.

Густавъ.

Молиться только я могу — о чемъ
И самъ не знаю... знаетъ мой Господь!

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Тѣ же и Гаральдъ.

Гаральдъ (*Эрику*).

Пойди, принцессу встрѣть; сюда, я видѣлъ,
Ужъ шла она. — Кокетку излови
И шашнями, любовными займи.

Эрикъ.

Послѣдній геркулесовъ подвигъ! долѣ
Личину не смогу нести. Пойми
Другой, не я, какъ ты давно не задохнешься
Подъ нею, чудный человѣкъ!

(*Уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ IX.

Густавъ и Гаральдъ.

Гаральдъ.

Прекрасно
Идутъ дѣла. Матильду видѣлъ я
Въ твоихъ покояхъ — и не въ силахъ былъ,

Чтобы не броситься къ ногамъ ея.
Какая женщина!.. Король глазами
Умильно провожалъ Густава-двойника;
Когда я шелъ назадъ, со мной шутилъ,
И веселъ такъ, какъ-будто подгулялъ!
До рѣчи съ плѣнникомъ я коменданта
Не допустилъ, чтобы — какъ я сказалъ —
Сыновней горести не оскорбить.
У башни караулъ тройной поставленъ.
Прощай (*подаетъ ему руку*), иду опять я къ дѣлу.
Удастся-ль намъ еще замолвить слово!
Прощай; Кронсгельма сына не забудь.

(*Уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ X.

Густавъ, Елисавета и Эрикъ.

Эрикъ (*едва отворивъ дверь*).

Принцесса! (*Скрывается*).

Густавъ.

Боже мой! Елисавета?

Елисавета.

Не вѣрно-ль исполняю обѣщанье?

Густавъ.

Нѣтъ словъ; но здѣсь, здѣсь глубоко въ душѣ,
Я чувствую, что̀ стоитъ этотъ шагъ
Тебѣ, что дѣлаешь ты для меня.

Елисавета.

Пойдемъ. Я проводить тебя сама
Хочу. Готово все. Минуты сочтены
У Господа... Послѣднее прости! (*Бросается въ его объятія*).
Прости на вѣкъ! Не позабудь меня...

Густавъ.

Пусть прежде сердце изсушитъ Господь!
О, подожди хоть нѣсколько еще;
Дай на себя еще налюбоваться,
Дай руки мнѣ свои облобызать
Въ послѣдній разъ... Теперь я наслаждаюсь
Любовію твоей; ты въ небеса
Перенесла меня. И это все *былымъ*
Я скоро назову; и не придутъ
Назадъ ужъ *никогда* минуты эти.
Про небо я мое въ мечтахъ земныхъ
Лишь вспомяну, и горькими слезами
Былое счастье оболью. Помедли
Хоть мигъ одинъ.

Елисавета.

Забудешься съ тобой.
Смотри, не погуби себя, Густавъ!

Густавъ.

Все для меня; а я, неблагодарный,
Что дѣлаю для васъ? Пора-бы вспомнить!
Пойдемъ, пойдемъ: минута лишняя,
И на покровъ души твоей, чистѣйшій снѣга,
Наложитъ клевета пятно... Веди-жъ меня,
Хранитель-геній, подъ крыломъ своемъ,
Куда назначили мнѣ Богъ и мать моя!

(*Уходятъ*)

ЯВЛЕНІЕ XI.

Терраса дворцовая; съ нея видны море, у берега лодка съ гребцами и солдатами, ближе Густавъ, поддерживаемый Гаральдомъ, а потомъ и Эрикомъ, Елисавета, пока она не простилась съ Густавомъ, Родеригъ и баронесса Ландсель; у лѣвой башни начальникъ замка; вдали виденъ корабль.

Христіернъ и баронъ Ландсель (*на террасѣ*).

Христіернъ.

Елисавета съ ней прощается какъ нѣжно!..
Она у дочери цѣлуетъ руку...
Охъ! этотъ Вазы родъ мнѣ возмутилъ
Весь домъ.

Баронъ Ландсель (*смотря изъ-за него*).

Жена киваетъ ей умильно...
И... Боже!.. Эрику жметъ страстно руку.

Христіернъ (*насмѣшливо*).

И пажу бывшему, я слышу, говоритъ:
Прости, мой другъ; не довѣряйся, милый,
Красоткамъ сѣвера — онѣ опасны!

Баронъ Ландсель.

Позвольте, государь; такой развратъ...

Христіернъ.

Останься, не мѣшай — ты глупъ и старъ!
(*Киваетъ головой*).
Прощай, Матильда! Богъ съ тобой, старушка!
(*Махаетъ рукою*).
Не слышитъ и не видитъ: непогоду
Сердечко чуетъ знать!.. Не удалось

Къ сынку посланіе. Гаральдъ не промахъ;
А то-бы сбыться сну. (*Немного погодя*). Ге, ге! въ тюрьмѣ
Отъѣлась, словно котъ въ мучномъ амбарѣ;
Какъ разжирѣла у меня! Житье
Худое — говорятъ-же — у Христьерна!
(*Немного погодя*).
А Эрикъ — злой мальчишка! — короля
И благодѣтеля хоть-бы поклономъ
Онъ удостоилъ!.. Но пусть ѣдетъ дальше!
Къ Густаву что-то льнетъ негодникъ.
(Еще вчера сокольникъ безъ него
Съ лица земного стеръ-бы Шведа.
Звѣрь истерзалъ Рудольфа... знаю звѣря!
Онъ дорого бы поплатился за него,
Когда-бы такъ на мать не походилъ).
(*Видно, какъ Густавъ вскакиваетъ въ лодку*).
Голубушка не по лѣтамъ проворна!
(Ну развязался съ ней, и скоро въ воду
Концы).
(*Лодка удаляется, Густавъ открылся; Эрикъ подаетъ ему мечъ*).
Теперь она какъ на Густава
Похожа!.. Странно, вздумалось что ей
Взять въ руки мечь! Какъ смѣло имъ владѣетъ!
Не воротить-ли мнѣ, какъ думаешь?

Баронъ Ландсель.

Что въ ней вамъ, государь; отъ лѣтъ рехнулась.
Когда-бы въ барабанъ стучать желали,
Всегда Густавова пріятнѣй кожа.

Христіернъ.

Смотри, чтобъ не ударилъ по твоей!
— Она и не она? Густавъ и не Густавъ?
Эй, Гойе!

Начальникъ замка (*подходитъ къ террасѣ*).

Приказать что ты изволишь?

Христіернъ.

Густавъ гдѣ?

Начальникъ замка.

Въ башнѣ.

Христіернъ.

Позови его
Ко мнѣ. Сей часъ, сей мигъ хочу его я видѣть.
(*Со страхомъ*).
Что сердце такъ болитъ?

Баронъ Ландсель.

Всегда къ добру
Госкою вѣсть даетъ: старушка мать
Меня примѣтамъ этимъ научила.

Христіернъ.

Чтобъ Вельзевулъ побралъ тебя и съ ней!
Густава я хочу, Густава мнѣ
Подайте; у земли, у неба, у кого
Хотите вы, исторгните его;
Достаньте мнѣ хоть кровью вашей,
Хоть жизнью вашихъ женъ, дѣтей; но только
Подайте мнѣ Густава... я хочу,
Въ мгновенье ока. Слышишь? Коменданту
Скажи, что если Вазу черезъ мигъ
Одинъ передъ собою не увижу,
Зубецъ на башнѣ первый ждетъ его
Безмозглой головы... Чтожъ сталъ? бѣги!
(*Баронъ Ландсель сбѣгаетъ съ террасы*).

ЯВЛЕНІЕ XII.

Христіернъ (*одинъ*).

(*На дворѣ слышны крики:* «Скорѣе сѣти! лодки!..
Бросился съ башни — въ море». — Кто? — «Густавъ!» —
Ну слышу. Не долго ужъ командовать ему!) —
Вотъ каково! ужъ крики возмущенья!
Я васъ! Лишь дайте справиться съ Густавомъ!
(«Рыбаки поймали. — Онъ живъ. — Ну, бѣдному и умереть не дали».)
И правда, жаль, что умереть не дали!
Одинъ конецъ!.. Ужъ развязалъ-бы онъ
Меня!.. Несутъ... Но странно... какъ черты
Его вода морская измѣнила!
Быть-можетъ, онъ не вынесетъ удара;
А если на вѣсахъ не станетъ грана,
Такъ смерти гранъ подкинуть не бѣда...

ЯВЛЕНІЕ XIII.

Христіернъ и баронъ Ландсель.

Баронъ Ландсель.

Несутъ... но... государь... ужасный случай...
Боюсь...

Христіернъ.

Ну, говори.

Баронъ Ландсель.

Оборотился
Густавъ въ Матильду. Сторожъ говоритъ:
«Я все Густава караулилъ — вижу,
Въ одно мгновенье онъ въ окно, что къ морю,

На крѣпостной зубецъ — лишь вымолвилъ:
«Чтобъ развязать его!» смотрю ужъ въ морѣ —
И я за нимъ. Тутъ рыбаки успѣли
Насъ подцѣпить». Да вотъ и самъ двойникъ.

ЯВЛЕНІЕ XIV.

Тѣ же, Матильда, офицеръ и служители.

(*Служители и рыбакъ несутъ Матильду на коврѣ; лицо ея покрыто смертною блѣдностью, волосы въ безпорядкѣ и мокры*).

Христіернъ (*подбѣгая къ ней и вглядываясь въ нее*).

Матильда? Ты-ли это, говори!
Услышать голосъ, ай... Матильда! слово
Одно?.. Она!.. Теперь открылось все:
Она сама!.. Всѣ были въ заговорѣ
Противъ меня: Гаральдъ, Елисавета, Эрикъ,
Начальникъ замка, всѣ кого любилъ.
Зольно-жъ было глупцу любить кого!
Кругомъ обманутъ я... О, силы ада!
Неужли не найду у васъ ума,
Чтобъ казнь для нихъ такую изобрѣсть,
Какой не слыхано съ рожденья міра.
(*Офицеру*).
Отправить корабли за нимъ въ погоню!

Офицеръ.

Здѣсь нѣтъ ни одного; они отплыли
Еще вчера.

Христіернъ.

Зачѣмъ? Приказъ кто далъ?..
Оттона Крумпена! (*Всѣ молчатъ*). (Въ цѣпяхъ!.. Слуги

Вѣрнѣйшаго я самъ себя лишилъ.)
Гаральда мнѣ!

Баронъ Ландсель.

Гаральдъ исчезъ.

Христіернъ.

Такъ дочь!
Подайте дочь. Несчастную ко мнѣ!

Баронъ Ландсель.

Разнесся слухъ здѣсь объ ея побѣгѣ.
Служитель отъ жены записку мнѣ вручилъ,
Не помню гдѣ. Тебѣ она, быть-можетъ,
Откроетъ путь ея.

Христіернъ.

Читай скорѣе.

Баронъ Ландсель (*читаетъ*).

«Принцесса въ монастырь Бригитты
«Отправилась, и изъ обители святой
«Не возвратится болѣе: обѣтъ
«Дала она небесному Отцу —
«И царскій санъ, и красоту, и юность,
«Все въ дань принесть у алтаря его,
«И приказала то сказать отцу земному».

Христіернъ.

Проклятіе... Я проклялъ-бы ее,
Когда-бъ подъ сѣнью алтаря не скрылась.
Гдѣ Гойе?

Офицеръ.

Приказалъ сказать тебѣ,
Что въ крѣпости запрется онъ съ командой,
И до тѣхъ поръ измѣнникамъ не сдастъ
Ее, пока останется хоть капля крови въ немъ.

Христіернъ.

Съ ума сошелъ!.. Въ глазахъ чертенки пляшутъ,
А онъ, глупецъ, измѣнниковъ въ нихъ видитъ.
(*Подходитъ къ Матильдѣ*).
«Чтобъ развязать его?» А! понимаемъ.
Такъ свяжемъ мы его, такъ мы еще
Его сюда притянемъ. (*Барону*). Въ руки ей перо
И подъ перо бумагу. (*Даетъ знакъ, чтобъ перенесли Матильду на кресла*).
Ну?

Баронъ Ландсель (*исполнивъ приказаніе*).

Держу.

Христіернъ (*Матильдѣ*).

Пиши. (*Матильда беретъ дрожащими руками перо и пишетъ*).
«Была безумна я; теперь
«О, возвратиться поспѣши, мой сынъ!
«Не то проклятіе мое тебя догонитъ.
«Гремятъ орудья пытки — не стерплю —
«Взглянуть на нихъ, кровь стынетъ. Поспѣшай,
«Мой сынъ, когда ты человѣкъ — не извергъ».
Чтожъ, написала?

Матильда.

Да.

Христіернъ (*барону*).

Прочти.

Баронъ Ландсель (*читаетъ*):

«Мое
«Проклятіе, когда ты возвратишься.
«Теперь благослови тебя Господь!
«Благодарю: ты далъ мнѣ сладко умереть».

Христіернъ (*потирая себѣ руки*).

Ге, ге! такъ мы найдемъ другія.

Матильда.

Ты видѣлъ.. смерти... не страшилась я:
Такъ пытокъ-ли твоихъ.. бояться мнѣ!
(*Слышенъ звонъ колоколовъ и народные крики:*
«Да здравствуетъ Фридерикъ I,
Король датскій! Да здравствуетъ
Фридерикъ I!»)

Христіернъ (*прислушиваясь съ возрастающимъ ужасомъ*).

Я помѣшался, знать?.. Колокола
Въ ушахъ и сердцѣ такъ гудятъ. (*Барону*). Бѣги, узнай.
(*Баронъ выбѣгаетъ*).

ЯВЛЕНІЕ XV.

Тѣ же, Магнусъ Мундсъ, Гаральдъ и стража (*въ богатомъ придворномъ платьѣ*).

Баронъ Ландсель (*сбѣгаетъ и машетъ съ террасы платкомъ*).

Да здравствуетъ Фридерикъ I-й, голстинскій,
Король датскій!
(*Обращаясь къ Мундсу*).

Виватъ! Пускай король узнаетъ новый,
Что первый во дворцѣ я закричалъ.

Магнусъ Мундсъ.

И потому ты будешь у него
Послѣдній, мой дружокъ!

Христіернъ.

Гаральдъ?

Гаральдъ (*выступая гордо впередъ*).

Прибавь:
Кронсгельма сынъ.
Ты слышалъ эти крики?
Я вызвалъ ихъ изъ гроба моего
Отца; я ихъ сложилъ изъ воплей,
Исторгнутыхъ въ твоихъ объятьяхъ скверныхъ
Позоромъ матери; я собралъ ихъ,
Какъ медъ пчела, изъ горечи проклятій,
Которыми тебя страдальцы поминаютъ.
Ты слышалъ-ли? все я, Кронсгельма сынъ!

Христіернъ (*обращаясь къ Мундсу*).

Что значитъ это, господинъ правитель,
Мой вѣрный подданный и лучшій другъ?

Магнусъ Мундсъ.

Христьернъ! отъ имени сената и чиновъ
Я присланъ объявить тебѣ, что ты,
За злодѣянія, какихъ досель
Не видѣлъ міръ, за кровь безвинную народа
И угнетеніе сословій всѣхъ,
Лишенъ вѣнца и въ заточенье сосланъ,

Пока угодно Богу жизнь продлить
Твою. Твой дядя, Фридерикъ голстинскій,
Тебѣ наслѣдуетъ, *нашъ* бывшій государь!
Да здравствуетъ Фридерикъ, по имени первый, король датскій!

(*Всѣ присутствующіе повторяютъ: «Да здравствуетъ Фридерикъ I-й!»*)

Христіернъ (*гордо озираясь*).

Кто смѣлъ?.. Я васъ, презрѣнныя творенья!
(*Присутствующіе, кромѣ Гаральда, невольно отступаютъ*).
Король я вашъ, пока я живъ.
(*Схватываетъ ножъ и хочетъ имъ ударить себя*).
Солгали!..
Умру я королемъ!

Гаральдъ (*вырывая у него ножъ*).

Солгалъ же ты,
Злодѣй, въ послѣдній разъ. Ты долженъ жить,
И будешь жить еще, пока Господь
Не позоветъ тебя къ суду другому;
Но жизнь тебѣ тошнѣе смерти будетъ.
Не тщетно-жъ мщенья плодъ я собиралъ!
Досель ты видѣлъ все у ногъ своихъ;
Народы слушались тебя со страхомъ,
И кровь лилась руки твоей по мановенью.
Пришла пора: въ цѣпяхъ и одинокій,
Томиться будешь ты въ той самой башнѣ,
Откуда сбросилъ моего отца.
Тебя всѣ бѣгать будутъ, какъ заразы;
Тюремный глупый стражъ почтитъ тебя
Своей бесѣдою, и горькимъ смѣхомъ
Тебѣ напомнитъ про былой вѣнецъ;
И рѣчь о злодѣяніяхъ Христьерна

Коль заведетъ, внимать ты будешь ей,
Какъ сказкѣ, писанной, чтобы дѣтей пугать.
Но полночь грянетъ... жди: Екатерина
Съ твоею совѣстью бесѣдовать придетъ,
И не отстанетъ отъ нея, пока
Твой часъ послѣдній не пробьетъ.

(*Обращаясь къ окружающимъ*).

Теперь я свой сыновній долгъ исполнилъ,
И Богу моему иду служить.

Магнусъ Мундсъ.

Останься при дворѣ; твои заслуги
Достойно новый государь оцѣнитъ.
Твой умъ, отвага могутъ быть полезны
Еще отечеству.

Гаральдъ.

Нѣтъ, нѣтъ, съ земными
Расчетъ покончилъ чисто навсегда.

(*Входитъ Эрикъ*).

Ахъ! лишь ему я долженъ вѣчно буду.

(*При входѣ Эрика Матильда, бывшая въ предсмертномъ усыпленіи, приходитъ въ себя*).

ЯВЛЕНІЕ XVI и ПОСЛѢДНЕЕ.

Тѣ же и Эрикъ.

Гаральдъ.

Такъ скоро?

Эрикъ.

Самъ Господь на встрѣчу намъ
Спѣшилъ. Едва мы захватили моря
Пространство доброе, завидѣли корабль.

Когда мы съ нимъ въ переговоръ вошли,
Онъ поднялъ флагъ съ цвѣтами дома Вазы
И море огласилъ восторга кликомъ.
Затѣмъ посольство шведское явилось
Къ намъ на корабль, и донесло Густаву,
Что преданность къ нему Далекарлійцевъ,
Составивъ множество полковъ, изъ горъ
Потокомъ грознымъ вылилась, все ею
Разрушено, что Христіернъ имѣлъ
Себѣ оплотомъ на пути къ столицѣ.
За ними Швеція возстала вся
И королемъ своимъ провозгласила
Густава Эриксона, дому Вазы.

Матильда (*которая въ продолженіе Эрикова разсказа приподняла голову*).

Благодарю... Тебя, Господь!.. Густавъ мой!.. (*Умираетъ*).

Гаральдъ (*схвативъ ея руку*).

О, Боже!.. умерла.

Эрикъ.

Такъ — сладко умирать!
(*Мундсъ даетъ знакъ Христіерну, чтобы онъ шелъ за стражею; Христіернъ повинуется*).

Эрикъ (*Христіерну*).

Ага! убійца матери моей
И моего отца, и отъ меня
Награду получи: пускай тебѣ
Въ изгнаніе сопутствуетъ мое...

Гаральдъ.

Остановись.

Христіернъ.

И ты, мой сынъ?

Эрикъ.

Какъ? сынъ...
Его?.. Гаральдъ, мой братъ, что значитъ это?

Гаральдъ.

Ты сынъ Екатерины, милый братъ
Мой...

Эрикъ.

Сынъ его... Молчишь?

Христіернъ.

Когда тебѣ
Мои несчастія открыли тайну
Рожденья твоего, приди-жъ на грудь
Мою... приди скорѣй... и облегчи
Мнѣ цѣпи тяжкія своей любовью.
Ты мнѣ одинъ отрадой здѣсь остался.

Эрикъ.

Такъ я, выродокъ его презрѣнный?
Чудовища я сынъ?.. какое счастье!
Благодарю, Господь! благодарю!

(*Христіерну*).

Довольно я игрушкою служилъ!
Такъ и теперь могу служить я куклой,
Которою ты забавляться воленъ,
Когда не можешь кровью потѣшаться?
Такъ и теперь лечу подчасъ улыбку
Я на уста твои призвать?.. Ошибка!

Живи, какъ прежде жилъ ты, одинокій!
Гдѣ-бъ ни былъ я, мнѣ легче, чѣмъ съ тобой!

(*Закалывается*).

Гаральдъ (*припадая къ нему и цѣлуя у него руку*).

Братъ, милый братъ!.. Что сдѣлалъ я, несчастный!
О, вымолви хоть слово на прощанье!

(*Христіернъ въ глубокой печали удаляется*).

МАТЕРИ-СОПЕРНИЦЫ

ТРАГЕДІЯ ВЪ ПЯТИ ДѢЙСТВІЯХЪ

СЪ ЭПИЛОГОМЪ

ИЗЪ ВРЕМЕНИ ВЕЛИКАГО КНЯЗЯ ІОАННА ВАСИЛЬЕВИЧА III.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Великій князь Іоаннъ Васильевичъ, высокій, сутуловатый, черные волосы съ просѣдью.

Великая княгиня Софья Ѳоминишна, жена его изъ рода греческихъ императоровъ.

Великая княгиня Елена, вдова сына Іоаннова отъ первой жены, *младаго* Іоанна, дочь господаря Молдавскаго Стефана, лѣтъ 30-ти съ небольшимъ.

Великій князь Василій Іоанновичъ, сынъ великаго князя Іоанна III-го и Софіи, лѣтъ 23-хъ.

Великій князь Димитрій Іоанновичъ, сынъ Елены, въ первыхъ дѣйствіяхъ 16 лѣтъ, въ эпилогѣ 20-ти слишкомъ.

Михайло Русалка, великій дворецкій.

Ѳедоръ Курицынъ, дьякъ по посольскимъ дѣламъ (сторонникъ Елены).

Владиміръ Елизаровъ Гусевъ, дьякъ по законовѣдѣнію (сторонникъ Софіи).

Князь Даніилъ Дмитріевичъ Холмскій, воевода большого полка.

Мареа Борецкая, бывшая посадница новгородская.

Алегамъ, царь казанскій, жена его и татаре, заключенные въ черной избѣ.

Аристотель Фіоравенти, зодчій.

Рыцарь Николай Поппель, посолъ отъ нѣмецкаго императора.

Варѳоломей, толмачъ.

Схаріа, чернокнижникъ и астрологъ.

Небогатый, тюремный приставъ.

Постельничая великой княгини Софіи.

Суконникъ Золотой.

Даньяръ, царевичъ касимовскій.

Привидѣніе.

Бояре, почетная стража при пріемѣ посла, свита посла.

Бояре, суконники и прочаго званія люди на сборищѣ Схаріа.

Стража изъ дѣтей боярскихъ въ черной избѣ, народъ за кулисами

ДѢЙСТВІЕ I.

(Картина первая).

Теремъ великой княгини Софіи Ѳоминишны, богато обставленный по тогдашнему времени.

ЯВЛЕНІЕ I.

Великая княгиня Софья Ѳоминишна *сидитъ въ креслахъ, обитыхъ бархатомъ. Постельничая ея барыня поправляетъ на головѣ ея кику, убранную жемчугомъ и драгоцѣнными камнями, и охорашиваетъ на ней парчевую ферязь. Въ глубинѣ сцены нѣсколько боярскихъ женъ и дѣвицъ.*

великая княгиня Софья.

Боюсь я больше прогнѣвить его,
Не то-бъ одежду эту сбросила съ себя
И вдовью побѣднѣй надѣла.

Постельничая.

Полно,
Сударыня княгиня, надъ собой
Ты не давай кручинѣ волю — брось
Подъ ноженьки. По нашему, какъ мужъ

Серчаетъ больно на тебя напрасно,
Такъ тутъ на зло ему и наряжусь
Нарядне: клинъ клиномъ выбиваю.
Ты посмотрись-ка въ фряжское стекло:
Какая нынѣ ты красавица!
Десятокъ лѣтъ свалилось съ плечъ,
Была такая, какъ въѣзжала къ намъ
Въ Москву великокняжеской невѣстой.

В к Софья

Да, не забыть мнѣ дня, когда встрѣчали
Меня, пригожую и молодую,
Съ невиданнымъ дотолѣ торжествомъ,
Бояре, дьяки, войско, духовенство,
Владыка самъ съ хоругвями святыми,
И мой женихъ, красивый, величавый,
Впился въ меня любовными очами.
О! какъ душа въ то время ликовала.
Казалось, я съ земли взята на небо.

(*Немного погодя*).

И были дни потомъ, недѣли, годы,
Когда на свѣтѣ семъ я никого
Себя счастливѣе не почитала.
Любовь супруга, дѣти, честь, величье,
Все это Господомъ дано мнѣ было.
А нынѣ...

(*Постельничая даетъ знать рукою боярскимъ женамъ и дѣвицамъ, чтобы вышли*).

Въ горѣ, въ тяжкомъ униженьи
Заброшена и мужемъ и дворскими.

Постельничая.

За чтожъ онъ на тебя такъ разсерчалъ?

В. К. Софья.

Ты помнишь, что по моему желанью
Ты знахарку ко мнѣ ввела.

Постельничая.

Такъ чтожъ?
Бѣды вѣдь оттого не приключилось
Ни съ кѣмъ. Ты сказывала мнѣ, въ рѣкѣ
Тотъ корень приворотный утопила,
Что знахарка дала.

В. К. Софья.

Богъ видитъ, князю
Ни въ яствахъ, ни въ питьѣ я не давала;
А вороги мои ему шепнули,
По наученію невѣстки злой,
Что зеліемъ его известь хотѣла.
А я, Господь свидѣтель, воротить
Единственно любовь его желала.

Постельничая.

Маленько потерпи, гроза пройдетъ
И солнышко-великій князь и самъ
Съ любовію къ тебѣ оборотится.
А наши дворскіе всѣ таковы,
Какъ парусъ, вѣтръ куда его потянетъ,
Туда они надувшися за нимъ.

В. К. Софья.

Нѣтъ, гнѣвъ его не мимолетный гнѣвъ,
Не ссора, каковы у всѣхъ бываютъ
И никакихъ слѣдовъ не оставляли
Въ быту семейномъ. Нѣтъ, теперь кладетъ

Позоръ великій на меня, на жизнь мою,
На все мое семейство и, чего не въ силахъ
Я выдержать — вѣнцомъ обходитъ сына,
Законнаго наслѣдника, для внука,
Отродія Алены Волошанки.
А тамъ, помилуй Богъ, умретъ мой мужъ...
Вездѣ ей первый шагъ, почетъ ей первый...
Чтожъ мнѣ тогда? предъ нею унижаться,
Иль въ келью заключить себя на вѣкъ.
(*Задумывается и потомъ немного погодя въ изступленіи показываетъ рукою*).
Ты видишь тамъ, какъ говорю съ тобой,
За этими стѣнами...

Постельничая.

Нѣтъ, не вижу.

в. к. Софья.

А я, я вижу тамъ... сынка ея,
Мальчишку глупаго, вѣнцомъ вѣнчаетъ
Митрополитъ, мой врагъ, ея любимецъ,
Бояре ближніе съ земнымъ поклономъ
Его цѣлуютъ руку...
(*Слышенъ колокольный звонъ, потомъ крики*):
«Да здравствуетъ многія лѣта великій князь Иванъ Васильевичъ, да здравствуетъ великій князь Димитрій Ивановичъ!»)

в. к. Софья.

Слышишь?.. А!..
Свершилось!.. Громъ небесный на меня
Упалъ. Въ груди кипитъ смолой горючей.
Святыя силы, помогите мнѣ!..

ЯВЛЕНІЕ II.

Тѣ же и дворецкій Русалка.

В. К. Софья.

Зачѣмъ пожаловалъ ты съ торжества
Великаго, которое даетъ
Наслѣдника стола великой Руси,
И разумомъ высокаго и духомъ,
Надежнаго на богатырскихъ плечахъ
Снести все бремя управленья царствомъ?
Не для того-ль пришелъ, чтобъ посмѣяться
Надъ женщиной, покинутою мужемъ
И опозоренной передъ народомъ?

Русалка.

Ты знаешь, господыня, неповиненъ
Въ дворскихъ я козняхъ, шли онѣ помимо
Меня. Дьякъ Курицынъ всѣмъ дѣломъ правилъ
И клеветой съ Аленой Волошанкой
Тебя передъ великимъ княземъ обошли.
Я преданный тебѣ всегда былъ рабъ
И буду до тѣхъ поръ, пока Господь
Во мнѣ хоть искру жизни сохранитъ,
Хоть искорку... И нынѣ я пришелъ
Тебѣ великую повѣдать тайну...
Боярыня (*указывая на Постельничую*) родная мнѣ сестра
И за тебя готова умереть,
Такъ я при ней могу повѣдать между нами
Что тяжко на душѣ моей лежитъ..
Меня лишь не забудь, какъ будешь въ силѣ.

В. К. Софья.

Не знаю, довѣрять тебѣ-ли можно;

Ты нынѣ изъ корысти льнешь ко мнѣ,
А завтра изъ того-жъ во всѣ лопатки
Перебѣжишь къ другой.

Русалка.

Господь порукой,
Что я тебя не выдамъ, хоть пили
Меня, глаза мои тогда пусть лопнутъ,
Пускай лихая немочь разнесетъ
Суставчики на пищу вороньямъ.

в. к. Софья.

Скажи.

Русалка.

Сюда пріѣхалъ Схаріа жидовинъ.
Знакомъ онъ былъ съ Аленой Волошанкой
Въ Молдавіи. Оттуда перенесъ
Свою онъ ересь въ Новгородъ и нынѣ
Ее въ престольномъ градѣ разсѣваетъ.
Бояре, смердь, суконники, попы
И самъ владыка заразились ею.
Народъ въ соблазнъ, ой-ой! великій вводятъ.

в. к. Софья.

Да что же ихъ такъ сильно въ ересь тянетъ?

Русалка.

Вѣдь Схаріа великій чародѣй.
Онъ съ неба молнію Господню сводитъ,
Велитъ — и громъ при солнышкѣ гремитъ,
И вызываетъ мертвыхъ изъ гробовъ.
Умершихъ сродичей онъ показалъ
Боярамъ, а твоей невѣсткѣ князя

Великаго, младова Іоанна,
Сулилъ живого скоро показать.

В. К. Софья.

То, видно, дьявольская сила въ немъ.

Русалка.

Большущая есть книга у него —
Антихриста съ печатью кровяной.
Даетъ печать ту цѣловать тому,
Отступится коль кто отъ нашей вѣры.
Онъ ворожитъ по звѣздамъ и планидамъ,
Написана кому судьба какая;
Пророчитъ представленья свѣта
И годъ и день.

В. К. Софья.

Ты не слыхалъ когда?

Русалка.

Самъ не слыхалъ, а говорятъ въ народѣ:
Ужъ ближится звѣриное число.
По моему лишь православный людъ
Мутятъ. А заправляютъ дѣломъ всѣмъ
Жида начальникъ главный Курицынъ,
Да ручка сильная Алены... Скоро,
Пожалуй, въ ересь и сынка введетъ.
Ужъ подлинно, что преставленье свѣта.

В. К. Софья.

Объ этомъ знаетъ ли великій князь?

Русалка.

Не думаю.

В. К. Софья.

Такъ доложи ему.

Русалка.

Хотѣлъ тебя спросить; тогда Аленѣ
Не сдобровать.

В. К. Софья.

Шепни, ты попытай,
А за услугу двадцать пять рублевъ.

(*Слышенъ напѣвъ молдаванской пѣсни*).

Постельничая.

Нишни. Идетъ сама. Всегда поетъ
Родную пѣснь, коль весела бываетъ.
Ужъ вдовушкѣ пора бы перестать,
Да вѣтеръ больно въ головѣ гуляетъ.

В. К. Софья.

Зачѣмъ нелегкая ее несетъ.

Русалка.

Уйти бы мнѣ хоть съ задняго крыльца.

(*Постельничая толкаетъ его въ боковую дверь*).

ЯВЛЕНІЕ III.

Великая княгиня Софья, Великая княгиня Елена, Великій князь Димитрій Іоанновичъ, *послѣдній въ великокняжеской остроконечной шапкѣ и въ бармахъ,* постельничая *отходитъ въ сторону.*

Великая княгиня Елена (*показывая рукою на уходящаго дворецкаго*).

Ха, ха! А хвостикъ все-таки поймала.

в. к. Софья.

Спросить мнѣ не прикажешь-ли, кого
Къ себѣ должна я въ теремъ принимать?

в. к. Елена.

Не ссориться съ тобой пришла, княгиня,
Изъ-за шута...

в. к. Софья.

Не шутъ — великокняжескій дворецкій.

в. к. Елена.

Пожалуй такъ. Не ссориться пришла,
А справить лишь поклонъ тебѣ, старѣйшей
Въ великокняжеской семейкѣ, вмѣстѣ
Съ наслѣдникомъ стола великой Руси.
Иванъ Васильевичъ самъ приказалъ.

в. к. Софья.

Наслѣдникъ?.. что-то не дослышала.
Старенька стала, глухота нашла.

в. к. Елена (*усиливая голосъ*).

Владыкою вѣнчанный въ храмѣ Божьемъ.

в. к. Софья.

Такъ, такъ, наслѣдникъ, истый богатырь!
(*В. к. Дмитрій Іоанновичъ подходитъ къ рукѣ в. к. Софьи, она третъ то мѣсто, гдѣ онъ поцѣловалъ*).

в. к Елена.

Аль укусилъ?

в. к. Софья.

Нѣтъ, ничего, недавно,
Знать, рѣжутся у мальчика зубки.

в. к. Димитрій Іоанновичъ (*обращаясь къ бабкѣ*).

Жить многи лѣта, бабушка, тебѣ,
А мнѣ тебя на старости покоить.

в к Софья.

Спасибо, внукъ (*оглядывая его и показывая на шапку*).
Ахти! какія цацки!
Унизана вся жемчугомъ, горятъ каменья.
На палочкѣ теперь ужъ не поскачешь.

в к Димитрій.

Зачѣмъ на палочкѣ? Я на конѣ
Лихомъ поѣду, на такомъ, чтобъ грызъ
Онъ удила и вихремъ бы леталъ:
«Вотъ русскій молодецъ!» народъ пусть скажетъ.

в. к. Софья (*поправляя на головѣ внука шапку, такъ что она сдвинулась на глаза*).

Кажися, на тебѣ не велика ли?

В. К. Елена.

Какъ будетъ царствовать, придется въ пору.

В. К. Софья.

Ужъ не желаешь ли, чтобъ поскорѣй
Иванъ Васильевичъ лежалъ въ гробу?

В. К. Елена.

У бабъ лихихъ коренья не брала,
Чтобъ извести его отравой!

В. К. Софья

У Схарія жидка ты попроси
Лихого зелья, чтобъ заснулъ на вѣкъ.

ЯВЛЕНІЕ IV.

Тѣ же и Курицынъ.

Курицынъ.

Крѣпись, великая княгиня, Софья
Ѳоминишна, Господь послалъ тебѣ
Великую, нежданную напасть.

В. К. Софья.

Отъ недруговъ своихъ не ожидаю
Извѣстія другого. Ко всему
Я приготовилась уже давно.

Курицынъ.

Твой сынъ Василій пойманъ Государю
Въ измѣнѣ воровской. Дѣтей боярскихъ

Онъ шайку молодцовъ набралъ и съ ними
Бѣжалъ на Вологду; хотѣлъ казну
Ограбить тамъ и войско сталъ скликать,
Чтобъ на войну идти противъ Москвы.

В. К. Елена.

Противъ отца!

В. К. Софья.

О, Господи! за что
Меня, несчастную, караешь снова!
Лишь этого еще не доставало.

Курицынъ.

Въ пути онъ царскими гонцами схваченъ.
Иванъ Васильевичъ, зѣло вскипѣвъ,
Велѣлъ подъ крѣпкой стражей содержать
Его, а молодцовъ, дѣтей боярскихъ,
Казнить. Да вотъ и самъ пришелъ проститься.

ЯВЛЕНІЕ V.

Тѣ же, великій князь Василій Іоанновичъ и стража.

В. к. Василій Іоанновичъ (*бросается къ матери, падаетъ передъ нею на колѣни и цѣлуетъ у нея руку*).

Родная, свѣтъ очей моихъ, прости.
Не могъ я перенесть обиды тяжкой
И не заслуженной, грудь разрывалась,
Кипѣла молодая кровь. Не въ мочь
Мнѣ былъ позоръ. Предъ кѣмъ меня унизилъ —
Предъ мальчикомъ, дряннымъ молокососомъ,
Злодѣй отецъ!..

В. К. Софья.

Опомнись, про кого ты говоришь,
И здѣсь. Кругомъ всѣ недруги стоятъ.

В. К Василій Іоанновичъ.

Пускай передаютъ!.. Въ тюрьмѣ, въ цѣпяхъ,
На площади, подъ плахой мастера
Заплечнаго, все то же я скажу.
Пускай со всѣхъ концовъ святыя Руси
Услышатъ сына-мученика голосъ,
И судитъ насъ съ отцомъ Господь небесный!
Эй! шептуны! подите, донесите,
Размажьте хорошенько, чтобъ слова
Мои въ груди змѣею повернулись

В. К. Софья

О, Господи! онъ вовсе помѣшался.
Дитя мое, голубчикъ, укроти
Свой безразсудный гнѣвъ и покорись
Отцу, хотя-бъ снесть голову съ тебя
Велѣлъ. Ты кровь его, какъ и моя.

В. К. Василій Іоанновичъ.

И подлинно ужъ кровный, какъ не скажешь!

В. К. Димитрій Іоанновичъ.

Голубчикъ дядя, больно жаль тебя.

В. К. Василій Іоанновичъ.

Побереги ты жалость для другихъ.

в. к. Димитрій Іоанновичъ.

Пойду я къ дѣдушкѣ и упрошу,
Чтобъ онъ тебя простилъ.

в. к. Василій Іоанновичъ.

Простить меня,
По милости твоей, дрянной мальчишка?..
Пискунчикъ, только-что въ пушокъ одѣлся!
Надѣлъ великокняжескую шапку
И думаетъ, что милости ужъ сыплетъ.

(*Замахивается рукою, чтобы ударить по шапкѣ Димитрія, в. к. Софья въ испугѣ хватаетъ его за руку*).

в. к. Елена (*беретъ сына за руку*).

Ужъ этого нельзя стерпѣть. Пойдемъ
Мы къ дѣдушкѣ и жаловаться будемъ,
Что больно опозорилъ насъ при всѣхъ.
Онъ съ этимъ справится бунтовщикомъ.

(*Уходитъ съ сыномъ*).

Курицынъ (*обращаясь къ в. к. Софіи*).

Приказано великимъ княземъ мнѣ
За нимъ какъ можно строже наблюдать,
Чтобъ онъ чего во гнѣвѣ не подѣлалъ.
Но, видно, князь Василій глухъ къ совѣтамъ,
Ругается и волю далъ рукамъ;
Такъ по приказу-жъ государя долженъ
Его куда назначено свести.
Прощайся съ матушкой и съ Богомъ въ путь.

в. к. Василій Іоанновичъ.

Прощай, ты не суши себя, родная.

Чтобъ ни было, молися за меня
И не склоняй ты головы предъ *тѣмъ*.

(*В. к. Софья обнимаетъ его, благословляетъ и въ изнеможеніи падаетъ въ кресла. Постельничая плачетъ, ухаживая около нея*).

в. к. Василій Іоанновичъ (*стражѣ*).

Идемъ, ведите въ черную избу.

(*Стража уводитъ в. к. Василья*).

Занавѣсъ опускается.

ДѢЙСТВІЕ II.

Картина вторая.

Брусяная великокняжеская изба на старомъ мѣстѣ. На сценѣ узорчатое кресло, на спинкѣ котораго вышитъ двуглавый орелъ; передъ кресломъ скамейка, на которой вышитъ левъ; близъ креселъ столъ, кругомъ скамейки съ суконными полавочниками.

ЯВЛЕНІЕ I.

Князь Даніилъ Дмитріевичъ Холмскій, главный воевода, дьяки Курицынъ и Гусевъ и бояринъ Мамонъ.

Дьякъ Курицынъ (*тихо Гусеву, отводя его въ сторону*).

Великое онъ дѣло, слава Богу,
Покончилъ.

Гусевъ.

Тяжкое, прибавь еще —
Не по закону. Обошелъ во гнѣвѣ
Вѣнцомъ родного сына въ пользу внука.
Я вижу впереди однѣ лишь смуты,
Раздоръ среди семьи и неустройства.

Курицынъ.

Онъ самъ законъ. Василію вольно-жъ
Въ сердцахъ, по злому наущенью дьяка,
Набрать отчаянныхъ ребятъ ватагу,
Чтобъ погубить Димитрія, уйти
На Вологду и тамъ казну заграбить.
Онъ самъ отцу признался безъ утайки.

Гусевъ.

Быть по тому, коль хочетъ князь великій.

Курицынъ.

Замыслилъ разъ — ничто не измѣнитъ.

Гусевъ.

Ужъ дѣло сдѣлано; я только къ слову молвилъ
Пріятелю, чтобъ съ сердца бремя сбросить,
А, можетъ-быть, и какъ законникъ строгій.
Прошу тебя межъ нами рѣчь хранить.

Курицынъ.

Меня ты знаешь, шептуномъ я не былъ,
Но вотъ дворецкій.

ЯВЛЕНІЕ II.

Дворецкій Русалка и тѣ же.

Дворецкій.

Всѣ ли собрались,
Которыхъ князь великій призывалъ?

Голоса.

Всѣ, всѣ.

ЯВЛЕНІЕ III.

Тѣ же и великій князь Іоаннъ Васильевичъ (*входитъ, зорко оглядываетъ всѣхъ, на низкіе поклоны царедворцевъ ласково откланивается и садится на приготовленное ему кресло; въ рукахъ у него тонкая трость изъ рѣзной слоновой кости.* Дворецкій *подставляетъ подъ ноги его скамейку*)

Курицынъ (*подходитъ къ нему съ поклономъ*).

Великій всея Руси государь!
Вѣнчалъ ты внука своего на царство,
Богатое наслѣдье приготовивъ
Ему: такъ нарекися ты царемъ,
Вся Русь къ тебѣ симъ именемъ взываетъ,
Чужимъ царямъ давно слывешь ты братомъ...

Іоаннъ Васильевичъ (*прерывая его*).

И ты, мой люба Курицынъ, пустился
Прельщать меня опаснымъ искушеньемъ.
И безъ тебя довольно въ головѣ
Сидитъ царя. Угомонить хотѣлъ бы,
Но не въ мочь. Давно ужъ глазъ мой видитъ,
Да зубъ нейметъ. Вся Русь?.. а гдѣ-жъ она?
Гдѣ это царство сильное, какъ рой пчелиный,
Слетѣвшійся со всѣхъ концовъ земли
Въ единый улей по призыву матки?

Курицынъ.

Ты побѣдилъ татаръ, сломилъ Казань,
Навѣки смолкъ новогородскій вѣче,
Ты широко раскинулъ такъ свою державу,
Что можешь смѣло нарещись царемъ.

Іоаннъ Васильевичъ.

Раскинулъ широко? Га; полно, такъ-ли?
Что захватилъ и правдой и неправдой,
Держу-то крѣпко и не выпущу.
А тутъ на сердце налегли свои
И вяжутъ крѣпко руки мнѣ. Кругомъ меня
Тыны поставили: Ростовъ, Рязань,
И Ярославль и Угличъ; не крѣпка
На шаткой Вереѣ моя калитка;
Поѣду въ Новгородъ, всегда о Тверь
Я запинаюсь. Выгляни въ окно —
Увидишь изъ него чужую треть,
Чужое княжество Нѣтъ, прежде свалимъ
Вездѣ тыны, вездѣ заставы срубимъ,
А тамъ продлитъ Богъ если живота
И милости Его не оскудѣютъ,
Царемъ тогда я буду настоящимъ.
Легко себя обставить птицами и львами,
Велѣть, чѣмъ хочешь величать себя,
Да настоящимъ быть царемъ и словомъ
И дѣломъ не легко. Но объ царѣ
Довольно долго рѣчь вели. Теперь
За службу примется великій князь.
Ну, Мамонъ, дѣло какъ съ Литвинами?

Мамонъ.

Князь Лукомскій и Матифасъ толмачъ
Сознались, что тебя известь хотѣли
Отравой по насылу Казиміра.
Пыталъ давать я зелье колдунамъ:
Ихъ пучило отъ макова зерна
И разорвало пса въ единый мигъ.

Іоаннъ (*скинувъ тафью, благоговѣйно*).

Благодарю Тя Спаса, моего,
Что недостойнаго раба Ивана
Насильственной избавилъ смерти лютоїи.

(*Лизнувъ перстень на руки*).

Спасибо и Менгли-Гирею брату,
Снабдилъ меня онъ этимъ перстенькомъ:
Въ немъ сила чудная противъ отравы.
Своихъ ты бойся болѣ, чѣмъ чужихъ.

Мамонъ.

Помилуй, государь, допустимъ-ли
Мы, вѣрные всегда твои холопы.

Іоаннъ.

Холоповъ не хочу, хочу я слугъ;
Подъ страхомъ только тѣ живутъ однимъ.

Гусевъ.

Блюдетъ владыкъ законныхъ око Божье.

Іоаннъ (*задумывается*).

Еще высокій, благородный краль,
Краль христіанскій, хуже басурмана:
Такъ зеліемъ, коль силоїи не беретъ.
Посмѣй отнынѣ лаять, что затѣялъ
Размирье съ нимъ лишь изъ одной корысти,
Хотя-бъ и было что поговорить
Намъ о Литвѣ, землѣ исконной нашей.
Да это дѣло впереди еще,
Объ немъ добрѣ пусть потрудятся внуки,
Коль разумомъ сподобитъ ихъ Господь.

Смотри, однако, Мамонъ, кривды злой
Въ твоемъ допросѣ не было-ль; не мстилъ
И не дружилъ-ли ты кому, признайся.

Мамонъ.

Семь добрыхъ *видоковъ*, дѣтей боярскихъ
Крестъ цѣловали, не было грѣха
Ни передъ Господомъ, ни предъ тобою.

Іоаннъ.

Пусть будетъ такъ. А что по твоему
Судебнику, мой Елизаровичъ,
Уложено?

Гусевъ.

А татьбу доведутъ, или разбой,
Иль душегубство, иль иное дѣло
Лихое, и лихой тотъ будетъ вѣдомъ,
Боярину того велѣть казнити смертной казнью,
А истцево доправити, а что
Останется, боярину и дьяку.

Іоаннъ.

Не бось, законники не позабыли
Себя и заодно ужъ тутъ бояръ:
Рука, по поговоркѣ, руку моетъ...
Такъ быти по закону: живота
Не дать, кто посягаетъ на чужой.

(*Дѣлаетъ Курицыну знакъ рукою, чтобъ подошелъ, но потомъ отстраняетъ его*).

Забылъ, что курицѣ пѣть пѣтухомъ
Не сродно. Мамонъ началъ это дѣло,
Такъ пусть и кончитъ онъ. (*Мамону*). Скажи

Московскому тіуну, да дворскому,
Чтобы сожгли ихъ на Москвѣ-рѣкѣ,
Другимъ чтобъ не повадно было впредь.

(*Мамонъ уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ IV.

Тѣ же, *кромѣ* Мамона.

Курицынъ (*великому князю*).

Послы тверского...

Іоаннъ.

Князя, скажешь ты?
Не признаю тверского князя болѣ.
Спрошу тебя, что обѣщалъ онъ намъ
Своею граматою договорной?

Курицынъ.

Что съ польскимъ королемъ онъ разрываетъ
Союзъ, безъ вѣдома онъ твоего
Имѣть не будетъ болѣ съ нимъ сношеній,
Что онъ клянется за себя и за дѣтей
Во вѣкъ Литвѣ не поддаваться.

Іоаннъ.

Такъ.
Листъ у тебя-ль хранится къ Казиміру
Отъ нашего доброжелателя,
Котораго тверскимъ ты княземъ назвалъ?

Курицынъ.

Имѣю, государь.

Іоаннъ.

Что говорится тамъ?

Курицынъ.

Тверской князь возбуждаетъ Казиміра
Противъ тебя.

Іоаннъ.

Теперь суди насъ Богъ!
Ступай и объяви тверскимъ посламъ,
Что я не принимаю ихъ въ Москвѣ.
Имъ было слово милости мое,
Надъ нимъ они смѣяся надругались...
Что я имъ?.. Ветошь! — нынѣ въ прахѣ топчатъ,
А завтра ставятъ вмѣсто чучела
Въ своихъ садахъ, чтобы пугать воронъ.
Или болванъ, которому сегодня
Поклоны до земли, а завтра бросятъ
Въ поганое болото съ причитаньемъ:
«Князь, батюшка нашъ, выдыбай!»
Не на того напали! Пусть ведутъ
Измѣнническую съ Польшей рѣчь
И короля честятъ своимъ владыкой;
А я своимъ лицомъ приду сказать
Твери, кто господинъ ихъ настоящій.
(*Ударяетъ въ гнѣвѣ посохомъ въ полъ, отчего онъ переломляется въ куски*).
Вотъ кстати наша съ Тверью *грамата*
Разметная. Трость покажи посламъ —
Кабы погнулась, такъ была-бъ цѣла!

Курицынъ (*подобравъ обломки трости, про себя*).
Такъ рушится соперница Москвы!

(*Уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ V.

Іоаннъ, князь Холмскій, Гусевъ и Русалка.

Іоаннъ.

Князь Холмскій здѣсь?

Князь Холмскій.

Здѣсь, государь.

Іоаннъ.

Ты слышалъ?

Князь Холмскій.

Приказешь войско снаряжать?

Іоаннъ.

Исправь. (*Встаетъ и положивъ ему руку на плечо*).
Не въ первый разъ судьбу вручаю Руси
Шелонскому богатырю. А чтобъ
Вождя скорѣе въ битвѣ узнавали,
Я на тебя цѣпь эту возлагаю.

(*Скидаетъ съ себя золотую цѣпь и возлагаетъ ее на князя, тотъ принимаетъ ее, ставъ на колѣно и цѣлуя руку у великаго князя*).

Такъ съ Богомъ въ путь, мой славный златоносецъ!
Тебя я на походѣ догоню.

(*Холмскій уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ VI.

Іоаннъ, дьякъ Гусевъ и дворецкій Русалка.

Іоаннъ.

А ты, мой Елизаровичъ, въ другой
Походъ.

Гусевъ.

Куда прикажешь, господине.

Іоаннъ.

Махни-ка ты въ Ростовъ и Ярославль.
Ты знаешь, уступить мнѣ обѣщали
Князья ихъ обѣ отчины свои,
А то въ боку какъ-будто два кола.
Смекаешь, закрѣпи узломъ законнымъ
Благое даянье; учить тебя напрасно.

Гусевъ.

Надеженъ будь, что̀ напишу перомъ,
Не вырубить и топоромъ самимъ.

(*Уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ VII.

Іоаннъ и Русалка (*послѣдній подходитъ съ ужимками къ великому князю*).

Іоаннъ.

Ты что?

Русалка.

Дозволь мнѣ слово тайное замолвить.
Хотѣлъ было на сердце схоронить,

Тебя не прогнѣвить бы, господине,
Да Божья Мать является во снѣ
Ужъ третій день, меня все понукаетъ:
Скажи, скажи.

Іоаннъ.

Ну къ бѣсу, говори же безъ ужимокъ,
Часъ дорогъ.

Русалка.

Вѣдомо-ль тебѣ, въ Москву
Къ намъ ересь Схаріа жида вползла,
Какъ змій въ благословенный вертоградъ.
Бояре ближніе и пастыри духовны
Вкушаютъ ужъ поганую отраву;
За нихъ печальникъ главный Курицынъ,
Который милостью твоей осыпанъ.
(*На лицѣ великаго князя возрастаетъ неудовольствіе*).
И вѣдомо-ль тебѣ, что православный
Народъ они въ соблазнъ великій вводятъ?..
(*Шопотомъ*)
Твоя невѣстка даже...

Іоаннъ (*спокойно*)

Вѣдомо,
Науку любомудрья изучаютъ.
Пусть тѣшатся, лишь дѣла своего
Не запускали бы. А если бабьи
Всѣ пересуды слушать, такъ не сварить
И щей горшка, подавно царствомъ править.
Объ Курицынѣ строго запрещаю,
Кому бы ни было, худое говорить.
Я не забуду никогда, что сдѣлалъ
Онъ для меня. Съ Менгли-Гиреемъ дружба,
Союзы съ королемъ венгерскимъ,

Съ молдавскимъ господаремъ и иными,
Все это дѣло Ѳедора. И если
Я ими силенъ, и потому
Могу съ Литвой тягаться, такъ за то
Ему поклонъ, и до земли поклонъ.
Знай, худо и добро не забываю
До гробовой доски.

Русалка.

Лишь изъ усердья
Къ тебѣ не могъ я долѣ умолчать;
Народъ весь вопіетъ противъ тебя.

(*При этихъ словахъ раскалились очи у великаго князя, онъ воспрянулъ съ креселъ, вцѣпился въ грудь Русалки и, тряся ее и задыхаясь, закричалъ.*)

Іоаннъ.

Народъ?.. Гдѣ онъ? Подай его, чтобъ я
Услышать ропотъ могъ и задушилъ,
Какъ я тебя душу. Народъ гдѣ этотъ,
Отколь взялся?.. На свѣтѣ семъ, я знаю,
Есть государство русское и все
Оно, по Божьей милости, во мнѣ одномъ,
Слышь, негодяй?.. Поди и объяви
Вездѣ, на торжищахъ, въ церквахъ,
Въ концахъ вели ты это прокричать,
И если голоса людского мало,
Вели ты прозвонить колоколамъ
И пушкамъ прогремѣть... Народъ?
Не тотъ ли, что два вѣка слишкомъ ползалъ
У ногъ Татаръ и кланялся имъ данью
И руки цѣловалъ у Псковитянъ,
У Новгородцевъ, у Литвы?
Я первый поднялъ на ноги его

И крикнулъ: встань, опомнись, ты Русинъ!..
И смердъ поднять смѣлъ голосъ на меня?..
Пойди и Курицыну объяви,
Что жалую я вѣрнаго слугу
Кафтаномъ золотымъ, слышь, съ плечъ
Моихъ, и такъ скажи, чтобы народъ
Твой вѣдалъ. Вонъ, теперь, шептунъ поганый!

Русалка (*становясь на колѣни*).

Помилуй, государь, отецъ нашъ, грѣхъ попуталъ.
Возьми свое нелюбіе назадъ:
Не малую я службу сослужу
Тебѣ; доволенъ будешь сильно мной —
Князь Михаилъ верейскій захворалъ;
Нарокомъ съ этой вѣстью родичъ прибылъ.
Пошли скорѣй гонца, пока не отдалъ душу.

Іоаннъ (*въ испугѣ*).

Сказалъ, хвораетъ? сильно захворалъ?..

Русалка.

Мой родичъ говоритъ, ужъ не подняться.

Іоаннъ (*ласково*).

Да, да, Михайло, можешь сослужить
Мнѣ службу, никогда я не забуду.
Ты голова не глупая, не знаю,
Какъ нынѣ оплошалъ — попуталъ, видно,
Лукавый. Встань. Такъ ты... мой люба...

(*Говоритъ дрожащимъ отъ душевнаго волненія голосомъ, гладя Русалку по головѣ*).

Немедленно отправься въ Верею,
Сейчасъ. Скачи, гони и въ хвостъ и въ гриву,

Коней хоть десять замори, а князя
Михайлу заставай еще въ живыхъ,
Какъ хочешь заставай... Гдѣ лаской лисьей,
Гдѣ рѣчію духовной убѣди,
А если нужно, такъ пугни порядкомъ.
И *грамату душевную* вези скорѣе,
Передаетъ московскому-де князю
Всю отчину свою, всю безъ остатку
На вѣчны времена, за бѣгство сына.
Тебѣ же, помни, сто рублевъ награды.

Русалка.

А если ножки до меня протянетъ?

Іоаннъ.

Не долженъ онъ, не можетъ... говорю.
Не то не пріѣзжай ко мнѣ назадъ.

Русалка.

Такъ и мертвый у меня подпишетъ.

(*в. к. Іоаннъ Васильевичъ уходитъ*).

Русалка (*одинъ*).

Потрясъ таки, ой-ой, державной ручкой,
Да за толчкомъ не гонятся дворчане,
Лишь голову-бъ свою снести на плечахъ
Да денежекъ поболѣ загрести.
Вдобавокъ матерямъ обѣимъ угожу...
Одной, что за нее побои вынесъ,
Другой, — хоть о побояхъ умолчу —
Любимцу золотой кафтанъ снесу.

(*Уходитъ*).

Занавѣсъ опускается.

ДѢЙСТВІЕ III.

Картина третья.

Палата въ набережныхъ сѣняхъ.

ЯВЛЕНІЕ I.

На сценѣ узорочное сѣдалище, обитое золотою парчою, надъ нимъ балдахинъ со столбиками въ видѣ пирамидъ изъ рѣзного позолоченнаго дерева, съ двуглавымъ орломъ сверху; съ одной стороны сѣдалища — кресла, обитыя цвѣтнымъ бархатомъ. Неподалеку стоянецъ, на которомъ серебряная умывальница, поверхъ ея тонкій утиральникъ, отороченный кружевами, и серебряное блюдо. Великій князь Іоаннъ Васильевичъ сидитъ на сѣдалищѣ, подъ ноги его подставлена колодка (скамейка), обитая парчою. На немъ кафтанъ становой изъ серебряной парчи съ зелеными листьями и поверхъ кафтана зипунъ изъ желтаго атласа, на шеѣ ожерелье изъ лалъ и яхонтовъ, на груди золотая цѣпь, на головѣ островерхая шапка съ золотымъ крестомъ, усыпанная жемчугомъ и драгоцѣнными каменьями, на ногахъ башмаки, вышитые золотомъ по бѣлому сафьяну. Великій князь Димитрій Іоанновичъ садится на другія кресла. На немъ также богатая одежда со всѣми принадлежностями, какія на дѣдѣ его. Бояре, въ богатыхъ одеждахъ перваго наряда, стоятъ передъ своими скамьями, въ томъ числѣ касимовскій царевичъ Даньяръ, въ богатой азіатской одеждѣ, и зодчій Аристотель Фіоравенти въ итальянской; стража у дверей съ шестоперами и бердышами. На сценѣ тишина.

ЯВЛЕНІЕ II.

Курицынъ *входитъ*.

Великій князь Іоаннъ Васильевичъ.

Что тамъ еще?.. Зачѣмъ остановилось дѣло?
Великій князь московскій не привыкъ
Пословъ прихода долго ожидать.

Курицынъ.

Зартачился-было, хотѣлъ къ крыльцу
Дворцовому подъѣхать на конѣ,
Да я его назадъ поворотилъ,
Сказалъ, что ты, великій князь, одинъ
Имѣешь право на конѣ къ крыльцу.
Теперь дозволишь ли ему предстать
Предъ очи ясныя твои?

В. к. Іоаннъ Васильевичъ.

Веди.

(Курицынъ хочетъ уйти, но, когда входитъ поспѣшно Русалка и Гусевъ въ дорожныхъ платьяхъ, великій князь даетъ ему знакъ рукою, чтобы остановился.)

ЯВЛЕНІЕ III.

Тѣ же, Гусевъ и Русалка.

Великій князь Іоаннъ Васильевичъ *(радостно)*.

Вотъ и мои послы. Благословенъ
Да будетъ вашъ приходъ. Теперь посолъ

Цесарскій самъ пусть подождетъ немного.

(*Русалкѣ*).

Какія вѣсти?.. Живъ верейскій князь?

Русалка.

Скончался.

В. к. Іоаннъ Васильевичъ (*со страхомъ*).

Чтожъ еще потомъ?..

Русалка.

Но прежде,
Чѣмъ душу Господу верейскій отдалъ,
Онъ *грамату душевную* успѣлъ
Своею подписью скрѣпить, за нимъ
Скрѣпили ближніе его бояре (*передаетъ в. князю листъ*).
Всю отчину свою, всю безъ остатку
Онъ отдаетъ на вѣчны времена
Тебѣ за ослушаніе-де сына.

В. к. Іоаннъ Васильевичъ (*разсмотрѣвъ листъ и потомъ передавъ его Курицыну*).

За эту вѣсть въ головку поцѣлую.

(*Цѣлуетъ Русалку въ голову*).

А сто рублевъ получишь изъ казны,
Да пятьдесятъ дворовъ въ придачу къ нимъ.

(*Обращаясь къ Гусеву*).

А ты, мой Елизаровичъ? Ну что
Ростовъ и Ярославль?

Гусевъ.

Они твои (*подаетъ ему листъ*).

Все сдѣлано, какъ приказалъ; князья
Исполнили свое святое слово.

В. к. Іоаннъ Васильевичъ.

Спасибо, люба мой, еще спасибо
Да сто дворовъ. Благодаренье Богу,
Растетъ святая Русь! (*восторженно*). Пройдутъ года,
И вырастетъ великая держава
На страхъ врагамъ, на удивленье міра:
Быть-можетъ, наши правнуки помянутъ
Меня, строителя родной земли!

Гусевъ.

Помянутъ правнуки, а мы тебѣ
Челомъ бьемъ до земли. Да здравствуетъ
На много лѣтъ великій Государь!

Голоса.

Да здравствуетъ еще на много лѣтъ!

В. к. Іоаннъ Васильевичъ (*встаетъ и кланяется*).

Теперь (*обращаясь къ Курицыну*)
посла цесарскаго сюда ведите.

ЯВЛЕНІЕ IV.

Тѣ же, Курицынъ, *посолъ цесаря римскаго* Поппель, *за нимъ свита изъ дворянъ цесарскихъ съ дарами и толмачъ* Варѳоломей. (*На Поппелѣ бархатный малиновый беретъ съ страусовыми перьями, прикрѣпленными пряжкой изъ драгоцѣнныхъ камней, на плечи накинута бархатная епанечка, обложенная золотыми галунами, на шеѣ фрезы въ три ряда,*

на рукахъ манжеты; онъ въ бѣломъ атласномъ нижнемъ платьѣ съ разрѣзами и буфами и въ сапожкахъ съ золотыми шпорами).

Курицынъ (*останавливаетъ посла въ дальнемъ разстояніи отъ великаго князя, потомъ подходитъ съ низкимъ поклономъ къ Іоанну Васильевичу*).

Великій Государь, дозволь послу
И лицарю цесарскому тебѣ
Поклонъ отъ господина своего
По уложенью править.

Великій князь Іоаннъ Васильевичъ.

Дозволяю.

Курицынъ (*подвигаетъ посла на нѣсколько шаговъ впередъ, потомъ останавливаетъ его и черезъ минуты двѣ опять подвигаетъ впередъ по всходницѣ. Посолъ всходитъ на вторую ступень и, становясь на ней на одно колѣно*).

Поппель.

Erlauchtigster, von Gott gesandter Friedrich,
Der Kaiser Rom's und König von Ragusa,
Schikt dir, dem grossen Herrscher aller Russen,
Den innigsten und tiefsten Gruss von Herzen.

Толмачъ Варѳоломей (*переводитъ по-русски*).

Свѣтлѣйшій, найяснѣйшій Фридерикъ,
Отъ Бога римскій цесарь и король рагузскій,
Тебѣ, великому владыкѣ всея Руси,
Поклонъ свой задушевный посылаетъ.

В. к. Іоаннъ Васильевичъ (*встаетъ съ своего сѣдалища*).

Во здравіи ли добромъ пребываетъ
Свѣтлѣйшій, найяснѣйшій Фридерикъ,
Благопріятель мой и вѣрный братъ?

Толмачъ Варѳоломей (*переводитъ по-нѣмецки*).

Erlauchtigster und grosser Kaiser Friedrich.
Ist er gecund, mein Freund und treuer Bruder?

Поппель (*по-нѣмецки*).

Gesund, sei Gott gedankt, mein grosser Herrscher
Und wünscht dasselbe dir auf viele Jahre.

Толмачъ (*переводитъ по-русски*).

Здоровъ великій государь, чего
Тебѣ желаетъ онъ на многи годы.

(*В. к. Іоаннъ Васильевичъ подаетъ послу руку, послѣ того садится на сѣдалище и предлагаетъ ему сѣсть на скамейку противъ себя. Дворецкій Русалка, успѣвшій ужс переодѣться въ одежду перваго наряда, подаетъ великому князю умыть руку изъ серебрянаго умывальника и потомъ утиральникъ, которымъ великій князь слегка и вытираетъ ее*).

Курицынъ (*обратясь къ великому князю съ низкимъ поклономъ*).

Великій князь и господине Руси,
Посолъ отъ господина своего
Тебѣ *съ поминками* челомъ бьетъ низко.

(*В. к. Іоаннъ Васильевичъ ласково киваетъ послу, и затѣмъ дворяне цесарскіе изъ свиты посла, одинъ за*

другимъ, подносятъ съ колѣнопреклоненіемъ дары: монисто и ожерелье золотыя, куски венеціянскаго бархата разныхъ цвѣтовъ и на золотѣ, сукна и позолоченную клѣтку съ попугаемъ).

В. к. Іоаннъ Васильевичъ (*указывая на клѣтку*).

А что за птица? отродясь не видѣлъ.

Толмачъ (*переводитъ по-нѣмецки*)

Und welch ein Vogel ist's? In meinen Leben
Hab ich ein'n solchen Vogel nie gesehen.

Поппель.

Ausländisch. Dort am Westen wo die Sonne
Zu Nacht sich schlafen legt in Meereswogen,
Ein kühner Spanier Christoph Columbus
Hat eine neue Welt entdeckt mit Vögeln,
Mit Thieren, Bäumen, Leuten nie gesehen
Bei uns bis jetzt; und diesen Vogel hat er
Von dort gebracht. Und wenn man lehrt den Vogel,
So kann er, wie ein Mensch, verständlich sprechen.

Толмачъ (*переводитъ по-русски*).

Заморская. На западѣ, гдѣ въ волны
Морскія солнце на ночь спать ложится,
Испанецъ Христофоръ Колумбъ отважный
Открылъ свѣтъ новый съ птицами, звѣрями,
Деревьями, людьми, досель у насъ
Невиданными, вотъ и эту птицу
Оттолѣ онъ привезъ. Какъ выучить,
Такъ можетъ по-людскому говорить.

В. к. Іоаннъ Васильевичъ.

Диковинно, ей-ей! Благодарю
Я цесаря за добрыя *поминки*.

Толмачъ (*переводитъ по-нѣмецки*).

Gewiss es ist ja wunderbar! Ich danke
Dem Kaiser für die herrliche Geschenke.

Великій князь Димитрій Іоанновичъ.

(*вставъ съ своего кресла, всплеснувъ руками и заглядывая въ клѣтку*).

Хорошенькая же она какая!
Зеленыя, малиновыя перья;
Ну такъ бы и расцѣловалъ ее.

(*В. к. Іоаннъ Васильевичъ грозно смотритъ на него; в. к. Димитрій Іоанновичъ, угадавъ этотъ взглядъ, садится*).

В. к. Іоаннъ Васильевичъ (*дворецкому, указывая на клѣтку*).

Чтобы къ Димитрью князю отнесли.

(*Цесарскіе дворяне удаляются съ подарками*).

Курицынъ.

Дозволь, великій государь, послу говорить
Тебѣ отъ господина своего.

(*В. к. Іоаннъ Васильевичъ киваетъ головой въ знакъ согласія и дѣлаетъ съ своего мѣста нѣсколько шаговъ впередъ*).

Поппель.

Wovon zu reden ich die Absicht habe,

Bitt' ich vollständiges Geheimniss halten;
Wenn deine Feinde. uns verhasste, wissen
Was ich von ihnen sage, wird mein Leben
Der grössten dann Gefahr wohl unterliegen.
Vernommen haben wir, dass du, Erlauchtster,
Allmächther grosser Fürst Ioann, beim Papste
Gebeten hast die Würde und den Namen
Des Königs dir zu geben.

Толмачъ (*переводитъ по-русски*).

О томъ, что я намѣренъ говорить,
Прошу я скромности и таїны полной.
Когда же непріятели твои,
Намъ ненавистные, узнаютъ
Что я скажу объ нихъ, такъ жизнь моя
Въ опасности тогда великой будетъ.
Мы слышали, что ты, свѣтлѣйшій князь,
Всемощный Іоаннъ, просилъ отъ папы
Достоинства и званья короля.

(*На лицо в. к. Іоанна Васильевича набѣгаетъ неудовольстіе, которое въ продолженіе рѣчи усиливается*).

Поппель.

Aber wiss denn
Dass nicht der Papst — der Kaiser nur allein
Zu König, Prinz und Ritter kann erheben.

Толмачъ (*переводитъ по-русски*).

Но знай же, что не папа — императоръ
Одинъ лишь въ короли, и въ принцы жалуетъ,
И въ рыцари.

(*В. к. Іоаннъ Васильевичъ отступаетъ и садится на свое мѣсто*).

Поппель.

Man muss die That verbergen vor den Polen;
Sie fürchten, wenn du wirst der König Russlands
Und folglich gleich dem Könige von Polen, —
Verlangst du deine uralten Gebiete.

Толмачъ (*переводитъ по-русски*).

Скрыть это дѣло надлежитъ отъ поляковъ,
Которые боятся, чтобы ты,
Какъ русскимъ сдѣлаешься королемъ
И съ польскимъ будешь равенъ, потому
Потребуешь своихъ земель исконныхъ.

В. к. Іоаннъ Васильевичъ (*твердымъ владычнымъ голосомъ*).

Ты спрашиваешь насъ, намъ любо-ли
Отъ цесаря хотѣть, чтобъ поставилъ
Насъ королемъ на русской на землѣ.
Такъ знай ты, лицерь Поплевъ, навсегда,
Что милостью мы Божьей государи
На ней отъ прародителей своихъ
И ставитъ насъ на царство Богъ одинъ,
И молимъ Господа, чтобы Онъ далъ,
Какъ намъ, такъ дѣтямъ нашимъ, вѣчно
Въ томъ быти, какъ доселѣ были мы,
А постановленія другого прежде
Ни отъ кого мы не хотѣли, такъ
И нынѣ не хотимъ ни отъ кого.

Толмачъ (*переводитъ по-нѣмецки*).

Du fragest uns, ob wir vom Kaiser wollen,
Dass er uns nennt zum Könige von Russland:
So wiss denn, Ritter Poppel, und auf immer,

Dass wir durch Gnade Gottes sind Beherrscher;
Von unsern Ahnen, dieser grossen Reiche,
Und Gott allein uns diesen Namen gab,
Und flehen Gott, für uns und unsre Kinder,
Zu bleiben ewig wie wir bis jetzt waren
Wie ehemals von Niemand diesen Namen
Wir haben wollten, ebenfalls auch heute
Von Niemand wollen wir denselben haben.

Поппель (*растерянный поникъ головой, потомъ немного оправившись, продолжаетъ робкимъ голосомъ*).

Verzeihe, grosser Herrscher, meinen Fehler.

Толмачъ (*переводитъ по-русски*).

Прости, великій государь, мою ошибку.

В. к. Іоаннъ Васильевичъ.

Ошибка не бѣда и не помѣха
Намъ съ цесаремъ пріятельство вести.
Имѣешь что еще сказать ты намъ?

Толмачъ (*переводитъ по-нѣмецки*)

Ein Fehler ist kein Uebel, kann nicht stören
Die Freundschaft mit dem Kaiser zu erhalten.
Hast du noch weiter etwas uns zu sagen?

Поппель.

Erlaube mir im Namen meines Herrschers
Als Bund der inn'gen Freundschaft vorzulegen
An seinen Neffen, Markgraf Badens Albert.
Helene oder Theodosie, deine Tochter,
Zu v'rheirathen; erlaube mir jedoch
Die Braut zu sehen.

Толмачъ (*переводитъ по-русски*).

Дозволь отъ господина моего
Тебѣ по дружбѣ предложить, чтобъ выдалъ
Ты дочь свою Алену иль Ѳедосью
За Альберта, маркграфа Бадена,
Племянника его, но прежде видѣть
Невѣсту мнѣ дозволь.

В к. Іоаннъ Васильевичъ.

Благодарю.
И потому съ тобой пошлю посла
Объ этомъ трудномъ дѣлѣ разсуждать.
Касательно же до желанья видѣть
Невѣсту, долженъ я тебѣ сказать,
Что русскіе обычаи претятъ
До времени показывать невѣсту
И женихамъ и сватамъ — не взыщи.

Толмачъ (*переводитъ по-нѣмецки.*

Ich dancke für die Ehre
Und schick daher mit dir einen Gesandten
Um zu besprechen diese wicht'ge Sache;
Was aber deinen Wunsch betrifft vorher
Die Braut zu sehn, so muss ich dir es sagen,
Dass unsre Sitten Russlands untersagen
Bis zu gewisser Zeit die Braut zu zeigen
Dem Bräutigam und Freiwerber — verzeihe.

Поппель.

So hab' ich noch nur eine letzte Bitte:
Mein Herr wünscht Thiere haben, die bei euch
Man Elenthiere nennt, nur ohne Hörner,

Ganz junge noch, und einen jener Wilden,
Die rohes Fleisch geniessen; solche Gabe
Wie Brudersfreundschaft wird der Kaiser schätzen.

Толмачъ (*переводитъ по-русски*).

Такъ просьба есть еще одна къ тебѣ,
Послѣдняя. Мой господинъ желаетъ
Звѣрей, которыхъ лосями у васъ
Зовутъ, но только молодыхъ безъ рогъ,
И одного изъ вогулятъ [1]), что мясо
Ѣдятъ сырое; даръ такой нашъ цесарь
Почтетъ за братское благопріятство.

В. к. Іоаннъ Васильевичъ.

Съ великой радостью. На мѣсто-жъ ихъ
Прошу у цесаря я дѣловцовъ,
Копателей руды, да рудника,
Который бы отъ золота умѣлъ
Отребье отдѣлять, да мастера
Серебрянаго, хитраго, умѣлъ бы
Посуду, кубки дѣлать, да чеканить
И тожъ писать на судахъ.

Толмачъ (*переводитъ по-нѣмецки*).

Mit grosser Freude. — Und anstatt derselben
Bitt' ich den Kaiser Arbeiter mir zu schicken:
Bergleute und mit ihnen einen Künstler,
Der Gold von Erd' zu reinigen verstände,
Und auch einen geschickten Silbermeister,

---

[1]) Вогуличи, жители Угорской земли, незадолго до того покоренной Іоанномъ, нынѣ обитатели Березовскаго уѣзда, Тобольской губерніи.

Der allerlei Geschirr und Becher machen
Und gleichfalls prägen, auch bemahlen könnte
Verschiedenes Gefäss.

Поппель.

Ich werd's vortragen.

Толмачъ (*переводитъ по-русски*).

Доложу.

(*В. к. Іоаннъ Васильевичъ кланяется послу въ знакъ того, что аудіенція кончена; посла провожаютъ съ почетомъ Курицынъ и другіе бояре*).

В. к. Іоаннъ Васильевичъ (*Аристотелю*).

А ты, мой Аристотель, покажи
Ему Успенья храмъ великолѣпный,
Палату золотую, дивный кремль,
И колоколъ большой, царь-пушку, что
Намъ вылилъ Павелъ Дебосисъ, и все,
Что наше имя сохранитъ въ потомствѣ

(*В. к. Димитрію Іоанновичу*).

Теперь переодѣнемся съ тобой,
Да въ черную избу пойдемъ смотрѣть,
Смирненько-ль пташки тамъ сидятъ по клѣткамъ;
Пусть будетъ нынѣ праздникъ для меня!

(*Уходятъ*).

ЯВЛЕНІЕ V.

Картина четвертая.

Въ черной избѣ (въ тюрьмѣ). Сцену раздѣляетъ поперекъ перегородка, въ которой нѣсколько дверей. Приставъ тюремный Небогатый, стража изъ боярскихъ дѣтей; дверь въ одно отдѣленіе открыта.

Великій князь Василій Іоанновичъ и приставъ Небогатый.

В. к. Василій Іоанновичъ (*стоитъ у двери*).

Что я хочу сказать тебѣ, мой добрый приставъ?

Небогатый.

Скажи.

В. к. Василій Іоанновичъ.

Вотъ мотылекъ влетѣлъ. Онъ по цвѣтамъ
Порхалъ и веселился; вѣтерокъ
Занесъ его въ тюрьму. А какъ придетъ
Мнѣ блажь его поймать и задавить?

Небогатый.

Грѣшно.

В. к. Василій Іоанновичъ.

Да мало-ль что грѣшно на свѣтѣ семъ.
Э! все судьба! вертится колесо —
Такъ наша жизнь. Лишь сильный махъ руки,
И ты сегодня на верху; махъ посильнѣе —
Въ избѣ ты этой черной и въ цѣпяхъ.

ЯВЛЕНІЕ VI.

Тѣ же, великіе князья, Іоаннъ Васильевичъ и Димитрій Іоанновичъ (*показываются въ концѣ перехода*)

Одинъ изъ стражи.

Великій князь Иванъ Васильевичъ!

Другой.

Великій князь Иванъ Васильевичъ!

(*Всѣ суетятся*).

(*Небогатый спѣшитъ навстрѣчу великому князю, стража растворяетъ двери въ отдѣленіе заключенныхъ, такъ, чтобы они всѣ видны были*).

В. к. Іоаннъ Васильевичъ.

Василій здѣсь?.. Смиренъ? послушенъ былъ?..

Небогатый.

Пожаловаться не могу.

В. к. Іоаннъ Васильевичъ.

Подъ стражу въ прежній теремъ перевесть.

(*Небогатый выпускаетъ изъ клѣти великаго князя Василья Іоанновича*).

Небогатый (*стражѣ*).

По приказанью Государя Іоанна
Васильевича перевесть его
Подъ стражу въ теремъ, гдѣ онъ прежде жилъ.

(*Стража выпускаетъ в. к. Василья Іоанновича*).

В. к. Василій Іоанновичъ.

Съ цѣпи спустили пса, гуляй же, несъ,
Погода жаркая, взбѣситься можешь.

(*В. к. Іоаннъ Васильевичъ при встрѣчѣ съ нимъ смотритъ на него сурово, на лицѣ в. к. Василья Іоанновича изображается твердая холодность, онъ проходитъ мимо отца, не кланяясь ему, и, остановясь на одну минуту противъ племянника, съ насмѣшкой глядитъ на него*).

Пушокъ растетъ; клевать пришелъ учиться.

(*Его уводитъ стража*).

В. к. Іоаннъ Васильевичъ (*вслѣдъ ему*).

Все тотъ же непокорный! (*Съ сожалѣніемъ*) похудѣлъ
Однакожъ... черная изба не краситъ.
Въ несчастіи, а голову не клонитъ.
Таковъ правитель долженъ быть народа.

(*Стучитъ у двери одной клѣти. Изъ нея выглядываютъ нѣсколько татаръ и татарокъ*).

ЯВЛЕНІЕ VII.

Великій князь Іоаннъ Васильевичъ, великій князь Димитрій Іоанновичъ, казанскій царь Алегамъ, жена его и приставъ тюремный.

Великій князь Іоаннъ Васильевичъ
(*приставу, указывая тростью*).

Ты растолкуй ему, кто здѣсь сидитъ.

Небогатый (*великому князю Димитрію Іоанновичу*).

Худой такой, съ шафранными глазами,

Вотъ что привсталъ передъ великимъ княземъ,
Казанскій царь, слыхалъ ты, Алегамъ.

В. к. Димитрій Іоанновичъ.

Нѣтъ, не слыхалъ досель ни отъ кого.

В. к. Іоаннъ Васильевичъ (*про себя*).

Василій все бы разсказалъ доточно,
Какъ-будто бы читалъ по лѣтописцамъ;
Не мудрено: мать у него съ издѣтства
Знакомила его съ родной страною.

Небогатый.

Страхъ наводилъ онъ много, много лѣтъ
На землю русскую, повелѣвалъ
Народу сильному, теперь едва
Имѣетъ мѣсто, гдѣ бы голову
Склонить. Къ ихъ предкамъ русскіе князья
На поклоненіе не разъ ходили.
Чтобъ вымолить себѣ вѣнецъ и ласку,
У нихъ держали стремя, имъ платили
Дань — нынѣ жъ видишь...

В. к. Іоаннъ Васильевичъ.

Понимаешь,
Казанскій царь, я отправляю
Тебя на Вологду съ женой любимой,
А мать, сестеръ и братьевъ въ Каргополь:
Гуляй тамъ въ волю; отпущу на кормъ
По три алтына въ день.

Алегамъ.

Спасибо, батька (*бросается къ ногамъ в. к. Іоанна Васильевича*).

Жена Алегама [1]) (*удерживая его за полу одежды, съ негодованіемъ и презрѣніемъ*).

Что дѣлаешь ты, царь казанскій!

В. к. Іоаннъ Васильевичъ.

Баба

Сердитая!

(*Онъ подходитъ къ новой клѣти*).

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Тѣ же и два брата Нордоулатъ и Айдаръ (*они сидятъ рядомъ обнявшись, но увидавъ великаго князя Іоанна Васильевича, расплетаются*).

Великій князь Іоаннъ Васильевичъ (*указывая на нихъ тростью*).

Менгли-Гирея, хана крымскаго
И друга моего сердечнаго, два брата.
Послѣдыши той азіатской силы,
Которая едва не задавила Руси
И потому не разлилась на западъ.

(*Махнувъ рукою*).

Да ты не понимаешь ничего.

В. к. Димитрій Іоанновичъ.

А вотъ что, дѣдушка, ты подари
Мнѣ этихъ старичковъ.

---

1) Та самая, которая впослѣдствіи, во второмъ бракѣ, вышедши за казанскаго царя Магметъ-Амина, сильно отмстила великому князю Іоанну III за униженіе своего перваго мужа.

В. к. Іоаннъ Васильевичъ.

Зачѣмъ тебѣ?
Что сдѣлаешь ты съ ними? въ гробъ глядятъ.

В. к. Димитрій Іоанновичъ.

На волю выпущу, чтобы тебя
Благословляли.

В. к. Іоаннъ Васильевичъ.

Небогатый! дать
И имъ свободу и сказать,
Чтобъ въ Вологду отправить на кормы
Хорошіе. Я это дѣлаю для внука.

(*Великій князь Іоаннъ Васильевичъ, великій князь Димитрій Іоанновичъ, приставъ Небогатый идутъ далѣе по переходу и останавливаются у одной клѣти, надъ дверями которой мѣломъ написано крупными буквами: «Марѳа Борецкая, посадница Новгорода»*).

ЯВЛЕНІЕ IX.

Тѣ же и Марѳа Борецкая (*видно, что она стоитъ на колѣняхъ и молится*).

Великій князь Іоаннъ Васильевичъ
(*стучитъ тростью у дверей*)

(*Борецкая встаетъ и показывается у дверей*).

О комъ, посадница, молилась ты?

Марѳа.

Вѣстимо объ умершихъ, князь великій.

В. к. Іоаннъ Васильевичъ.

О комъ же именно, спросить дозволишь?

Марѳа.

Спроси объ этомъ у дѣтей моихъ,
Боярами тобою-жъ нареченныхъ,
Которыхъ ты казнилъ, спроси еще
У Новграда, что залилъ кровью ты
И пепеломъ засыпалъ.

в. к. Іоаннъ Васильевичъ.

О, го-го!
Знать, не забыла дурь свою и здѣсь
Великаго Новгорода господыня?

Марѳа.

Была-таки, голубчикъ.

в. к. Іоаннъ Васильевичъ.

Попытай
Опять.

Марѳа.

Надъ чѣмъ? сказала ужъ тебѣ,
Что я молюсь надъ прахомъ мертвецовъ.
Твою Москву, съ лачугами ея,
Два раза въ годъ спали до тла, и въ годъ
Одинъ ее построишь. Вѣдь два вѣка
Татары жгли ее и разоряли,
Два вѣка чахла, чахла и все-таки
Цѣла осталась, только промѣняла
Неволю на другую. А господина
Великаго Новгорода не стало,
И болѣе Новгорода не будетъ.

В. К. Іоаннъ Васильевичъ.

Почемъ знать!

Марѳа.

Въ сотню лѣтъ ужъ не поднимешь.

В. К. Іоаннъ Васильевичъ.

Въ десятокъ подниму его на славу.

Марѳа.

Лишь въ сказкѣ дѣется, какъ говорится.
Купцовъ ганзейскихъ созови, что распугалъ.

В. К. Іоаннъ Васильевичъ.

А-а, торговка, жаль купцовъ тебѣ,
Которые тебя обогащали.

Марѳа.

Отъ торга моего и городъ не бѣднѣлъ,
А богатѣлъ.

В. К. Іоаннъ Васильевичъ.

Лишь брякну денежкой,
Съ концовъ земли слетятся торгаши.

Марѳа.

Гражданъ ты именитыхъ собери,
Которыхъ заточилъ по городамъ.

В. К. Іоаннъ Васильевичъ.

Обманщики, бунтовщики, плуты,
Не стоятъ этого. Имъ по-дѣламъ!

Марѳа.

Когда-жъ бываетъ сила виновата!
Но еслибъ ты все это сдѣлать смогъ
Такъ одного Новгороду не можешь дать,
Иванъ Васильевичъ.

В. К. Іоаннъ Васильевичъ.

Чего же?

Марѳа.

Воли.
А безъ нея ему ужъ не подняться.
Онъ будетъ жить, какъ дуба пень зажженный,
Что ни горитъ, не гаснетъ. Вѣдь и я
Живу еще въ тюрьмѣ.

В. К. Іоаннъ Васильевичъ.

Не эта-ль воля
И погубила васъ. Я бъ посмотрѣлъ,
Какъ на моемъ ты мѣстѣ повела бъ.

Марѳа.

Свое ты сдѣлалъ, князь московскій,
А я — свое. Не смѣйся жъ надо мной,
Когда сижу я въ тѣсномъ заточеньи,
Въ послѣдніе мои часы.

(*Марѳа сильно кашляетъ и прижимаетъ къ губамъ конецъ убруса.*

Димитрій Іоанновичъ (*жалостнымъ голосомъ*).

Кровь, кровь
У бѣдной на убрусѣ, посмотри.

Марѳа.

Что? любо? зорокъ глазъ у вороненка!
Чай, радостно, великій князь московскій?..
Накинь на Новгородъ убрусъ ты этотъ:
Богатый саванъ!.. стягъ погибшей воли!

в. к. Іоаннъ Васильевичъ (*ласково*).

Послушай-ка, Борецкая, я дамъ
Тебѣ совсѣмъ свободу. Хочешь ли
Въ другую сторону, въ иное мѣсто?

Марѳа (*махнувъ рукою*).

Въ другую сторону, въ иное мѣсто?
Богъ позаботится и безъ тебя.

в. к. Іоаннъ Васильевичъ.

А я хотѣлъ въ Верхъ Бѣжецкій отправить.

Марѳа (*выпрямляясь*).

Въ Верхъ Бѣжій?.. *Наша* тамъ была земля;
Хоть умереть бы на родной землѣ!

в. к. Іоаннъ Васильевичъ.

Такъ съ Богомъ въ путь. Молись тамъ на всей волѣ,
Строй церкви, нищихъ братьевъ одѣляй;
Казну твою съ тобою отпущу.
Прощай, ужъ не увидимся мы болѣ.

Марѳа.

Мы свидимся на Божіемъ судѣ.

В. к. Іоаннъ Васильевичъ (*отойдя нѣсколько шаговъ по переходу, скидаетъ тафью*).

О, Господи, суди раба Ивана,
А не правителя всея Руси!
И если я подчасъ грѣшилъ неправдой,
Не о своей корысти я радѣлъ,
А объ корысти моего народа.

В. к. Димитрій Іоанновичъ.

Тебѣ должно быть весело, родной,
Когда добро творишь ты человѣку.

В. к. Іоаннъ Васильевичъ (*ничего не отвѣчая, про себя*).

Боюсь я за него, мягонекъ малый.
Василій не таковъ — въ отца и мать.

Занавѣсъ опускается.

ДѢЙСТВІЕ IV.

Картина пятая.

Комната со сводами, окна съ желѣзными ершами расположены высоко. Въ серединѣ большой столъ, на немъ разложена книга съ большою печатью; кругомъ скамейки въ нѣсколько рядовъ, на небольшомъ возвышеніи стулъ; съ правой стороны комнаты родъ бесѣдки съ открытою дверью, въ ней треножникъ, на которомъ горитъ огонь, около нея на пьедесталахъ черная кошка и сова. Во внутренности бесѣдки потаенная дверь, невидимая зрителямъ; съ лѣвой стороны комнаты деревянная лѣстница.

ЯВЛЕНІЕ I.

Алхимикъ и астрологъ Схаріа и в. к. Елена (*онъ занятъ чѣмъ-то въ бесѣдкѣ*).

Великая княгиня Елена (*робко подходитъ къ нему*).

Къ тебѣ, отецъ, я съ задушевной тайной
Пришла. Она лежитъ на сердцѣ тяжко
И не даетъ ни днемъ, ни ночью темной
Покоя, словно змѣй мнѣ грудь сосетъ.

Схаріа.

Повѣдай, дочь моя, какая скорбь
Тебя такъ сильно нынѣ тяготитъ.

Досель была всегда ты весела,
Печалиться не вижу я причины:
Твой сынъ Димитрій только-что на царство
Вѣнецъ пріялъ. Великій князь къ тебѣ
Такъ милостивъ, соперница твоя
И сынъ ея, великій князь Василій,
Въ опалѣ, вороги у ногъ твоихъ.

В. К. Елена.

Все это такъ, какъ ты пророчилъ мнѣ;
Но на меня тоска напала вдругъ;
Бытъ-можетъ, человѣкъ лихой не спросту сдѣлалъ,
А... соберусь лишь я тебѣ повѣдать,
Что въ сердцѣ у меня, горитъ лицо,
И я трясуся словно въ лихоманкѣ.
Боюсь я сильно прогнѣвить тебя.

Схаріа.

Учителемъ, отцомъ названнымъ, другомъ
Тебѣ я былъ всегда, такъ отъ меня
Ты ничего не можешь утаить
Ни по закону нашему, ни клятвѣ.

В. К. Елена.

Ты знаешь, послѣ мужа Іоанна
Осталася я молодой вдовой.

Схаріа.

А сколько лѣтъ тебѣ, краса моя?

В. К. Елена.

Лѣтъ тридцать, съ небольшимъ придаткомъ.

Схаріа.

Кипучая, опасная пора,
Ой, ой! Еще же вдовье дѣло. Далѣ...

В. К. Елена.

Съ недавнихъ поръ не знаю что со мной
Творится, то огнемъ меня палитъ,
Какъ-будто обдали всю кипяткомъ,
То холодомъ меня обхватитъ, словно
Вдругъ въ прорубь опустили Мысли
Мутятся, голова кругомъ идетъ
И не смогу молитвой и крестомъ
Избавиться отъ навожденья злого.

Схаріа (*про себя*).

Забывшися, знать, говоритъ она.

В. К. Елена.

Двѣ ночи сряду видѣла я сонъ,
Сонъ дивный! Разметавшись я спала
И нѣжилась, какъ-будто въ жаркій день
На грудь плескала свѣжая волна.
Потомъ казалось, нѣкій херувимъ
Своими крыльями меня обнялъ.
Вдругъ вижу, вьюноша припалъ ко мнѣ
Устами, началъ цѣловать меня
Такъ горячо, такъ сладко, сильно, словно
Хотѣлъ онъ душу вычерпать мою
Изъ тѣла Тяжело тогда мнѣ стало,
А проситъ все душа еще, еще
Такого-жъ поцѣлуя, пробужаться
И не хотѣла-бъ никогда.

Схаріа.

То змій,
Что соблазнилъ въ раю прабабку Еву.

в. к. Елена.

Нѣтъ, нѣтъ, не змій то былъ, лукавый, страшный,
А вьюноша пригожій. По плечамъ . . . .
Вилися кудри, очи говорили
Мнѣ про любовь. Съ тѣхъ самыхъ поръ хожу
Я словно безъ ума. Скажу тебѣ,
Какъ въ пѣснѣ на Руси у насъ поется:
«Куда бѣжать, тоску дѣвать?
«Пойду въ лѣса тоску губить,
«Пойду къ рѣкѣ тоску топить,
«Пойду я въ лугъ тоску терять —
«Въ густыхъ лѣсахъ она со мной,
«Въ струяхъ рѣки течетъ слезой,
«Въ лугахъ подъ слѣдъ траву сушитъ».

Схаріа.

По нашему — ты влюблена; не духъ же
Къ тебѣ безплотный ночью прилетаетъ,
Навѣрно носитъ образъ человѣка,
Тебѣ знакомаго, признайся мнѣ.
Не то завѣтная мнѣ книга скажетъ.
Она отъ Бога вручена Адаму
И перешла потомъ въ храма Соломона.

в. к. Елена.

Когда ужъ такъ, не утаю, отецъ.
Спаси, спаси меня отъ навожденья.
Пригожо онъ, какъ тебѣ сказала я,
Не сыщется пригожѣе его

Во всей Москвѣ. Онъ братъ мнѣ по тебѣ;
Учиться вмѣстѣ у тебя приходимъ;
Со мной онъ рядомъ здѣсь сидитъ и жметъ
Мнѣ руку и такъ сладко говоритъ
Мнѣ про любовь, никто и никогда
Такихъ словъ не сказалъ.

Схаріа.

И болѣ ничего?

в. к. Елена.

Нѣтъ, ничего.
Съ тѣхъ самыхъ поръ и сынъ не такъ ужъ милъ,
На головѣ его померкъ вѣнецъ.

Схаріа.

Какъ званіе его и имя знать?

в. к. Елена.

Суконникъ онъ, а имя *Золотой*.

Схаріа.

Суконникъ?.. Малый статный, и красавецъ,
И удалой. Недавно *позвалъ въ поле*
Боярскаго сынка и тяжко ранилъ.

в. к. Елена.

Когда подъ Тверь ходила наша рать,
Полка большого воевода Холмскій
Самъ обнималъ его во время битвы.

Схаріа.

Но все-таки суконникъ. Имя это
Языкъ сковало мнѣ.

В. К. Елена.

Ты самъ училъ,
Что люди передъ Богомъ всѣ равны.

Схаріа.

Сказалъ бы я: «люби — самъ Богъ любовь».
Когда бы ты была простого рода,
Хоть бы боярыня. Но ты княгиня,
Еще великая, и мать. Твой сынъ,
Быть-можетъ, царствовать ужъ скоро будетъ.
Всей Руси очи на тебя глядятъ.

В. К. Елена.

Породу, честь и стыдъ, я все забыла.

Схаріа.

Для сына хоть себя побереги,
Для царства, для себя, для насъ.
Что станется, когда узнаетъ князь
Великій, Іоаннъ Васильевичъ?..
Измѣнники быть могутъ между нами,
Шепнутъ — и наша голова слетитъ.
И ты и сынъ твой пропадете.
Смотри, княгиня, берегись скользнуть
Въ ту яму, черную, какъ волка пасть,
Что, безразсудная, себѣ готовишь.
Тогда ты вспомнишь и меня, но поздно, —
Пророческій мой голосъ говоритъ.
Но вотъ сюда приходятъ наши братья.
Къ пріему ихъ кой-что заправить нужно.

(*Входитъ въ бесѣдку и скоро возвращается*).

Схаріа беретъ в. к. Елену за руку, сажаетъ ее возлѣ себя на скамейку и самъ садится на стулъ.

ЯВЛЕНІЕ II.

Тѣ же, нѣсколько бояръ, князей, суконниковъ, отшельниковъ и крестьянъ. (*Всѣ они сходятъ съ мѣстницы и садятся на скамейку, кто какъ попало. Суконникъ Золотой ищетъ мѣста, чтобы сѣсть подлѣ в. к. Елены, но видя, что она перешла на другое подлѣ Схаріа, садится на первое попавшееся ему пустое мѣсто*).

Схаріа.

Въ прошедшій разъ мы съ вами говорили
О Божіемъ величіи, любви,
Премудрости и благости Его;
Какъ проявилъ ихъ Онъ въ своихъ
Созданіяхъ, и въ солнцѣ, что намъ свѣтъ
И теплоту даетъ, и оживляетъ
Растенія, животныхъ, человѣка;
Въ звѣздахъ, которыми щедрою рукой
Усыпалъ Онъ сводъ голубой небесъ,
Въ цвѣткѣ, котораго одежда краше
Одежды царской, въ пчелкѣ, что пьетъ сокъ
Изъ чашечки цвѣтовъ и лѣпитъ воскъ
И медъ готовитъ намъ на услажденье.
А выше всѣхъ твореній, человѣка
Поставилъ господиномъ, надѣливъ
Его и разумомъ, и устнымъ словомъ.
Но есть избранники изъ насъ: печать
Руки державной наложилъ съ любовью
На ихъ чело еще при ихъ рожденьи.
Вотъ, избранникамъ этимъ тайны міра
Раскрылъ, чтобы учить непосвященныхъ
И силу далъ имъ чудеса творить:
Такъ Илія огонь и громы сѣялъ
Съ небесъ высокихъ Моисей смириться

Волковъ самихъ заставилъ, Даніилъ
Львамъ разъяреннымъ челюсти смыкалъ [1]).

ЯВЛЕНІЕ III.

Тѣ же и Курицынъ (*послѣдній беретъ за руку Схаріа и отводитъ его въ сторону, чтобы никто изъ присутствующихъ не слыхалъ ихъ разговора*).

Схаріа.

Въ смущеньи ты, худыя вѣрно вѣсти?

Курицынъ.

Недобрыя принесъ тебѣ я нынѣ.
Работаетъ великая княгиня
Ѳоминишна всей силою ума
И хитрости противъ тебя, Зосима,
Меня и всѣхъ учениковъ твоихъ.
Василій выпущенъ ужъ изъ тюрьмы,
Великій князь скучаетъ и сердитъ,
Торжественно изъ Твери воротясь;
Алена Волошанка изъ ума
Какъ-будто выжила и свекра
Совсѣмъ забросила и сына
На волю глупыхъ мамокъ отдала.
Лишь пѣсенки у ней да хороводы.
Все это намъ недоброе сулитъ.

Схаріа.

О ве! о ве! Когда-бъ ты зналъ еще,
Что вздумала въ суконника влюбиться

---

[1]) Исторія государ. рос., томъ VI, изд. 1819 г., стр. 194.

И на яву и въ грезахъ полуночныхъ
Его лишь видитъ одного.

Курицынъ.

Напасти
Лишь этой намъ еще не доставало.

Схаріа.

Пугнулъ-таки порядкомъ волошанку,
И новый страхъ, увидишь, ей готовлю.

Курицынъ.

За голову твою тебѣ ручаюсь.
Великому я князю сильно нуженъ.
Попрежнему онъ жалуетъ меня
И объ тебѣ не помнитъ лихомъ.
Но я боюсь, что княгиня Софья
Надъ тѣмъ верхъ не взяла, кто выше
Себя не почитаетъ никого.
Ума и хитрости опасны чары.
Навѣты Гусева и пуще всѣхъ
Іосифа волоцкаго къ ней въ помощь
Приходятъ Если же тебя гроза
Накроетъ, утекай, постелемъ путь
Тебѣ на полдень и добромъ проводимъ.

(*Схарія жметъ ему руку, оба садятся на мѣста свои*).

Схаріа (*обращаясь къ братьямъ*).

Я обѣщалъ сестрѣ любимой нашей,
Вотъ что сидитъ возлѣ меня, ей мужа
Умершаго, младаго Іоанна
Изъ гроба вызвать.

В. К. Елена.

Пощади, отецъ.

(*Схаріа идетъ къ бесѣдкѣ и возвращается оттуда въ одеждѣ мага съ жезломъ въ рукѣ. Сова махаетъ крыльями и пронзительно кричитъ, Схаріа чертитъ на стѣнѣ фосфоромъ, на ней блистаетъ молнія, гремитъ громъ. На треножникѣ горитъ синее пламя, отчего всѣ въ испугѣ, великая княгиня закрываетъ руками глаза*).

Одна изъ боярынь (*сосѣдкѣ*).

Мнѣ страшно, матка.

Другая.

Я дрожу какъ листъ.

Схаріа (*чертя въ воздухѣ жезломъ*).

Мнѣ данной свыше силой неземной
Тебя, великій князь, Иванъ младой,
Изъ гроба призываю въ міръ живой.
Саторъ, Арепо, Тенетъ, Опера,
Ротасъ, мнѣ помоги... явись, явись!

(*Изъ бесѣдки выступаетъ медленными шагами мертвенно-блѣдное привидѣніе съ усиками и бородкой, въ саванѣ*).

Курицынъ.

Онъ, онъ, великій князь Иванъ младой!

Одна изъ боярынь.

Онъ, вылитый Не разъ его видала
Красавца батюшку.

Привидѣніе.

Вдова моя,
Великая княгиня! Прахъ ты мой
Встревожила постыдными дѣлами.
Забыла ты меня, забыла сына
И предалася сатанѣ въ плоти
И образѣ красавца молодого.
А если ты на правый путь не взыдешь,
Такъ на тебѣ мое проклятье вѣчно;
Спадетъ вѣнецъ съ главы безвинной сына,
И ожидаетъ васъ тюрьма и цѣпи.

(*В. к. Елена вскрикиваетъ и падаетъ, ее поддерживаютъ окружающіе*).

Одинъ изъ бояръ.

Ужъ подлинно кудесникъ Схаріа!

Другой.

Кто-бъ могъ изъ насъ подумать про княгиню?

Третій.

Грѣхъ молвить, а была того... маленько...

Одинъ изъ бояръ.

Замѣтилъ, братъ, и я, да не пригоже
Ее порочить было. Думалъ — молода,
Играетъ кровь, остепенится скоро.

Второй.

Умру, такъ женочка по ней пойдетъ.

Одинъ изъ бояръ.

Не вмочь пришлось, глотокъ бы воздуха.
(*Опираясь на руку молодого человѣка, уходитъ*).

Схаріа.

Онъ лицемѣръ, пойдетъ еще шептать, пожалуй.

Голоса.

Такъ огласить. Такъ огласить по міру.

Схаріа.

Пѣтухъ намъ прокричалъ второй ужъ разъ;
Пора урочная намъ разставаться.
Напомню, дщери, вамъ и вамъ, сыны:
Что дѣлается здѣсь и говорится
Должны вы въ сердцѣ вашемъ схоронить,
Храните клятву пуще глазъ своихъ
И за нее терпите истязанья,
Коль Богу ихъ на насъ послать угодно.
Страдальцевъ не оставитъ Саваоѳъ
И въ лучшемъ мірѣ вамъ вѣнецъ готовитъ

Голосъ.

Не измѣнимъ, пусть жгутъ насъ и пилятъ.

Другой голосъ.

Не измѣнимъ, пусть на дыбы поднимутъ

Схаріа.

На разставанье пѣснь споемъ мы Богу
Хвалебную, которой васъ училъ.

Хоръ.

Слава всемогущему Богу,
Видимаго и невидимаго міра Создателю,
Благъ земныхъ и небесныхъ Подателю.
Славимъ мы Его словомъ и духомъ;
Славитъ въ пѣсняхъ соловушко,
Пчелка въ жужжаніи скорбномъ,
Травка и дубъ величавый,
Небо, огнями усыпанное,
Человѣкъ въ дѣяньяхъ своихъ.

ЯВЛЕНІЕ IV.

Тѣ же, Мамонъ и стража. (*Они спускаются съ лѣстницы. Всѣ въ испугѣ.*)

Одна изъ боярынь.

Ахти! пропали мы.

Другая.

Помилуй Богъ!

Мамонъ.

По строгому приказу Государя
Его вамъ волю объявляю. Слушать!..
Князь Ряпловскій, князь Патрикѣевъ,
Васъ, съ сыновьями вашими, отправятъ
Подъ стражу по монастырямъ на сѣверъ,
Другимъ объявятъ наказанье завтра.
Которыхъ бабъ я здѣсь найду,
Въ свои дома открытъ имъ чистый путь.

Жида анти... алфимика и востролога,
Лишь солнышко поднимется съ земли,
Справадятъ за городъ, съ его слугами,
Куда глаза глядятъ, но съ тѣмъ условьемъ,
Чтобъ на землю русскую не смѣлъ слѣда
Впредь класть.

Курицынъ.

А обо мнѣ какое приказанье?

Мамонъ (*тихо*).

Лишь заикнулся было Гусевъ слово
Промолвить о тебѣ, пугнулъ его
Иванъ Васильевичъ, да такъ пугнулъ
Владычнымъ голосомъ, что Гусевъ
Свой язычокъ порядкомъ прикусилъ.

(*Отмѣчаетъ рукою, кого отвесть подъ стражу, кого отпустить*).

Вотъ этихъ въ черную избу, а бабъ
Поскудныхъ хоть по шеѣ вонъ отсюда.

(*Обращаясь къ в. к. Еленѣ.*)

И ты, княгиня, въ сонмѣ нечестивыхъ?..
Что господину нашему скажу
Я про тебя, схъ, охъ!

в. к. Елена.

Скажи, что хочешь.

Суконникъ Золотой (*в. к. Еленѣ тихо*).

Постигнетъ ли тебя напасть — вели,
И за тебя я голову сложу.

в. к. Елена (*тихо*).

Прочь, прочь, злодѣй, ты погубилъ меня!

(*Уходитъ*).

Занавѣсъ опускается.

ДѢЙСТВІЕ V.

Картина шестая.

Теремъ великой княгини Софьи.

ЯВЛЕНІЕ I.

Великая княгиня Софья и Гусевъ.

Гусевъ.

Съ вѣстями добрыми пришелъ, княгиня.

В. К. Софья.

Отвыкла я отъ нихъ.

Гусевъ.

Эхъ! не грѣши.
Не радуетъ развѣ тебя, что сына
Великій князь освободилъ изъ плѣна
Тюремнаго, что цѣпи снялъ съ него?
Одно могу сказать: пошла ты въ гору,
Остерегись же поскользнуться.

В. К. Софья.

Пока Димитрья съ головы не спалъ
Вѣнецъ, украденный у сына, душу
Разбитую ничѣмъ не исцѣлю.
Еще Алена Волошанка торжествуетъ.

Гусевъ.

Надѣйся, скоро — празднику ея
Конецъ. Она сама къ тому ведетъ.
Съ тѣхъ поръ, какъ внука твоего вѣнчали
На царство, думала-ль она вѣнецъ
Тотъ закрѣпить на головѣ его?
Уроками какими и какимъ внушеньемъ
Его готовитъ къ управленью царствомъ?

В. К. Софья.

Все такъ, но дѣло сдѣлано, и кто-жъ
Вѣнецъ тотъ скинетъ съ головы Димитрья?

Гусевъ.

Мать.

В. К. Софья.

Мать!.. Не понимаю я, какъ сына,
Рожденья своего, лишитъ она,
И добровольно, счастья. Не забудь
Чего ей стоило добыть его —
Коварства, лжи и низкой клеветы.
Не можетъ быть!

Гусевъ.

Она-таки сама —
И тотъ, кто надѣвалъ вѣнецъ въ часъ гнѣва

Несправедливаго, въ часъ роковой,
Съ вѣстями добрыми пришелъ къ тебѣ.
Я говорилъ, это не слова
Одни, а дѣло.

В. К. Софья.

Задалъ мнѣ загадку,
Такъ самъ и разгадай — я не смогу.

Гусевъ.

Ушами слушай, сердцемъ, помышленьемъ.
Вчера узналъ я отъ своихъ ищейныхъ,
Что въ будущую ночь должна собраться
У Схаріа жида въ его домишкѣ
Вся братія, что ереси его поганой
Посвящена; и въ томъ числѣ бояре,
Князь Ряполовскій, Патрикѣевъ...

В. К. Софья.

Все недруги мои.

Гусевъ.

И не любить
Тебя имъ есть за что. Ты завела
Порядокъ небывалый при дворѣ
И спесь бояръ куда крутенько сбила
Своей владычной ручкой. Было время,
Въ хмелю предъ очи царскія являлись;
Послы отъ Руси при дворахъ чужихъ
Въ хмелю косноязычно говорили
И насъ позорили своимъ безчинствомъ.

В. К. Софья.

Да, Ряполовскій при цесарскомъ дворѣ
Порядочно насъ русскихъ пристыдилъ.

Гусевъ.

А воеводъ *кормленіе,* казны
Грабежъ, неправый судъ, на все
Великаго ты князя навела.

в к Софья.

Забылъ однакожъ ты, что къ этой рѣчи
Свело тебя.

Гусевъ.

Да, я не все сказалъ.
У Схарія сбираются бояре,
Суконники, попы и жены ихъ.
А въ этомъ сонмищѣ что-де творится,
Такъ дыбомъ волосы встаютъ отъ словъ
Однихъ Сперва отецъ, какъ называютъ
Жидка, имъ чтетъ поганое ученье,
А тамъ ужъ пѣніе, бѣсовски пляски,
И подъ конецъ.. претитъ мнѣ стыдъ сказать.
И вотъ, въ пиру богопротивномъ этомъ
Великая княгиня засѣдаетъ.

в. к. Софья.

Сама великая княгиня, мать
Димитрія, невѣстка наша?.. Боже!..

Гусевъ.

Еще конецъ хазовый впереди.
Твоя невѣстка, мать Димитрія,
Въ суконника влюбилася Урокъ же
Ей задалъ грозный самъ учитель Схаріа:
Изъ гроба молодаго Іоанна

Призвалъ, и тотъ пугнулъ ее порядкомъ,
Такъ, что родимецъ съ нею приключился.

В. К. Софья (*иронически*).

Бѣдняжка!.. Можетъ ли однакожъ статься,
Чтобы изъ гроба мертваго призвалъ?

Гусевъ.

Онъ чародѣй и чернокнижникъ, диво-ль,
Что мертвецовъ изъ гроба вызываетъ!
А, можетъ, православный людъ морочитъ:
Слугу одѣнетъ въ саванъ, такъ Іосифъ
Пойдетъ и за Ивана самого.
У страха велики глаза. Лишь саванъ
Накинутъ былъ бы на плечахъ

В. К. Софья.

Слуга мой вѣрный ничего таки
Ивану Васильевичу..

Гусевъ.

Не говорилъ?
Нѣтъ, не для того послалъ намъ Богъ
Сокровище такое, чтобъ сберечь въ груди;
Я уголья разжегъ, хотя-бъ пришлось
Мнѣ самому обжечься. Въ ту же полночь,
Какъ вѣрный человѣкъ, далъ знать объ этомъ,
Махнулъ къ царю и сонъ его нарушилъ.
Онъ самъ мнѣ въ важныхъ случаяхъ велѣлъ
Его будить.

В. К. Софья.

Чтожъ онъ?.. скажи скорѣй.

Гусевъ.

Царь гнѣвомъ воспылалъ такимъ, въ какомъ
Его я никогда не видѣлъ. Кстати
Волоцкій Іосифъ написалъ ему
Посланье, грозное вельми, противъ
Еретиковъ. Потребовалъ къ себѣ
Царь тотчасъ Мамона и приказалъ
Ему на сборище ночное грянуть
И захватить всѣхъ недруговъ твоихъ.

В. К. Софья.

А съ *той?*

Гусевъ.

Судьба ея рѣшится нынѣ.
Потомъ царь о тебѣ сталъ говорить,
Да грустно такъ, что сердце у меня
Заныло, словно умирать собрался
«Вотъ люба мой», сказалъ онъ мнѣ —
А слезы на глазахъ его дрожали —
«Семейка областей и городовъ
«Растетъ вокругъ меня, а я одинъ,
«Какъ перстъ; въ семьѣ своей родной, не слышу
«Ни слова милой ласки, ни утѣхи.
«Бѣжитъ меня невѣстка, сынъ ея
«Мальчишка добрый, да куда недальній.
«Ни думъ моихъ, ни словъ не понимаетъ.
«А было время, близъ меня жена и другъ,
«Помощница, совѣтница, все, все,
«Чего недостаетъ мнѣ въ тѣ года,
«Когда и ласка и совѣтъ такъ нужны,
«Въ груди моей, въ глазахъ она читала.»

В. К. Софья.

Такъ и сказалъ онъ?

Гусевъ.

Слово въ слово такъ.

В. К. Софья.

О, Господи, зачѣмъ къ ногамъ его
Меня не допустилъ въ тотъ часъ!..
Я облила-бъ ихъ жгучими слезами.

Гусевъ.

Потомъ онъ сына вспомнилъ.

В. К. Софья.

Чтожъ сказалъ?

Гусевъ.

«А сынъ, Василій — тѣшила меня
Надежда на него — отваженъ, гордъ,
Писаніе святое знаетъ твердо,
Разуменъ, не чета ребенку Дмитрію.»
Чтожъ, я сказалъ, ошибку сдѣлалъ ты,
Поправить можно, все въ твоей же власти.
Отвѣтъ ты Богу дашь передъ народомъ,
Что недостойному вручилъ державу,
Которому не смочь десницей слабой
Ее сдержать. Царь встрѣчу любитъ
Своимъ рѣчамъ, какъ знаешь ты сама;
И вотъ онъ поддался. . Пришелъ тебѣ
Я повѣстить, что нынѣ-жъ, можетъ-быть,
Сейчасъ, онъ собирается къ тебѣ, княгиня.

В. К. Софья.

А я и не одѣлася, какъ должно,

Чтобы его принять. (*Охорашивается*).
Ко мнѣ?.. сегодня?..
О, Господи! благодарю Тебя.
Отъ счастія не умереть бы мнѣ!
Спасибо и тебѣ, слуга мой вѣрный;
По гробъ твоей я не забуду службы,
Зайди къ Василію, да накажи
На случай, еслибъ царь позвалъ его,
Чтобъ духъ смирилъ строптивый для меня,
Для счастья своего и для народа.

(*Гусевъ уходитъ*).

В. К. Софья (*про себя*).

Теперь въ рукахъ моихъ ты, Волошанка!
Какую пѣсенку споешь намъ нынче,
Послушаемъ. Не спалъ ли голосокъ!

ЯВЛЕНІЕ II.

Входитъ великій князь Іоаннъ Васильевичъ. Великая княгиня Софья *при появленіи его бросается къ нему навстрѣчу, становится на одно колѣно и хочетъ поцѣловать у него руку.*

Великій князь Іоаннъ Васильевичъ (*обнимая ее*).

Нѣтъ, къ сердцу, Софьюшка, моя голубка.
Мнѣ у тебя прощенія просить —
За то, что оскорбилъ тебя безвинно,
Что въ гнѣвѣ недруговъ твоихъ послушалъ.
Порядкомъ же и я имъ отплатилъ.

В. К. Софья.

Лишь очи ясныя твои блеснули,

Забыто все. И солнышко, смотри,
Играетъ ярче; такъ въ моемъ и сердцѣ.
Кругомъ меня, мнѣ слышится теперь,
Какъ-будто пѣсни брачныя поютъ.

В. К. Іоаннъ Васильевичъ.

Попрежнему, разумница моя,
И ты мнѣ рѣчи сладкія поешь.

(*Осматривается*).

А у тебя во терему, какъ было,
Когда въ послѣдній видѣлся съ тобой,
Такъ и теперь. Вотъ у кровати
Твоей и трость моя. Забылъ тогда:
Примѣта вѣрная, что ворочусь;
Такъ видишь, люба, воротился нынѣ.
А чтобъ не разлучали болѣ насъ,
Велѣлъ я недруговъ твоихъ сослать
Туда, гдѣ цѣлый годъ зима бываетъ.
Теперь попрежнему мы заживемъ.
Сюда я Мамона съ докладомъ жду;
Да вотъ и самъ онъ, на поминѣ легокъ.

ЯВЛЕНІЕ III.

Тѣ же и Мамонъ (*низко кланяясь великимъ князю и княгинѣ*).

Мамонъ (*обращаясь къ первому*).

По твоему приказу, господине,
Князей, бояръ и многихъ (имя рекъ)
Въ монастыри далекіе отправилъ
И Схаріа жида прогналъ за городъ,
Чтобъ духа никогда его не пахло

Нечистаго въ Москвѣ; а прочихъ
Казнить прикажешь?

В. К. Іоаннъ Васильевичъ.

Казнью не сотрешь
Ты ересь, только расплодишь глупцовъ;
А чтобы дурь изъ головы ихъ выбить,
Хочу лишь наказать однимъ *стыдомъ*
Вели ты посадить ихъ на коней
Лицомъ къ хвосту, одеждой на изнанку.

В. К. Софья.

Чтобъ имъ на голову смѣшнѣй набросить?

В. К. Іоаннъ Васильевичъ (*приставивъ палецъ ко лбу*).

Такъ шлемы берестовы, съ острымъ верхомъ
Надѣть, какъ бѣсы пишутся у насъ,
Съ мочальными кистями, не забудь

В. К. Софья.

Вѣнецъ бы имъ соломенный накинуть.

В. К. Іоаннъ Васильевичъ.

Добрѣ ты вздумала, ярлыкъ пришить
На шлемъ. Чтожъ мы на немъ надпишемъ?

В. К. Софья.

«*Се сатанино воинство*». Прибавь
Еще что-нибудь.

В. К. Іоаннъ Васильевичъ.

«*Враги Христовы*».

В. К. Софья.

Суконника бы Золотого надо
Какимъ бы знакомъ отличить.

В. К. Іоаннъ Васильевичъ.

Да развѣ
Къ спинѣ придѣлать горбъ и надписать:
«*Прилука женская*».

В. К. Софья.

Тутъ не одна
Красотка, глядя на него, заплачетъ.

В. К. Іоаннъ Васильевичъ.

Поплачутъ пусть, другіе посмѣются.

Мамонъ.

Не вынесетъ суконникъ Золотой
Позора, петлю на себя накинетъ
Или утопится въ рѣкѣ.

В. К. Іоаннъ Васильевичъ (*Мамону*).

Такъ чорту
Баранъ. По улицамъ провесть, чтобъ бѣгалъ
Народъ за ними. Будетъ же потѣха! (*Хохочетъ*).
(*Немного погодя задумывается*).
Теперь же... главное было забылъ,
Ты призови сюда Алену съ сыномъ.
(*Мамонъ уходитъ и скоро возвращается*).

ЯВЛЕНІЕ IV.

Великій князь Іоаннъ Васильевичъ, великія княгини Софія и Елена, великій князь Дмитрій Іоанновичъ и Мамонъ.

(*Мать и сынъ бросаются въ ноги в. к. Іоанна Васильевича*).

в. к. Іоаннъ Васильевичъ.

Поклонами земными не умолишь
Своей вины богопротивной — встаньте.
Безстыдница, чего достойна ты?
Когда-бъ тебя судили по уставу
Церковному, живую-бъ въ землю врыли
И твой нечистый трупъ безъ погребенья,
Какое христіанамъ подобаетъ,
По косточкамъ бы волки разнесли
На всѣ четыре вѣтра. Говорить
Не буду, что тебя ждетъ на судѣ
Господнемъ. Будь Его святая воля!
Но я глава семейства и отецъ Ивана́,
Любимаго мной дѣтища, и мужа,
Избраннаго тобой — и наконецъ я царь —
И долженъ быть твоимъ судьей земнымъ.

в. к. Елена.

Я въ терему *самой* княгини Софьи,
Меня здѣсь судятъ, мудрено-ль, что я
Заранѣе тобой осуждена.
Твой грозный взглядъ, коварная усмѣшка
Моей злодѣйки, все здѣсь говоритъ,
Что мнѣ ужъ милостей не ожидать.

в. к. Іоаннъ Васильевичъ.

Не трожъ моей княгини, безъ того
Довольно ты ее оклеветала.
А отвѣчай мнѣ на мои вопросы:
Зачѣмъ въ ересь Схаріа пошла,
Отступника отъ Бога самого?

в. к. Елена.

На Схаріа клевещутъ злые люди.
Не ересь это — мудрая наука,
И не отступникъ онъ отъ Бога — ложь!..
А дѣлъ Его великій толкователь;
Свѣтилъ небесныхъ по путямъ насъ водитъ,
По нимъ судьбу и царствъ и человѣка
Пророчитъ, по созданіямъ Творца
Любить и почитать насъ научаетъ.

в. к. Іоаннъ Васильевичъ.

Пусть такъ. Зачѣмъ же сборища ночныя
Въ глуши, подъ сводами, чтобъ не видалъ
И не слыхалъ никто, что тамъ творится?
На площади, въ народѣ-бъ говорилъ.

в. к. Елена.

Народъ?.. еще у насъ онъ неразуменъ больно:
Его каменьями бы закидалъ.

в. к. Іоаннъ Васильевичъ.

Зачѣмъ, когда онъ о святынѣ Бога,
О чудесахъ Его великихъ говоритъ,
Безчинства разныя у васъ творятся?

В. К. Елена.

Я не видала ихъ.

В. К. Іоаннъ Васильевичъ.

Зачѣмъ тебя
Не научилъ великій вашъ учитель
Хранить женскій стыдъ и чистоту
Души, смиренье и у тѣхъ, кого
Обидѣли, прощеніе просить?
Когда все такъ, какъ говоришь ты мнѣ,
Княгинѣ поклонись ты въ землю и проси,
Чтобы она тебя великодушно...

В. К. Елена.

Простила бы великая душа?..
У Бога, у тебя я попрошу,
А не унижусь передъ ней, хотя-бъ
Казнить велѣлъ.

В. К. Іоаннъ Васильевичъ.

Для сына своего.

В. К. Елена.

Ни для кого. Сказала ужъ тебѣ,
Что лишь вошла сюда, я угадала,
Что надо мной судъ конченъ до меня.
Знать, приворотный корень бабы
Лихой *свое* ужъ сдѣлалъ надъ тобою.

В. К. Іоаннъ Васильевичъ.

Ты слышалъ, Мамонъ?

Мамонъ.

Слышалъ, государь.

(*Великій князь Іоаннъ Васильевичъ внѣ себя бѣжитъ къ кровати, схватываетъ трость и замахивается на великую княгиню Елену, великій князь Димитрій Іоанновичъ становится между нимъ и матерью, вырываетъ трость изъ рукъ дѣда и бросаетъ ее въ сторону*).

Не дамъ, злой дѣдушка, бить мать мою.

в. к. Іоаннъ Васильевичъ.

Ты видѣлъ, Мамонъ?

Мамонъ.

Видѣлъ, государь.

в. к. Іоаннъ Васильевичъ.

Щенокъ!.. скручу — ты не Василій.
(*Мамону*).
Обоихъ заключить подъ стражу?..

в. к. Софья (*притворнымъ голосомъ участія*).
Въ теремъ,
Вѣдь такъ?..

в. к. Іоаннъ Васильевичъ.

Пусть въ теремъ ихъ теперь, а тамъ увидимъ.
(*Мамонъ отводитъ великую княгиню Елену и сына ея*).

А чтобъ размирья нашего слѣдовъ
Не оставалося, позвать Василія.

в. к. Софья (*отворяя боковую дверь*).

Василія скорѣе позовите.

ЯВЛЕНІЕ V.

Тѣ же и великій князь Василій Іоанновичъ.

в. к. Василій Іоанновичъ (*припавъ къ ногамъ отца*).

Прости, отецъ! Въ писаніи святомъ
Читалъ ли ты о блудномъ сынѣ притчу?
Покинувъ отчій домъ, скитался онъ
Въ чужбинѣ дальней годы, наконецъ,
Покрытый струпьями души и плоти,
Въ одномъ лишь ветхомъ рубищѣ на плечахъ,
Подъ кровъ родительскій онъ возвратился.
Въ ногахъ отца съ слезами покаянья
Онъ у него прощенія просилъ.
И тотъ не только-что простилъ его,
Но въ радости своей созвалъ друзей
На пиръ торжественный. Такъ я теперь,
Твой блудный сынъ, у ногъ твоихъ,
Пришелъ просить прощенья.

в. к. Іоаннъ Васильевичъ (*обнимая сына*).

Обними
Меня. Въ писаньи какъ святомъ отецъ,
Забывши прошлое, я уготовлю
Тебѣ на всю Москву такой же пиръ.
Теперь ко мнѣ прошу обоихъ васъ:
Хочу я праздновать семейный праздникъ.

(*Встаетъ, за нимъ великая княгиня Софья и сынъ*).

в. к. Іоаннъ Васильевичъ (*обнявъ одною рукою княгиню и поддерживаемый подъ другую сыномъ, при видѣ на полу лежащей трости*).

Мнѣ нынѣ посоха не нужно болѣ.
Опора у меня жена и сынъ.

ЯВЛЕНІЕ VI.

Картина седьмая.

Теремъ великой княгини Елены; одно окно открыто.

Великая княгиня Елена и великій князь Димитрій Іоанновичъ.

в. к. Елена.

О, Господи! что сдѣлалъ безразсудный!
Дитя мое, ты погубилъ себя.

в. к. Димитрій.

Онъ бить тебя хотѣлъ, не могъ стерпѣть.
Откуда сила у меня взялась!
Мнѣ кажется, въ то время я въ глаза
Его вцѣпился бы. Злой дѣдъ!.. Вѣнецъ
Зачѣмъ онъ на меня надѣлъ? Вѣнца
Я не просилъ. Тяжелъ онъ для меня.

в. к. Елена.

Вѣдь не сейчасъ сталъ править государствомъ!

в. к. Димитрій.

Мнѣ было бъ весело и безъ него.

На свѣтѣ. Молодецка воля, конь
Татарскій... какъ вихорь бы леталъ
Тогда съ меньшими братьями Василья
По темнымъ рощамъ, по лугамъ шелковымъ.
А тамъ изюмъ, да пастила медова,
Да лучше всѣхъ сластей твои мнѣ ласки.
Я объ вѣнцѣ и не подумалъ бы.
Ктому-жъ Василію и по закону
Принадлежитъ. Объ этомъ часто, долго
Я размышлялъ. Такъ пусть владѣетъ имъ,
Онъ и умнѣй меня, и старше много.

В. К. Елена.

Любовь моя къ почету погубила насъ:
Хотѣла первой на Руси я быть,
Всегда величья, власти домогалась
И не могла съ собою совладать.
Терзалъ мнѣ душу гордый взглядъ гречанки
И всѣ ея уловки, чтобъ меня,
Гдѣ бъ ни было, собою заслонить,
И самоцвѣты, что горятъ на кикѣ
И нити жемчуга крупнѣй моихъ,
Потомъ... потомъ.. Богъ судитъ пусть меня!

ЯВЛЕНІЕ VII.

Тѣ же и Курицынъ.

Курицынъ.

Не стану о быломъ я говорить:
Что сдѣлано, того ужъ не воротишь.
Пришелъ тебѣ совѣтъ я добрый дать,
Княгиня. Покорись судьбѣ своей
И волѣ грознаго владыки Руси.

В. К. Елена.

Чтожъ сдѣлать я должна?

Курицынъ.

Все тожъ, чего
Хотѣлъ Иванъ Васильевичъ — просить
Прощенія у ногъ самой княгини.
Она вѣдь старшая въ семьѣ. За это
Великій князь свободу вамъ даруетъ.

В. К. Елена.

У ногъ ея!.. Димитрій, что ты скажешь!..

В. К. Димитрій (*гнѣвно и гордо*).

Не быть тому!.. Не покоряйся, мать!

В. К. Елена.

А, вижу, кровь Елены Волошанки
Въ тебѣ, мой сынъ, заговорила нынѣ!

Курицынъ (*про себя*).

(Кто бъ ожидалъ отъ этого птенца!
Любовь лишь чудеса творитъ такія).
Чтожъ мнѣ сказать царю?

В. К. Елена.

Что слышалъ ты.

Курицынъ (*в. к. Димитрію*).

Ты вынулъ жребій роковой для васъ обоихъ.

В. К. Димитрій.

Вѣнецъ Василію пусть отдаютъ.
Клянусь ему служить и вѣрою
И правдой.

Курицынъ.

Опоздалъ. Въ часъ этотъ скорбный
Василія вѣнчаютъ въ храмѣ
На царство...

В. К. Елена.

Поспѣшили же, злодѣи!
Но не уйдутъ отъ Божьяго суда:
Настигнетъ ихъ Господень грозный гнѣвъ!
Не въ дѣтяхъ если, такъ во внукахъ ихъ.
И сбудется пророчество мое...

Курицынъ.

Прощай, княгиня, свидѣться-ль когда
Придется намъ! Прощай, несчастный князь!
(*Обнимаетъ его*).
Царя небеснаго молить я буду,
Чтобы дни лучшіе вамъ даровалъ.
(*Закрывъ глаза рукою, уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Великая княгиня Елена и Димитрій (*слышны изъ окна возгласы народа*).

«Да здравствуетъ великій князь Иванъ Васильевичъ, да здравствуетъ великій князь Василій Ивановичъ!»

В. К. Елена.

Народъ?.. Василья чествуетъ онъ нынѣ,
Давно-ль кричалъ: да здравствуетъ Димитрій!

(*Входитъ Мамонъ со стражей изъ трехъ дьтей боярскихъ*).

ЯВЛЕНІЕ IX.

Тѣ же, Мамонъ и стража.

Мамонъ.

Велѣлъ мнѣ государь васъ разлучить.
Ты можешь оставаться здѣсь, княгиня,
Подъ стражей.

В. К. Елена.

А его?

Мамонъ.

Димитрія
Я долженъ въ *черную избу* вести.

В. К. Елена.

Нѣтъ, вы не разлучите насъ, туда
Ведите и меня.

Мамонъ.

Царя приказа
Я не могу ослушаться. Сбирайся,
Князь Димитрій, съ матерью простися.

В. К. Елена (*падаетъ на колѣни*).

Такъ сжалься надо мной, пусти къ царю;

Я умолю его, чтобы позволилъ
Мнѣ съ сыномъ жить въ одной тюрьмѣ.
Прочь спесь теперь! княгинѣ Софьи упаду
Къ ногамъ, какъ падаю передъ тобою.

Мамонъ.

Сказалъ тебѣ, княгиня, не могу.
Ты пожалѣй хоть голову мою.

в. к. Елена (*бросается къ сыну и крѣпко обнимаетъ его*).

Сокровище мое, мой ненаглядный,
Прощай, я не переживу разлуки.
Дай насмотрѣться на тебя въ послѣдній,
Дай въ очи и уста расцѣловать.

Мамонъ (*стражѣ*).

Довольно, разведите ихъ.
(*Стража силится ихъ разлучить*).

в. к. Елена.

Еще,
Еще одинъ хоть разъ.
Обнимаетъ сына и обмираетъ на груди его).

Мамонъ.

Чтожъ вы, зѣваки!
(*Стража разнимаетъ ихъ и уводитъ Димитрія, великая княгиня простираетъ въ слѣдъ ему дрожащія руки, шатается и падаетъ*).

Занавѣсъ опускается.

ЭПИЛОГЪ.

Нѣсколько лѣтъ спустя.

Черная изба.

ЯВЛЕНІЕ I.

Приставъ Небогатый и великій князь Димитрій (*Великій князь съ бородкой, истощенный, съ цѣпями на рукахъ, на войлочкѣ, положивъ голову на подушку. Приставъ сидитъ противъ него на скамейкѣ*).

Небогатый.

Надъ головой безвиннаго страдальца
Ужъ сколько пронеслось тяжелыхъ лѣтъ,
Какъ онъ въ цѣпяхъ и крѣпкомъ заключеньи
Томится здѣсь. Мѣнялись поколѣнья,
Какъ листья на деревьяхъ: молодые
Весною идутъ, а къ осени слетаютъ.
Не долго пожила въ разлукѣ съ нимъ
II мать его; за нею отошла
Сама великая княгиня Софья.
Миръ имъ хоть тамъ, въ селеніяхъ небесныхъ!
Вотъ и Василій крѣпко возмужалъ;
Иванъ Васильевичъ на одрѣ лежитъ давно

И врядъ поднимется, какъ говорятъ.
А объ Димитріѣ забыли всѣ.

(*Немного погодя*).

Какъ былъ пригожъ, цвѣлъ словно маковъ цвѣтъ,
Теперь глядитъ не краше мертвеца.
Былинку такъ сухую вѣтеръ клонитъ
Къ землѣ, а сокрушить еще не можетъ.

(*Немного погодя*).

Вотъ посѣдѣлъ и я, какъ бѣлый лунь.
Десятки долгихъ лѣтъ служу я здѣсь:
Служенье тяжкое! но не ропщу.
Благодарю Тебя, Господь! Прошла
Передо мной несчастныхъ вереница,
И сердце у меня не очерствѣло:
Еще осталось слово, чтобъ утѣшить ихъ,
Слеза — чтобы поплакать вмѣстѣ съ ними.

В. к. Димитрій Іоанновичъ (*во снѣ*).

Впередъ за мною, братцы — молодцы,
Колите, не жалѣйте басурмановъ

Небогатый.

Во снѣ бѣдняга бредитъ... ужъ не разъ,
Замѣтилъ я, все въ битву рать онъ водитъ.
Кто знаетъ, можетъ-быть, полка большого
Онъ слылъ бы знаменитымъ воеводой.

В. к. Димитрій Іоанновичъ (*дѣлаетъ усиліе разорвать цѣпи, отъ звука ихъ просыпается и потомъ, осмотрѣвшись кругомъ грустно*).

Ахъ! дядюшка, мнѣ видѣлись татары,
Стучали бердыши, свистѣли стрѣлы...

Небогатый.

То грезы сонныя. Перекрестись,
Мой милый, успокой крови тревогу.

(*Задыхаясь вбѣгаетъ Курицынъ*).

ЯВЛЕНІЕ II.

Тѣ же и Курицынъ.

Курицынъ.

Иванъ Васильичъ при часахъ послѣднихъ...
Зоветъ тебя къ себѣ. Свобода, милость!..
Голубчикъ, поспѣшай.. Не терпитъ время.

(*В. к. Димитрій Іоанновичъ сначала испуганъ, потомъ въ недоумѣніи, Небогатый спѣшитъ снять съ него цѣпи.*)

В. к. Димитрій Іоанновичъ (*придя въ себя*).

Свобода?.. Вотъ она!.. Что ждетъ меня?..
Неужели вѣнецъ?.. нѣтъ, не хочу.
Легко такъ дышется, рукамъ раздолье,
Какъ-будто гири сбросили съ меня.
О, мать моя! подъ плитой гробовой
Меня ты не увидишь на свободѣ,
Ужъ не благословишь, моя родная!..

(*Небогатому*).

Вѣдь, дядюшка, ты со мной, не правда-ль!

Небогатый (*второпяхъ*).

Съ тобой, съ тобой. Что мнѣ бы на него..
Въ такомъ худомъ армяшкѣ непристойно.

Да, вспомнилъ, сохранилъ его одежду,
Въ которой привели его сюда.

(*Бросается къ сундуку, вынимаетъ оттуда княжеское платье и одѣваетъ великаго князя Димитрія; въ это время прибѣгаетъ Гусевъ*).

ЯВЛЕНІЕ III.

Тѣ же и Гусевъ.

Гусевъ.

Скончался царь, Василій воцарился.

Курицынъ.

А для него приказа нѣтъ?

Гусевъ.

Велѣлъ
Его попрежнему въ цѣпяхъ держать.

(*Занавѣсъ опускается*).

18-го іюля 1867 года.

ЗАМѢТКИ ДЛЯ БІОГРАФІИ БѢЛИНСКАГО.

Тамъ одной незамѣтной могилы,
Гдѣ уснули великія силы,
Мнѣ хотѣлось давно поискать.

Посвящая нѣсколько страницъ памяти одного изъ самыхъ замѣчательныхъ дѣятелей въ нашей литературѣ, я долженъ оговориться, почему въ длинномъ вступленіи къ моей статьѣ я говорю о многомъ, что попадалось мнѣ въ цѣпи моихъ воспоминаній, и почти ничего о Бѣлинскомъ. Причина этому слѣдующая: статья эта извлечена изъ моихъ памятныхъ записокъ и въ какомъ видѣ въ нихъ находилась, въ такомъ ее представляю, исключая дополненія, необходимо требовавшія себѣ мѣста въ ней, когда я ее переписывалъ, и неминуемые обрѣзки, которые по многимъ причинамъ не могутъ еще увидѣть свѣтъ (напр., описаніе состоянія Казанскаго университета въ 1820 — 25 годахъ). Я пожалѣлъ исключить длинное вступленіе, потому что оно обрисовываетъ время, когда умъ и сердце Бѣлинскаго начало тревожить все, что онъ видѣлъ, слышалъ и читалъ. Это время было оселкомъ для врожденнаго критическаго такта его, развившагося впослѣдствіи такъ художественно.

I.

Въ концѣ 1820 года былъ я опредѣленъ директоромъ училищъ Пензенской губерніи.

Я пріѣхалъ въ Пензу поздно вечеромъ и остановился на постояломъ дворѣ. Желая застать училища безъ приготовленія, я никому не далъ знать о своемъ пріѣздѣ. Хозяинъ двора не понималъ даже, что̀ такое за лицо директоръ училищъ. Обыкновенно, какъ въѣзжаетъ въ заставу вновь опредѣленная власть, управляющая или ревизующая, напр. предсѣдатель какой-нибудь палаты, оберъ-форштмейстеръ (я разумѣю тогдашнихъ, которые въ два, три года наживали себѣ большія состоянія, находя готовые клады, не охраняемые никакими духами, въ лѣсахъ, преимущественно корабельныхъ), чиновникъ особыхъ порученій изъ Петербурга, не говорю ужъ о губернаторѣ, — когда въѣзжаетъ въ заставу такая власть, даже за нѣсколько станцій отъ города, уже въ городѣ чутьемъ слышатъ персону Все тамъ, отъ мала до велика, приходитъ тогда въ неописанное волненіе, какъ бы въ муравейникъ ткнули палкой. Не мудрено: съ этими властями связаны жители видимыми и невидимыми нитями интереса. Но начальникъ училищъ чуждъ этихъ интересовъ. Въ немъ не имѣютъ нужды ни полиція, ни откупщикъ, ни тяжущіеся за твое и мое, ни подсудимые, ни даже члены общества, играющіе по большой. А въ провинціи и эта послѣдняя несостоятельность шибко ро-

няетъ человѣка! Кому до него дѣло, кромѣ бѣдныхъ учителей, да развѣ двухъ, трехъ чадолюбивыхъ родителей изъ числа сотенъ, отдающихъ свое дѣтище на выучку въ училище.. [1])

Спустясь на болѣе низшую ступень, разскажу еще одинъ случай, приблизительно выражающій почетъ, какимъ пользовались тогда *наставники юношества*. Извините, и тутъ не миную отступленій.

Въ 1822 г. возвращался я въ Пензу изъ Саратовской губерніи, куда посланъ былъ визитаторомъ тамошнихъ училищъ. Въ головѣ и сердцѣ моемъ толпились еще свѣжія, отрадныя воспоминанія о Сарептѣ и вообще о колоніяхъ тамошняго края, попадавшихся мнѣ на пути. Вездѣ видѣлъ я поля, прекрасно обработанныя, лѣса, не только сбереженные, но и выхоленные, опрятность въ домахъ, храмы Божіи и училища въ каждой колоніи, грамотность, ремесленность, сильно развитую, трудолюбіе, строгую нравственность въ семействахъ. Ѣдешь на почтовыхъ, сейчасъ угадаешь, кто тебя везетъ, колонистъ или русскій мужичекъ. У перваго лошади сыты и сбережены, сбруя на нихъ кожаная, хорошо смазана; самъ возчикъ въ чистомъ, крѣпкомъ кафтанѣ, ѣдетъ доброй, законной рысью, которую не прибавитъ ни за угрозы, ни за деньги. У другого лошади сбиты, иногда въ язвахъ, по которымъ онъ, для поощренія своего живота, а иногда для собственной потѣхи, мѣтко бьетъ кнутомъ; сбруя въ узлахъ; иногда онъ ѣдетъ такъ тихо, какъ будто ждетъ русскаго словца съ подзатыльникомъ, или за водку готовъ уморить лошадей. Въ колоніяхъ на праздникахъ слышны духовныя пѣсни, стариковъ и молодыхъ застаешь за чтеніемъ священныхъ книгъ, на вечеринкахъ соблюдается приличіе; дѣвушка зардѣлась бы отъ стыда, если бы повѣса осмѣлился сказать при ней непристойное слово, да и отецъ или родственники явились

---

[1]) Здѣсь авторомъ выпущено нѣсколько строкъ.

бы передъ судомъ пастора грозными обличителями въ оскорбленіи ея стыдливости. Чтожъ видѣлъ я въ нашихъ русскихъ деревняхъ? Курныя избы, въ нихъ свиньи и бараны сбиваютъ васъ съ ногъ, нечистота, грязь, рядомъ съ иконами безобразныя картинки съ Спасскаго моста, все это облупленное тараканами, загаженное мухами; передъ избой тощая хворостина подъ именемъ березки, посаженная по приказанію Во время богослуженія въ церкви, бабы, сидя на паперти, *гуторятъ* про житейское, если еще не бранятся; что ни рѣчь между мужиками, то сквернословіе, котораго не услышишь ни у какого народа, въ избѣ валяются кое-какъ вмѣстѣ, и женатая чета, и дѣвки, и малолѣтки, не думая ограждать чувство стыдливости хоть холщевымъ пологомъ. Хороводы дико горланятъ до полуночи, парни съ дѣвками обнимаются при всѣхъ; пріѣзжаго на сельскій праздникъ городского молодца дѣвки, увидѣвшія его въ первый разъ, зазываютъ на тайное свиданіе, свекровь за деньги сама приведетъ свою невѣстку, племянникъ и вмѣстѣ крестный сынъ проучиваетъ кулаками *по рылу* своего дядю, бывшаго воспріемникомъ его отъ святой купели... Правда, нынѣ въ богатыхъ великорусскихъ оброчныхъ и казенныхъ селеніяхъ, особенно въ губерніяхъ, близкихъ къ столицамъ, стали чище и даже богаче одѣваться. Въ праздники на улицахъ увидите много женщинъ въ малиновыхъ штофныхъ *обжимцахъ,* съ куньими подъ соболь воротниками, и *корсеткахъ,* въ кринолинахъ своего рода, въ башмакахъ и сѣрыхъ тонкихъ чулкахъ съ красными стрѣлками (а женская щеголеватая обувь есть уже признакъ цивилизаціи), мужчинъ въ нанковыхъ или суконныхъ полушубкахъ, обшитыхъ котиками, въ плисовыхъ шароварахъ и козловыхъ сапогахъ. На окошкахъ стоятъ самовары, пѣсни въ хороводахъ поются болѣе нѣжными голосами. Но въ избахъ та же нечистота, нравственность едва ли не на прежней ступени. Спросите у любого крестьянина или крестьянки, знаютъ ли они заповѣди Божіи, понимаютъ ли они мо-

литвы, если и выучили какую молитву; знаетъ ли большая часть изъ нихъ другой грѣхъ, кромѣ нарушенія поста. Не говорю о бѣлоруссахъ [1]). Передъ ними великоруссъ и малоруссъ смотрятъ бариномъ. Зато кѣмъ не загнанъ былъ бѣлорусскій мужичекъ? и войной, и арендаторами, и жидами, и всѣмъ, что его окружаетъ Онъ ѣстъ обыкновенно хлѣбъ, который великорусскій крестьянинъ, тѣмъ менѣе малоруссъ, не станетъ низачто ѣсть, развѣ въ величайшій голодъ (кромѣ псковитянъ, на границѣ Витебской, перенявшихъ эту скудную яству отъ своихъ сосѣдей). Это какая-то смѣсь изъ одной трети муки и двухъ третей мякины, родъ кирпича, которымъ въ степи топятъ избы. Одинъ помѣщикъ, говоря со мною объ этомъ предметѣ, весьма наивно увѣрялъ меня, что если дадутъ бѣлоруссу хлѣбъ, вкушаемый другою породою людей, онъ будетъ боленъ. Это напомнило мнѣ французовъ, взятыхъ въ плѣнъ въ зиму 1812 г.; привыкшіе питаться палой кониною, они вскорѣ умирали, какъ только ихъ насыщали здоровою пищею. Въ Бѣлоруссіи многіе владѣльцы прямо съ полей свозятъ крестьянскій хлѣбъ къ себѣ на гумно, будто бы для того, чтобы онъ не былъ пропитъ въ корчмахъ (между тѣмъ заботятся объ устройствѣ въ своихъ имѣніяхъ такихъ увеселительныхъ домовъ), а потомъ выдаютъ въ мѣсячину вышереченную смѣсь. Повѣрите ли, что одинъ чиновникъ, ѣздившій по дѣламъ службы въ ближайшій отъ Витебска уѣздъ, среди 600 душъ одного помѣщика, не нашелъ куска чистаго русскаго хлѣба, чтобъ утолить свой голодъ. Бывши нѣсколько

---

[1]) Въ 3 № «Русскаго Вѣстника» нынѣшняго года въ статьѣ «Помѣщики и крестьяне», П. Э., весьма вѣрно списанъ бытъ бѣлорусскихъ крестьянъ. Надо прибавить, что тѣ крестьяне Витебской губерніи, которые живутъ въ большомъ довольствѣ, великорусскіе переселенцы, засѣвшіе на границахъ Лифляндіи и Курляндіи. И крестьяне въ этомъ углу болѣе довольны помѣщиками, и помѣщики болѣе довольны крестьянами. Хозяйство тутъ стройнѣе и гуманнѣе. Довольство обоюдное.

разъ по должности моей въ рекрутскомъ присутствіи, я видѣлъ, съ какимъ удовольствіемъ поставляемый въ рекруты слышалъ надъ собою отрадный возгласъ: «лобъ!» Онъ чуялъ уже въ солдатской артели запахъ чистаго русскаго хлѣба. Бѣлорусскіе крестьяне не считаютъ великимъ бѣдствіемъ холеру въ сравненіи съ другимъ, постоянно ихъ сокрушающимъ—голодомъ. Я замѣчалъ во время пути моего черезъ Бѣлоруссію, что даже собаки въ деревняхъ не лаютъ на проѣзжихъ, а, увидавъ экипажъ или холщевую еврейскую фуру, бѣгутъ подъ заворотню. Аминь.

Будемъ надѣяться, что, съ благотворнымъ измѣненіемъ общественнаго быта нашихъ крестьянъ, примутся дѣятельныя мѣры и къ нравственно-религіозному ихъ воспитанію. Объ этомъ воспитаніи писалъ я еще въ 1837 году къ Пушкину по случаю его замѣчанія въ письмѣ ко мнѣ, будто «тиранское управленіе Бирона было въ духѣ его времени и во нравахъ народа». Натура русскаго человѣка не хуже натуры другихъ народовъ. Извѣстны его смѣтливость, отвага, твердость. Въ нынѣшнемъ году я имѣлъ случай убѣдиться, какъ животворно дѣйствуютъ на крестьянъ внушенія добраго и умнаго пастыря. Съ какою жадностью грамотные изъ нихъ выпрашивали у меня *книжечки* почитать! Не вина этой натуры, если она окружена была враждующими съ нею обстоятельствами, отъ которыхъ осталась въ загрубѣломъ состояніи. Зачѣмъ же клеветать на нее? Почва не дурна, только она была долго и долго въ залежи и заросла разными плевелами. Расчистите ее, дайте свободнымъ струямъ воздуха обдуть ее, лучу свѣта проникнуть въ ея пласты, бросьте на нее добрыя сѣмена, и вы увидите, какою благодарною жатвою она покроется. Скоро ли это сдѣлается, какъ знать; но мы благословляемъ судьбу, что дожили до того времени, когда могучая и благодѣтельная рука взялась уже за плугъ... Да подастъ Господь Царственному дѣятелю силы, долгіе и славные дни на совершеніе имъ начатаго!

Въ одной изъ колоній остановился я для перемѣны лошадей. Это было въ понедѣльникъ, на первой недѣлѣ великаго поста. Въ одно время со мною пріѣхала туда-же одна помѣщица. Мы вошли въ большую, свѣтлую, опрятную комнату. Къ одной сторонѣ станъ съ основой серпянки, къ другой — шкапъ съ сіяющей посудой; за перегородкой виднѣлась кровать съ чисто-прибранною постелью и занавѣсками. Изъ внутренней стѣнки выдвинулась невысокая, въ уровень человѣка печь со вдѣланнымъ въ нее котломъ, дномъ вверхъ, на которомъ молодая женщина, весьма опрятно одѣтая, готовила пшеничные блины (печь у колонистовъ топится изъ сѣней, такъ что въ жильѣ нѣтъ ни угару, ни дыму). Молодица привѣтствовала насъ съ добрымъ днемъ и потомъ предложила моей временной спутницѣ блинковъ ея издѣлія съ свѣжимъ сливочнымъ масломъ. Помѣщица, поблагодаривъ ее, сказала, что теперь грѣхъ есть скоромное, потому что у насъ постъ. На это молодица отвѣчала текстомъ изъ св писанія.

Въ домѣ не было видно никакого смотрителя; лошадей запрягли въ нѣсколько минутъ.

На другой день, то есть во вторникъ на первой недѣлѣ великаго поста, ожидала меня другая картина; я пріѣхалъ на русскую станцію. Станціонный домъ былъ двухъ-этажный. На ступеняхъ лѣстницы—наросло грязи на вершокъ, паутина окружала васъ со всѣхъ сторонъ. Въ комнатѣ смотрителя та же нечистота. Стекла съ оранжевыми и фіолетовыми отливами и струями сырости по запекшейся на нихъ пыли свидѣтельствовали, что они нѣсколько лѣтъ не мыты; на столѣ, среди лужи вина, стоялъ опорожненный штофъ. На лавкѣ лежала въ безобразномъ видѣ пьяная жена смотрителя, еще молодая женщина, съ распущенною, длинною косою, сметавшей пыль при малѣйшемъ ея движеніи. Смотритель былъ тоже порядкомъ нагруженъ. Съежившись, съ подобострастіемъ принялъ онъ отъ меня подорожную, но лишь только блуждающими глазами поймалъ въ

ней начало слова: «училищъ», какъ выросъ цѣлою головой. Гнѣвно и презрительно взглянулъ на меня, повелительно вытянулъ свою могучую жилистую руку, будто превратился въ трагическаго героя и хотѣлъ сказать: Qu' il mourut (на станціи)! и закричалъ хриплымъ, гробовымъ голосомъ: «учитель? — Не давать ему лошадей».

Едва ли не подобный почетъ, только проявлявшійся не такъ гласно и въ болѣе мягкихъ формахъ, приходился на долю тогдашнихъ наставниковъ юношества и отъ трезвыхъ, болѣе развитыхъ членовъ общества. Бѣдность учителей, особенно уѣздныхъ, оттого отчужденіе ихъ отъ этого общества, оттого дикость и странности ихъ характера, иногда уклоненія отъ порядочной жизни, оттого еще большее разъединеніе съ обществомъ — вотъ причины и послѣдствія того состоянія, въ какомъ находились въ мое время наставники юношества. Въ какомъ состояніи они и теперь, можете видѣть изъ художественнаго описанія членовъ уѣзднаго училища въ 1 части «Тысячи душъ» Писемскаго.

Но возвратимся къ осмотру пензенскихъ училищъ.

Въ гимназію пришелъ я въ 10 часовъ утра. Еще въ передней послышались мнѣ дикіе голоса и между ними крики: ура! Только-что я хотѣлъ войти въ классную комнату, какъ передъ моимъ носомъ распахнулась дверь; ватага гимназистовъ хлынула черезъ нее и едва не сшибла меня съ ногъ. Школьники несли на рукахъ учителя русской словесности, въ какомъ положеніи—можете догадаться.—«Что это вы дѣлаете?» — спросилъ я ихъ. — «Мыши кота погребаютъ», — отвѣчали они. — Какія мѣры ни употреблялъ я, чтобы привести этого господина на правый путь, а по своимъ способностямъ онъ это заслуживалъ—поселилъ его подлѣ себя, пригласилъ раздѣлять со мною хлѣбъ-соль, старался ввести въ свой кружокъ — ничто не помогло. Бывало, чѣмъ свѣтъ, накинетъ на себя свой дырявый ситцевый халатъ и въ туфляхъ на босую ногу, бѣжитъ къ струямъ россійской отуманивающей иппокрены и потомъ заѣдаетъ

ихъ солеными огурцами. Въ другихъ классахъ ни одного учителя, ни одного ученика.

Въ уѣздномъ училищѣ, при моемъ посѣщеніи, тоже ни одного учителя. Былъ классъ русской исторіи. Преподаватель ея, задавъ на выучку, слово въ слово, цѣлаго удѣльнаго князя и отмѣтивъ въ книгѣ задачу, ушелъ куда-то по своимъ домашнимъ надобностямъ. Учениковъ засталъ я въ самомъ разгарѣ гимнастическихъ упражненій, такъ что въ комнатѣ стояла пыль столбомъ.

На мѣсто кота, котораго погребали мыши, поступилъ школяръ и педантъ въ высшей степени, Онъ твердо зазубрилъ всевозможныя риторики, русскія и латинскія, и даже вздумалъ было преподавать одну изъ нихъ по іезуитскому руководству Лежая. Большею частью забивалъ онъ учениковъ хитрыми упражненіями на фигурахъ и тропахъ, какъ будто училъ выдѣлывать изъ словъ разные фокусы. Разумѣется, по тогдашнему онъ училъ и изобрѣтать по извѣстнымъ вопросамъ: кто, что и т. д. Бѣлинскій былъ долго подъ ферулой его, какъ учителя русской словесности и исправлявшаго нѣкоторое время, по старшинству, должность директора училищъ, но, съ врожденной ему энергіей, не поддался ей. Вѣроятно, что съ того времени риторика ему и опротивѣла. Преподавателей другихъ предметовъ или не было, или были они въ родѣ кота и ритора. Не говорю ужъ о жалкихъ учителяхъ французскаго и нѣмецкаго языковъ того времени.

Да изъ кого жъ было набрать ихъ?.. Помнится, вскорѣ послѣ моего прибытія въ Пензу, вышло постановленіе, чтобы желающіе поступить въ домашніе учители иностранныхъ языковъ были экзаменуемы въ гимназіяхъ. Какихъ претендентовъ не являлось на эту должность,—и солдаты великой наполеоновской арміи, оставшіеся въ Россіи послѣ 12-го года, и красильщики, ткачи, не находившіе у насъ работы рукамъ своимъ! Бывало, напишутъ ко мнѣ на своемъ родномъ языкѣ просительное письмо о желаніи ихъ держать

экзаменъ, а я на этомъ же письмѣ, въ какихъ-нибудь десяти строчкахъ, подчеркну до двадцати грубыхъ ошибокъ противъ грамматики и, безъ всякихъ дальнѣйшихъ объясненій, отошлю письмо назадъ къ просителю. Тѣмъ нерѣдко и кончался экзаменъ. Одинъ изъ этихъ господъ, бывшій ліонскій красильщикъ, которому я такимъ образомъ забрилъ затылокъ, увидавъ меня лѣтъ черезъ восемь въ Москвѣ, съ безстыдствомъ сказалъ мнѣ: «О! я теперь хорошо знаю грамматику; вы бы теперь меня не узнали!» То-есть онъ, уча дѣтей, на помѣщичьи деньги самъ учился и практиковался. Изъ этой-то когорты передовые люди опредѣлялись въ учители гимназіи.

Въ скоромъ однако жъ времени поступило въ нее нѣсколько болѣе образованныхъ и надежныхъ учителей изъ воспитанниковъ университета. Между ними былъ одинъ, М. М П — въ, настоящій кладъ для гимназіи. Съ любовью къ наукѣ, особенно къ литературѣ, съ свѣтлымъ умомъ и основательнымъ образованіемъ, онъ соединялъ теплое сердце и душу поэтическую Я пріобрѣлъ его дружбу [1]). Ученики любили его и никого не слушали съ такимъ удовольствіемъ и пользою. Счастливъ былъ Бѣлинскій, что попалъ въ его школу; подъ теплымъ крыломъ его онъ развилъ въ себѣ любовь къ литературѣ и ко всему прекрасному.

Удивительно-ли, что я засталъ почти за 40 лѣтъ назадъ пензенскую гимназію въ такомъ состояніи, когда я, 12 лѣтъ позднѣе, нашелъ одну изъ гимназій московскаго учебнаго округа, именно тверскую, едва ли въ лучшемъ. Учители безпрестанно занимались въ ней сутяжничествомъ и доносами другъ на друга, вмѣшательствомъ въ самую мелкую

---

[1]) Не знаю, какъ благодарить моего почтеннаго друга за драгоцѣнныя свѣдѣнія, доставленныя имъ о Бѣлинскомъ: я извлекъ изъ письма его только то, что приходилось по рамкѣ моей статьи и мною заданной задачи, въ оглавленіи ея оставя въ сторонѣ все, что касалось того критическаго разбора, который не входилъ въ мою программу.

экономію заведенія. Повѣрятъ ли теперь, что одинъ изъ нихъ, вскорѣ послѣ моего опредѣленія въ директоры, подалъ мнѣ рапортъ съ приложеніемъ клочковъ бумаги, найденныхъ имъ въ какомъ-то секретномъ мѣстѣ, о которомъ приличіе не дозволяетъ говорить? Въ этомъ донесеніи изъяснялъ онъ, что подозрѣваетъ въ бумажныхъ лоскуткахъ экономическіе счеты гимназіи, и потому, какъ вѣрный подданный, радѣя о казенномъ интересѣ, проситъ строжайше изслѣдовать дѣло... Былъ учитель старичекъ, настоящій заплеснѣвшій сухарь по наружности и по познаніямъ, который всегда, по выбытіи изъ гимназіи кого-либо изъ учителей — выходилъ ли преподаватель естественной исторіи, такъ называемой политической, латыни, французскаго языка и пр. и пр.—сейчасъ предлагалъ себя для замѣщенія его, разумѣется, съ прибавочнымъ жалованьемъ. По его мнѣнію, чтобы быть преподавателемъ, стоило только взять любое руководство, задавать изъ него уроки, отмѣчать ихъ карандашемъ, или, что дешевле, ногтемъ, спрашивать эти уроки слово-въ-слово или возлагать эту обязанность на старшихъ учениковъ, за незнаніе ставить дѣтей на колѣни, а иногда попросту высѣчь ихъ — и вотъ вамъ готовъ учитель. Былъ учитель латыни, тоже въ родѣ кота, который, по выходѣ изъ гимназіи, не нашелъ для себя лучшей карьеры, какъ сельскаго засѣдателя, и впослѣдствіи изъ этой должности порывался на прежнюю. Былъ преподаватель изъ наполеоновскихъ тамбуръ-мажоровъ, который пять дней въ недѣлю чадолюбиво откармливалъ на своей фермѣ индѣекъ и поросятъ, или шныряль въ присутственныхъ мѣстахъ по своимъ и сосѣдскимъ тяжебнымъ дѣламъ, а два дня, на скорую руку, упитывалъ чужихъ дѣтей задачами изъ французскихъ діалоговъ и грамматики, чтобы скорѣе возвратиться къ своимъ четвероногимъ и двуногимъ пенатамъ, или къ вѣсамъ Ѳемиды. И такъ далѣе, и т д.

Каково было мнѣ возиться съ этими господами, особенно съ тѣми, которые имѣли сватовъ, кумовъ и покро-

вителей въ Москвѣ!.. Виноватъ передъ латинской поговоркой — покойниковъ добромъ помянуть нечѣмъ.

Но и здѣсь (не все жъ говорить о подвигахъ высокихъ особъ; почему жъ и не почтить память бѣднаго труженика учителя? достойно нести 25 лѣтъ, да еще на одномъ мѣстѣ, эту должность, не легкій подвигъ—стоитъ 25 лѣтъ походовъ!) долгомъ почитаю оговорить, что полезнѣйшимъ, образованнѣйшимъ изъ членовъ гимназіи, украшеніемъ ея былъ, въ мое время и долго, долго послѣ меня, учитель математики Будревичъ, товарищъ Мицкевича и Ковалевскаго [1]) по виленскому университету.

Можно сказать, что благодатной эрой обновленія гимназій московскаго учебнаго округа было то время, когда дирекція ихъ перешла изъ-подъ завѣдыванія совѣтовъ и правленій университета въ непосредственное управленіе попечителей или, лучше сказать, со времени попечителя графа С. Г. Строганова. Сильною, незыблющеюся рукою выкинулъ онъ изъ этихъ заведеній всю ветошь и гниль, и замѣнилъ ихъ свѣжими, разумными силами изъ московскаго университета. Многое сдѣлалъ онъ для университета, многое совершилъ и для гимназій. Съ благодарностію отмѣтитъ потомство имя этого государственнаго человѣка, обновителя московскаго учебнаго округа.

---

[1]) Ковалевскій, нынѣ столь извѣстный оріенталистъ, прибылъ съ двумя новыми товарищами въ казанскій университетъ во время четырехмѣсячнаго исправленія мною въ немъ должности инспектора студентовъ. Всегда свѣтлѣла душа моя, когда я по служебнымъ обязанностямъ и не по обязанностямъ сближался съ этою прекрасною, благородною личностью.

II.

Въ 1823 году ревизовалъ я чембарское училище. Новый домъ былъ только-что для него отстроенъ. (Въ этомъ ли домѣ, или во вновь построенномъ послѣ бывшаго пожара, не знаю хорошо, жилъ нѣсколько времени императоръ Николай Павловичъ по случаю болѣзни своей отъ паденія изъ экипажа на пути близъ Чембара). Во время дѣлаемаго мною экзамена выступилъ передо мною, между прочими учениками, мальчикъ лѣтъ 12, котораго наружность съ перваго взгляда привлекла мое вниманіе. Лобъ его былъ прекрасно развитъ, въ глазахъ свѣтился разумъ не по лѣтамъ; худенькій и маленькій, онъ, между тѣмъ, на лицо казался старѣе, чѣмъ показывалъ его ростъ Смотрѣлъ онъ очень серьезно. Такимъ вообразилъ бы я себѣ ученаго доктора между позднѣйшими нашими потомками, когда, по предсказаніямъ науки, измельчаетъ родъ человѣческій. На всѣ дѣлаемые ему вопросы, онъ отвѣчалъ такъ скоро, легко, съ такою увѣренностію, будто налеталъ на нихъ, какъ ястребъ на свою добычу (отчего я тутъ же прозвалъ его ястребкомъ), и отвѣчалъ, большею частію, своими словами, прибавляя ими то, чего не было даже въ казенномъ руководствѣ, — доказательство, что онъ читалъ и книги, не положенныя въ классахъ. Я особенно занялся имъ, бросался съ нимъ отъ одного предмета къ другому, связывая ихъ непрерывною цѣпью, и признаюсь, старался сбить его... Мальчикъ вышелъ изъ труднаго испытанія съ торжествомъ.

Это меня пріятно изумило, также и то, что штатный смотритель (Авр. Грековъ) не конфузился, что его ученикъ говоритъ не слово въ слово по учебной книжкѣ (какъ я привыкъ видѣть и съ чѣмъ боролся не мало въ другихъ училищахъ). Напротивъ, лицо добраго и умнаго смотрителя сіяло радостью, какъ-будто онъ видѣлъ въ этомъ торжествѣ собственное свое. Я спросилъ его, кто этотъ мальчикъ. «Виссаріонъ Бѣлинскій, сынъ здѣшняго уѣзднаго штабъ-лекаря», сказалъ онъ мнѣ. Я поцѣловалъ Бѣлинскаго въ лобъ, съ душевною теплотой привѣтствовалъ его, тутъ же потребовалъ изъ продажной библіотеки какую-то книжонку, на заглавномъ листѣ которой подписалъ: «Виссаріону Бѣлинскому за прекрасные успѣхи въ ученіи» (или что-то подобное) отъ такого-то, тогда-то Мальчикъ принялъ отъ меня книгу безъ особеннаго радостнаго увлеченія, какъ должную себѣ дань, безъ низкихъ поклоновъ, которымъ учатъ бѣдняковъ съ малолѣтства. Чембаръ — маленькій уѣздный городокъ, не лучше посредственнаго села. Мѣстоположеніе его и окрестностей довольно живописны

Какъ говорилъ мнѣ смотритель, Бѣлинскій гулялъ часто одинъ, не былъ сообщителенъ съ товарищами по училищу, не вмѣшивался въ ихъ игры и находилъ особенное удовольствіе за книжками, которыя доставалъ, гдѣ только могъ. Отецъ его, уроженецъ Польши или западныхъ губерній, былъ очень бѣденъ и неизвѣстенъ дальше своего околодка [1]. Сынъ его Виссаріонъ родился въ нашихъ степяхъ, въ нашей вѣрѣ, и былъ вполнѣ русскимъ. Общество, которое дитя встрѣчало у отца, были городскіе чиновники, большею

---

[1]) Семейство его, сколько я знаю, состояло изъ трехъ сыновей и одной дочери. Нѣкоторые члены изъ этого семейства были живы не такъ давно. Одинъ изъ братьевъ его въ 1857 году служилъ корректоромъ во 2-мъ отдѣл. Е. В. канцеляріи; сестра его Александра Гр. замужемъ за штатнымъ смотрителемъ Нижнеломовскихъ училищъ Кузьминымъ.

частью члены полиціи, съ которыми уѣздный лекарь имѣлъ дѣло по своей должности (отъ которой ничего не наживалъ). Общество это видѣлъ онъ на распашку, часто за ерофеичемъ и пуншемъ, слышалъ рѣчи, вращавшіяся болѣе всего около частныхъ интересовъ, приправленныя цинизмомъ взяточничества и мерзкихъ продѣлокъ, видѣлъ воочію неправду и черноту, незамаскированныя боязнью гласности, незакрашенныя лоскомъ образованности, видѣлъ и купленное за ведерку крестное цѣлованіе понятыхъ и свидѣтельствованіе разнаго рода побоевъ и пр. и пр... Душа его, въ которую пала съ малолѣтства искра Божія, не могла не возмущаться при слушаніи этихъ рѣчей, при видѣ разнаго рода отвратительныхъ сценъ. Съ раннихъ лѣтъ накипѣла въ ней ненависть къ обскурантизму, ко всякой неправдѣ, ко всему ложному, въ чемъ бы они ни проявлялись, въ обществѣ или въ литературѣ. Оттого-то его убѣжденія перешли въ его плоть и кровь, слились съ его жизнію. Только съ жизнью онъ и покинулъ ихъ Прибавьте къ безотрадному зрѣлищу гнилого общества, которое окружало его въ малолѣтствѣ, домашнее горе, бѣдность, нужды, вѣчно его преслѣдовавшія, вѣчную борьбу съ ними, и вы поймете, отчего произведенія его иногда переполнялись желчью, отчего, въ откровенной бесѣдѣ съ нимъ, изъ наболѣвшей груди его вырывались грознообличительныя рѣчи, которыя, казалось, душили его. Онъ дѣйствовалъ на общество и литературу, какъ врачъ на больного, у котораго прижигаетъ и вырѣзываетъ язвы· можно ли сказать, что этотъ врачъ не любитъ человѣчество?. Менѣе страстная и энергическая натура уступила бы обстоятельствамъ и не совершила бы того, что онъ совершилъ въ такую короткую жизнь.

По случаю перевода моего въ Казань я потерялъ-было Бѣлинскаго изъ виду Зналъ я только, что онъ перешелъ въ пензенскую гимназію въ августѣ 1825 года (изъ просьбы [illegible]а его начальству гимназіи о пріемѣ его въ это учебное

заведеніе видно, что ему было тогда 14 лѣтъ). По свѣдѣніямъ, почерпнутымъ изъ гимназическихъ вѣдомостей, видно, что Бѣлинскому въ 3-мъ классѣ отмѣчено: изъ алгебры и геометріи 2, изъ исторіи, статистики и географіи 4, изъ латинскаго языка 2, изъ естественной исторіи 4, изъ русской словесности и славянскаго языка 4, во французскомъ и нѣмецкомъ языкахъ отмѣченъ, что не учился [1]). Въ январѣ 1829 года въ вѣдомостяхъ показано, что за нехожденіе въ классъ не рекомендуется, а въ февралѣ вычеркнутъ изъ списковъ и рукою директора означено: «за нехожденіе въ классъ». Чтожъ можно вывести изъ всѣхъ этихъ отмѣтокъ? Что онъ былъ нерадивъ къ ученію? Мы могли бы указать на примѣры нѣкоторыхъ великихъ писателей, въ томъ числѣ нашего Пушкина, которые не считались въ школѣ отличными учениками. Но мы найдемъ объясненіе офиціальной аттестаціи Бѣлинскаго въ слѣдующемъ интересномъ свидѣтельствѣ любимаго, уважаемаго имъ учителя о любимомъ своемъ ученикѣ

«Въ гимназіи, по возрасту и возмужалости, онъ во всѣхъ классахъ былъ старше многихъ сотоварищей Наружность его мало измѣнилась впослѣдствіи· онъ и тогда былъ неуклюжъ, угловатъ въ движеніяхъ. Неправильныя черты лица его между хорошенькими личиками другихъ дѣтей, казались суровыми и старыми На вакаціи онъ ѣздилъ въ Чембаръ, но не помню, чтобы отецъ его пріѣзжалъ къ нему въ Пензу, не помню, чтобы кто-нибудь принималъ въ немъ участіе Онъ, видимо, былъ безъ женскаго призора, носилъ платье кое-какое, иногда съ непочиненными прорѣхами. Другой на его мѣстѣ смотрѣлъ бы жалкимъ, заброшеннымъ мальчикомъ, а у него взглядъ и поступки были смѣлые, какъ бы говорившіе, что онъ не нуждается ни въ чьей помощи, ни въ чьемъ покрови-

---

[1]) Высшій балъ въ то время былъ — 4.

тельствѣ. Таковъ онъ былъ и послѣ, такимъ и пошелъ въ могилу.

«..... Впрочемъ, зачѣмъ перечислять учителей? Нѣкоторые изъ нихъ были ученые люди, съ познаніями, да умъ-то Бѣлинскаго мало выносилъ познаній изъ школьнаго ученія. Къ математикѣ онъ не чувствовалъ никакой склонности, иностранные языки, географія, грамматика и все, что передавалось по системѣ заучиванья, не шли ему въ голову [1]); онъ не былъ отличнымъ ученикомъ и въ одномъ, которомъ-то, классѣ, просидѣлъ два года.

«Надобно однакожъ сказать, что Бѣлинскій, несмотря на малые успѣхи въ наукахъ и языкахъ, не считался плохимъ мальчикомъ Многое мимоходомъ западало въ его крѣпкую память, многое онъ понималъ самъ, своимъ пылкимъ умомъ; еще больше въ немъ набиралось свѣдѣній изъ книгъ, которыя онъ читалъ внѣ гимназіи. Бывало, поэкзаменуйте его, какъ обыкновенно экзаменуютъ дѣтей— онъ изъ послѣднихъ, а поговорите съ нимъ дома, подружески, даже о точныхъ наукахъ, — онъ первый ученикъ. Учителя словесности были не совсѣмъ довольны его успѣхами, но сказывали, что онъ лучше всѣхъ товарищей своихъ писалъ сочиненія на заданныя темы.

«Во время бытности Бѣлинскаго въ пензенской гимназіи преподавалъ я естественную исторію, которая начиналась уже въ 3-мъ классѣ. (Тогдашній курсъ гимназическій состоялъ изъ четырехъ классовъ). Поэтому онъ учился у меня только въ двухъ высшихъ классахъ. Но я зналъ его съ первыхъ, потому что онъ друженъ былъ съ соученикомъ своимъ, моимъ роднымъ племянникомъ, и иногда бывалъ въ

---

[1]) Изъ того, что онъ составилъ русскую грамматику, бывши еще въ гимназіи, можно заключить, что Бѣлинскій ни однимъ учебникомъ по этому предмету не удовлетворялся: учась, онъ не подчинялся авторитетамъ, соображалъ, дѣлалъ свои выводы; и тамъ онъ былъ ужъ критикъ.

нашемъ домѣ. Онъ бралъ у меня книги и журналы, пересказывалъ мнѣ прочитанное, судилъ и рядилъ обо всемъ, задавалъ мнѣ вопросъ за вопросомъ. Скоро я полюбилъ его. По лѣтамъ и тогдашнимъ отношеніямъ нашимъ онъ былъ неравный мнѣ, но не помню, чтобъ въ Пензѣ съ кѣмъ-нибудь другимъ я такъ душевно разговаривалъ, какъ съ нимъ, о наукахъ и литературѣ

«Домашнія бесѣды наши продолжались и послѣ того, какъ Бѣлинскій поступилъ въ высшіе классы гимназіи. Дома мы толковали о словесности; въ гимназіи онъ, съ другими учениками, слушалъ у меня естественную исторію. Но въ казанскомъ университетѣ я шелъ по филологическому факультету, и русская словесность всегда была моей исключительной страстью Можете представить себѣ, что иногда происходило въ классѣ естественной исторіи, гдѣ передъ страстнымъ, еще молодымъ въ то время, учителемъ сидѣлъ такой же страстный къ словесности ученикъ. Разумѣется, начиналъ я съ зоологіи, ботаники или ориктогнозіи и старался держаться этого берега, но съ средины, а случалось и съ начала лекціи, отъ меня ли, отъ Бѣлинскаго ли, Богъ знаетъ, только естественныя науки превращались у насъ въ теорію или исторію литературы. Отъ Бюффона-натуралиста я переходилъ къ Бюффону-писателю, отъ Гумбольтовой географіи растеній къ его «Картинамъ природы», отъ нихъ къ поэзіи разныхъ странъ, потомъ... къ цѣлому міру, къ сочиненіямъ Тацита и Шекспира, къ поэзіи въ сочиненіяхъ Шиллера и Жуковскаго... А гербаризаціи? Бывало, когда отправлюсь съ учениками за городъ, во всю дорогу, пока не дойдемъ до засѣки, что позади городского гулянья, или до рощи, что за рѣкой Пензой, Бѣлинскій пристаетъ ко мнѣ съ вопросами о Гете, Вальтеръ-Скоттѣ, Байронѣ, Пушкинѣ, о романтизмѣ и обо всемъ, что волновало въ то доброе время наши молодыя сердца.

«Тогда Бѣлинскій, по лѣтамъ своимъ, еще не могъ отрѣшиться отъ обаянія первыхъ пушкинскихъ поэмъ и мел-

кихъ стиховъ. Непривѣтно встрѣтилъ онъ сцену: «Келья въ Чудовомъ манастырѣ». Онъ и въ то время нескоро поддавался на чужое мнѣніе. Когда я объяснилъ ему высокую прелесть въ простотѣ, поворотъ къ самобытности и возрастаніе таланта Пушкина, онъ качалъ головой, отмалчивался или говорилъ: «дайте, подумаю; еще прочту». Если же съ чѣмъ онъ соглашался, то, бывало, отвѣчалъ съ страшной увѣренностію: «совершенно справедливо!»

«Журналистика наша въ двадцатыхъ годахъ выходила изъ дѣтства. Полевой передавалъ по «Телеграфу» идеи запада, все, что являлось тамъ новаго въ области философіи, исторіи, литературы и критики. Надоумко смотрѣлъ исподлобья, но глубже Полевого, и знакомилъ русскихъ съ германской философіей. Оба они снимали маски со старыхъ и новыхъ нашихъ писателей и пріучали судить о нихъ, не покоряясь авторитетамъ. Бѣлинскій читалъ съ жадностію тогдашніе журналы и всасывалъ въ себя духъ Полевого и Надеждина.

«Онъ уѣхалъ въ Москву въ августѣ 1829 г.».

Это свидѣтельство, неофиціальное, не требуетъ комментарій. Скажу только, что въ школѣ любимаго своего учителя геніальная натура Бѣлинскаго начала свое настоящее образованіе; здѣсь была его гимназія.

Въ 1829 г. жилъ я въ Москвѣ. Въ этотъ и слѣдующій годъ являлись ко мнѣ молодые люди, исчерпавшіе глубину премудрости пензенской гимназіи и переходившіе въ московскій университетъ, который, преимущественно передъ другими университетами, обаятельно привлекалъ къ себѣ юношей изо всѣхъ мѣстъ. Они являлись ко мнѣ или по старой памяти, или съ рекомендательными письмами добраго М. М. П., который заботился объ нихъ, какъ самый близкій родной, и за предѣлами гимназіи. Мое дѣло было пріютить ихъ на первыхъ порахъ въ Москвѣ, казавшейся этимъ дальнимъ странникамъ изъ степей какимъ-то Вавилономъ, похлопотать скорѣе пристроить бѣдняковъ въ уни-

верситетъ, и, если можно, на казенный коштъ, руководить ихъ совѣтами, пригрѣть ихъ въ сиротствѣ добрымъ, ласковымъ словомъ, помочь имъ, чѣмъ и какъ позволяли мои скудныя средства. Эти обязанности считалъ я самыми пріятными; въ числѣ этихъ молодыхъ людей былъ и Бѣлинскій.

Въ 1830 году задумали мы съ М. М. П. альманахъ «Пожинки», и вербовали изъ пензенцевъ болѣе даровитыхъ молодыхъ людей себѣ въ сотрудники. Изданіе этого альманаха не удалось. Вотъ письмо, писанное по этому случаю 19-лѣтнимъ Бѣлинскимъ своему бывшему наставнику; оно интересно выраженіями гордаго, благороднаго характера юноши, никогда неизмѣнявшагося и впослѣдствіи, несмотря ни на какія обстоятельства, и процесса, какимъ вырабатывалось въ его душѣ истинное его призваніе.

Москва 1830 года, апрѣля 30 дня.

«Милостивый государь

«М. М.!

«Въ чрезвычайное затрудненіе привело меня письмо моего родственника: «М. М., пишетъ онъ, издаетъ съ И. И. Л. альманахъ и черезъ меня просилъ васъ прислать ему вашихъ стихотвореній, самыхъ лучшихъ». Не могу вамъ описать, какое дѣйствіе произвели на меня эти строки: мысль, что вы еще меня не забыли, что вы еще также ко мнѣ благосклонны, какъ и прежде; ваше желаніе, котораго я, несмотря на пламенное усердіе, не могу исполнить, — все это привело меня въ необыкновенное состояніе радости, горести и замѣшательства. Бывши во второмъ классѣ гимназіи, я писалъ стихи и почиталъ себя опаснымъ соперникомъ Жуковскаго; но времена перемѣнились. Вы знаете, что въ жизни юноши всякій часъ важенъ: чему онъ вѣрилъ вчера, надъ тѣмъ смѣется завтра. Я увидѣлъ, что не рожденъ былъ стихотворцемъ и, не хотя идти наперекоръ

природѣ, давно уже оставилъ писать стихи. Въ сердцѣ моемъ часто происходятъ движенія необыкновенныя, душа часто полна чувствами и впечатлѣніями сильными, въ умѣ рождаются мысли высокія, благородныя — хочу ихъ выразить стихами и не могу! Тщетно трудясь, съ досадою бросаю перо. Имѣю пламенную, страстную любовь ко всему изящному, высокому, имѣю душу полную и, при всемъ томъ, не имѣю таланта выражать свои чувства и мысли легкими, гармоническими стихами. Риѳма мнѣ не дается и, не покоряясь, смѣется надъ моими усиліями; выраженія не уламываются въ стопы, и я нашелся принужденнымъ приняться за смиренную прозу. Есть довольно много начатаго—и ничего оконченнаго и обработаннаго, даже такого, чтобы могло помѣститься не только въ альманахѣ, гдѣ сбирается все отличное, но даже и въ «*Далекомъ журналѣ*»! Въ первый еще разъ я съ горестію проклинаю свою неспособность писать стихами и лѣность писать прозою.

«Мнѣ давно нужно было писать къ вамъ, но я не могу самъ понять, что меня отъ сего удерживало, и въ семъ случаѣ столько передъ вами виноватъ, что не смѣю и оправдываться.

«Вы писали обо мнѣ И. И. Лаж. Я это какъ бы предчувствовалъ въ то время, какъ вы вручали мнѣ письмо. Благородный человѣкъ, скажите: чѣмъ я могу вамъ заслужить за это? Столько ласкъ, столько вниманія и наконецъ такое одолженіе! Ищу словъ для моей признательности и не нахожу ни одного, которое было могло выразить оную, Вы доставили мнѣ случай видѣть человѣка, котораго я всегда любилъ, уважалъ,—видѣть и говорить съ нимъ. Онъ принялъ меня очень ласково и, исполняя ваше желаніе, просилъ обо мнѣ нѣкоторыхъ изъ гг. профессоровъ, но просьбы его и намѣреніе оказать мнѣ одолженіе не имѣли успѣха: ибо я, по стеченію нѣкоторыхъ неблагопріятныхъ для меня обстоятельствъ, не могъ ими пользоваться.

«Я не изъ числа тѣхъ низкихъ людей, которые тогда

только чувствуютъ благодарность за прилагаемыя объ нихъ старанія, когда оныя бываютъ не тщетны. Хотя моимъ поступленіемъ въ университетъ я никому не обязанъ, однако навсегда останусь благодарнымъ вамъ и И. И. Если ваше желаніе споспѣшествовать устроенію моего счастія не имѣло успѣха, то этому причиною не вы, а постороннія обстоятельства.

«Такъ, милостивый государь, если моя къ вамъ признательность, мое безпредѣльное уваженіе, искреннее чувство любви имѣютъ въ глазахъ вашихъ хотя нѣкоторую цѣну, то позвольте увѣрить васъ, что я оныя буду вѣчно хранить въ душѣ моей, буду ими гордиться. Умѣть цѣнить и уважать такого человѣка, какъ вы — есть достоинство, заслужить отъ васъ вниманіе—есть счастіе.

«Но, можетъ-быть, я утомилъ васъ изъясненіемъ моей благодарности. Извините меня: строки сіи не суть слѣдствіе лести; нѣтъ: это изліяніе души тронутой, сердца, исполненнаго благодарности; чувства мои неподдѣльныя: они чисты и благородны, какъ мысль о томъ, кому посвящаются. Для меня нѣтъ ничего тягостнѣе, ужаснѣе, какъ быть обязаннымъ кому-либо: вы дѣлаете изъ сего исключеніе, и для меня ничего нѣтъ пріятнѣе, какъ изъявлять вамъ мою благодарность.

«Извините меня, если я продолжительнымъ письмомъ моимъ отвлекъ васъ отъ вашихъ занятій и похитилъ у нихъ нѣсколько минутъ. Итакъ, вторично прося у васъ извиненія за то, что я не засвидѣтельствовалъ прежде вамъ моей благодарности, остаюсь съ чувствомъ глубочайшаго уваженія и готовностію къ услугамъ вашимъ,

«ученикъ вашъ

«*Виссаріонъ Бѣлинскій*».

Пока я жилъ въ Москвѣ, онъ нерѣдко посѣщалъ меня; мы сблизились, несмотря на разстояніе лѣтъ; не было заботы и надежды, не было юношескаго увлеченія, которыхъ

онъ не повѣрялъ бы мнѣ; случалось мнѣ и отечески пожурить его. По моему совѣту, онъ обѣщалъ мнѣ заняться французскимъ и нѣмецкимъ языками, тогда ему малодоступными.

«Чрезъ полтора года — пишетъ ко мнѣ М. М. П.—какъ послѣ отъѣзда Бѣлинскаго изъ Пензы я отправился въ Петербургъ, на пути, въ Москвѣ пробылъ дня три: это было во время масленицы 1831 года. Каждое утро приходили ко мнѣ племянникъ мой и Бѣлинскій. Потомъ, возвращаясь отъ васъ или изъ театра, я опять встрѣчалъ ихъ въ моей квартирѣ. Прежніе разговоры у насъ возобновились. Тутъ я увидѣлъ большую перемѣну въ Бѣлинскомъ. Умъ его возмужалъ; въ замѣчаніяхъ его проявлялось много истины Тамъ прочли мы только-что вышедшаго тогда «Бориса Годунова». Сцена «Келья въ Чудовомъ монастырѣ» на своемъ мѣстѣ, при чтеніи всей драмы, показалась мнѣ еще лучше. Бѣлинскій съ удивленіемъ замѣчалъ въ этой драмѣ вѣрность изображеній времени, жизни и людей; чувствовалъ поэзію въ пятистопныхъ безрифменныхъ стихахъ, которые прежде называлъ прозаичными, чувствовалъ поэзію и въ самой прозѣ Пушкина. Особенно поразила его сцена «Корчма на литовской границѣ». Прочитавъ разговоръ хозяйки корчмы съ собравшимися у нея бродягами, улики противъ Григорія и бѣгство его черезъ окно, Бѣлинскій выронилъ книгу изъ рукъ, чуть не сломалъ стула, на которомъ сидѣлъ, и восторженно закричалъ: «да, это живые; я видѣлъ, я вижу, какъ онъ бросился въ окно!»... Въ немъ уже проявился тотъ критическій взглядъ, который впослѣдствіи руководилъ имъ при оцѣнкѣ сочиненій Гоголя.

«Послѣ того между мною и Бѣлинскимъ не было сношеній до переѣзда его въ Петербургъ. Въ этотъ промежутокъ онъ выступилъ въ московскихъ журналахъ на литературное поприще.

«Изъ первой же критической статьи его (1834) «Литературныя мечтанія» видно было, что онъ угадалъ талантъ

свой. Тогда вспомнилъ я, что и въ годы ученья онъ обнаруживалъ больше всего способность къ критикѣ; что душою его мыслей, разговоровъ его всегда были сужденія о писателяхъ. Еще въ гимназіи онъ пробовалъ писать стихи, повѣсти прозой — шло туго, не клеилось; написалъ грамматику—не годилось. Принялся за критику и—пошло писать... Послѣ того ни грамматика, ни служба, ни общественныя развлеченія, ни жажда денегъ, ни слава быть стихотворцемъ или беллетристомъ, ничто ужъ не совлекало его съ избраннаго пути... Онъ родился, жилъ и умеръ критикомъ».

М. М. П. въ этомъ письмѣ прибавляетъ:

«Бѣлинскаго я такъ долго и коротко зналъ, что могу разсказать весь тайный процессъ его умственнаго развитія.

«Прежде говорилъ я, что въ гимназіи учился онъ не столько въ классахъ, сколько изъ книгъ и разговоровъ. Такъ было и въ университетѣ. Всѣ познанія его сложились изъ русскихъ журналовъ, не старѣе двадцатыхъ годовъ, и изъ русскихъ же книгъ. Недостающее въ томъ пополнилось тѣмъ, что онъ слышалъ въ бесѣдахъ съ друзьями. Вѣрно, что въ Москвѣ умный Станкевичъ имѣлъ сильное вліяніе на своихъ товарищей. Думаю, что для Бѣлинскаго онъ былъ полезнѣе университета. Сдѣлавшись литераторомъ, Бѣлинскій постоянно находился между небольшимъ кружкомъ людей, если не глубоко ученыхъ, то такихъ, въ кругу которыхъ обращались всѣ современныя, живыя и любопытныя свѣдѣнія. Эти люди, большею частію молодые, кипѣли жаждою познаній, добра и чести. Почти всѣ они, зная иностранные языки, читали столько же иностранныя, сколько и русскія книги и журналы. Каждый изъ нихъ не былъ профессоръ, но всѣ вмѣстѣ по части философіи, исторіи и литературы постояли бы противъ цѣлой Сорбонны. Въ этой-то школѣ Бѣлинскій оказалъ огромные успѣхи. Друзья и не замѣчали, что были его учителями, а онъ, вводя ихъ въ споры, горячась съ ними, заставлялъ ихъ выкладывать передъ нимъ всѣ свои познанія, глубоко вбиралъ въ себя

слова ихъ, на лету схватывалъ замѣчательныя мысли, развивалъ ихъ далѣе и объемистѣй, чѣмъ тѣ, которые ихъ высказывали. Такимъ образомъ, не погружаясь въ бездну русскихъ старыхъ книгъ, не читая ничего на иностранныхъ языкахъ, онъ зналъ все замѣчательное въ русской и иностранныхъ литературахъ. Въ этой-то школѣ выросъ талантъ его и возмужало его русское слово».

Въ 1832 году, бывши уже на второмъ университетскомъ курсѣ, онъ написалъ драму, въ которой живо затронулъ крѣпостной вопросъ Я предсказалъ ему судьбу его; дѣйствительность оправдала мое предсказаніе. Это его очень огорчило. Съ того времени сталъ онъ нерадиво посѣщать лекціи и вскорѣ пересталъ ходить на нихъ. Жизнь его помутилась... Но дремота его духовныхъ силъ была не долговременна; ни люди, ни обстоятельства не могли ихъ подавить въ этой юной, но уже непреклонной натурѣ. Дары отъ Бога, не отъ людей, не пропадаютъ. Въ 1834 году, появилась въ нѣсколькихъ нумерахъ «Молвы» блистательная статья его подъ названіемъ. «Литературныя мечтанія, элегія въ прозѣ». Мало кому изъ молодыхъ писателей случалось начинать свое поприще такъ смѣло, сильно и самостоятельно. Бѣлинскій выступилъ въ ней во всеоружіи даровитаго иноватора. Изумленіе читателей было общее. Кто былъ отъ нея въ восторгѣ, кто вознегодовалъ, что дерзкою рукой юноши, недоучившагося студента (какъ узнали вскорѣ), семинариста (какъ называли его иные), однимъ словомъ, человѣка безъ роду-племени, кумиры ихъ сбиты съ пьедестала, на которомъ они, казалось, стояли такъ твердо. Поклонники этихъ кумировъ, провожая ихъ по теченію Леты, какъ ни кричали имъ: «батюшка, выдыбай!» сколько ни дѣлали усилій пригнать ихъ къ вожделѣнному берегу, — не многіе изъ нихъ спаслись отъ потопленія. Съ этой поры Бѣлинскій угадалъ свое призваніе, и не ошибся въ немъ. Критикъ, какого мы до него не имѣли, онъ до сихъ поръ ждетъ себѣ преемника. Что бы ни говорили объ

его ошибкахъ (не мое дѣло здѣсь защищать его: я не пишу критическаго разбора), за нимъ навсегда останется слава, что онъ сокрушилъ риторику, все натянутое и изысканное, всякую ложь, всякую мишуру, и на мѣсто ихъ сталъ проповѣдывать правду въ искусствѣ (разумѣя тутъ и правду художественную). Рядомъ съ его теоріей шли Пушкинъ, Гоголь, Лермонтовъ, Кольцовъ, Даль, артисты Мочаловъ и Щепкинъ; за нею слѣдовала цѣлая плеяда высокодаровитыхъ писателей, и во главѣ ихъ Тургеневъ, высокій поэтъ и въ самыхъ мелкихъ изъ своихъ произведеній. И теперь вновь выдвинувшіеся изъ литературныхъ рядовъ дѣятели вышли изъ его школы. Артисты Мартыновъ и Садовскій принадлежатъ къ ней. Лучшіе критики нашего времени живутъ ея началами. Тѣ изъ нихъ, которые фантазируютъ свои новыя туманныя теоріи, ими самими непонятыя, тѣмъ болѣе другими, еле-еле дышатъ.

Никто, какъ Бѣлинскій, не сокрушалъ такъ сильно ложныхъ знаменитостей, никто, какъ онъ, такъ зорко не угадывалъ въ первыхъ опытахъ молодыхъ писателей будущаго замѣчательнаго таланта, не упрочивалъ такъ твердо славы за тѣми, кому она, по его убѣжденіямъ, слѣдовала. Убѣжденія были въ немъ такъ сильны, онъ такъ строго, такъ свято берегъ ихъ отъ старыхъ литературныхъ уставщиковъ, что былъ сурово-неумолимъ для всего, въ чемъ видѣлъ даже малѣйшее уклоненіе отъ правды въ искусствѣ, неумолимъ для всѣхъ дальнихъ и близкихъ, въ которыхъ замѣчалъ это уклоненіе, принадлежали ли они къ временамъ Августа, Людовика XIV-го, Екатерины II-й, или къ его времени. Ставъ на стражѣ у алтаря правды, онъ готовъ былъ поднять камень и противъ друга, который осмѣлился бы обратиться спиной къ его богинѣ.

Писалъ ли онъ объ учебной книгѣ, о воспитаніи, о художественномъ произведеніи, объ игрѣ актера въ «Гамлетѣ», каждая статья, хотя и писанная на срокъ, для журнала, заключала въ себѣ цѣлую теорію искусства, воспитанія,

общественной и личной нравственности. Откладывать написанное для просмотра, очищать, обтачивать было нѣкогда и не по немъ; тутъ всѣ правила Буало (котораго онъ и терпѣть не могъ)—за окошко. Пуризмъ былъ для него своего рода риторика. Между тѣмъ языкъ его простъ, ясенъ, энергиченъ, вычеканиваетъ мысль вѣрно, четко, въ-обрѣзъ, какъ мастеръ выбиваетъ изъ слитка благороднаго металла, только-что вынутаго изъ горнила, крупныя монеты съ новымъ художественнымъ штемпелемъ, которыя ложатся, одна за другою, какъ жаръ горящими рядами.

«Перечтите,—говоритъ М. М. П.,—статьи Бѣлинскаго, написанныя превосходнымъ русскимъ языкомъ: сколько въ нихъ мыслей, высокаго ума, сколько одушевленія!.. Это не сухіе разборы, не повторенія избитаго, не журнальный балластъ, но сочиненія, дышащія жизнью, самобытныя и увлекательныя! Онъ былъ столько же замѣчательный литераторъ, сколько замѣчательный критикъ. По таланту критика, у насъ до сихъ поръ никто не превосходилъ Бѣлинскаго; какъ литераторъ—онъ одинъ изъ лучшихъ писателей сороковыхъ годовъ».

Пріѣхавъ однажды въ первыхъ тридцатыхъ годахъ изъ Твери въ Москву, я хотѣлъ посѣтить Бѣлинскаго и узнать его домашнее житье-бытье. Онъ квартировалъ въ бель-этажѣ (слово было подчеркнуто въ его адресѣ), въ какомъ-то переулкѣ между Трубой и Петровкой. Красивъ же былъ его бель-этажъ! Внизу жили и работали кузнецы. Пробраться къ нему надо было по грязной лѣстницѣ; рядомъ съ его каморкой была прачешная, изъ которой безпрестанно неслись къ нему испаренія мокраго бѣлья и вонючаго мыла. Каково было дышать этимъ воздухомъ, особенно ему, съ слабой грудью! Каково было слышать за дверьми упоительную бесѣду прачекъ и подъ собой стукотню отъ молотовъ русскихъ циклоповъ, если не подземныхъ, то подпольныхъ! Не говорю о бѣднѣйшей обстановкѣ его комнаты, не запертой (хотя я не засталъ хозяина дома), потому что въ ней

нечего было украсть. Прислуги никакой; онъ ѣлъ, вѣроятно, го, что ѣли его сосѣдки. Сердце мое облилось кровью... я спѣшилъ бѣжать отъ смрада испареній, обхватившихъ меня и пропитавшихъ въ нѣсколько минутъ мое платье; скорѣй, скорѣй на чистый воздухъ, чтобы хоть нѣсколько облегчить грудь отъ всего, что я видѣлъ, что я прочувствовалъ въ этомъ убогомъ жилищѣ литератора, заявившаго Россіи уже свое имя!

Между разными средствами, которыя мы отыскивали съ Бѣлинскимъ, чтобы вывести его изъ этого ужаснаго положенія, придуманъ былъ одинъ и одобренъ нами: идти ему въ домашніе секретари къ одному богатому аристократу, страшному охотнику писать и печататься. Онъ извѣстенъ въ литературѣ подъ именемъ, помнится, Прутикова. Обязанности секретаря состояли также, какъ и прачекъ, въ томъ, чтобы чистить, штопать и выглаживать черное литературное бѣлье его превосходительства. Зато столъ, квартира, прислуга въ богатомъ домѣ и небольшое жалованье, чего же лучше! Дѣло было легко уладить Прутиковъ не разъ обращался ко мнѣ съ просьбой, по дружбѣ, взглянуть на его творенія и, если мнѣ не въ тягость, поправить кое-гдѣ грамматическія и другія погрѣшности Но когда догадался, что это занятіе не по мнѣ, сталъ уже просить меня пріискать ему въ помощники надежнаго студента. Подъ этотъ случай попался Бѣлинскій.

Вскорѣ онъ водворенъ въ аристократическомъ домѣ, пользуется не только чистымъ, но даже ароматическимъ воздухомъ, имѣетъ прислугу, которая летаетъ по его мановенію, имѣетъ хорошій столъ, отличныя вина, слушаетъ музыку разныхъ европейскихъ знаменитостей (одна дочь его прев-ва музыкантша), располагаетъ огромной библіотекой, будто собственной, однимъ словомъ—катался, какъ сыръ въ маслѣ. Но вскорѣ заходятъ тучи надъ этой блаженной жизнью. Оказывается, что за нее надо подчасъ жертвовать своими убѣжденіями, собственною рукой писать имъ приговоры,

дѣйствовать противъ совѣсти. И вотъ, въ одно прекрасное утро Бѣлинскій исчезаетъ изъ дома, начиненнаго всѣми житейскими благами, исчезаетъ съ своимъ добромъ, завязаннымъ въ носовой платокъ, и съ сокровищемъ, которое онъ носитъ въ груди своей. Его превосходительству оставлена записка съ извиненіемъ нижеподписавшагося покорнаго слуги, что онъ не сроденъ къ должности домашняго секретаря. Шаги его направлены къ такой же убогой квартиркѣ, въ какой онъ жилъ прежде. Голова его высоко поднята, глаза его смѣло смотрятъ въ небо. ни разу они, также какъ и сердце, не обратились назадъ къ великолѣпнымъ палатамъ, имъ оставленнымъ Онъ чувствуетъ, что исполнилъ *долгъ* свой.

Въ одномъ изъ уѣздовъ Тверской губерніи есть уголокъ (Пушкинъ нѣкоторое время жилъ близъ этихъ мѣстъ, у помѣщика Вульфа), на которомъ природа сосредоточила всю заботливую любовъ свою, украсивъ его всѣми лучшими дарами своими, какіе могла только собрать въ странѣ семимѣсячныхъ снѣговъ. Кажется, на этой живописной мѣстности рѣка течетъ игривѣе, цвѣты и деревья растутъ роскошнѣе, и болѣе тепла, чѣмъ въ другихъ сосѣднихъ мѣстностяхъ. Да и семейство, жившее въ этомъ уголкѣ, какъ-то особенно награждено душевными дарами. Зато какъ было тепло въ немъ сердцу, какъ умъ и талантъ въ немъ разыгрывались, какъ было въ немъ привольно всему доброму и благородному! Художникъ, музыкантъ, писатель, учитель, студентъ, или просто добрый и честный человѣкъ, были въ немъ обласканы равно, несмотря на состояніе и рожденіе. Казалось мнѣ, бѣдности-то и отдавали въ немъ первое мѣсто. Посѣтители его, всегда многочисленные, считали себя въ немъ не гостями, а принадлежащими къ семейству. Душою дома былъ глава его, патріархъ округа. Какъ хорошъ былъ этотъ величавый, слишкомъ семидесятилѣтній старецъ, съ непокидающею его улыбкой, съ бѣлыми, падающими на плечи волосами, съ голубыми глазами, не видящими, какъ

у Гомера, но съ душою, глубоко зрящею, среди молодыхъ людей, въ кругу которыхъ онъ особенно любилъ находиться и которыхъ не тревожилъ своимъ присутствіемъ. Ни одна свободная рѣчь не останавливалась отъ его прихода. Въ немъ забывали лѣта, свыкнувшись только съ его добротой и умомъ.

Онъ учился въ одномъ изъ знаменитыхъ въ свое время итальянскихъ университетовъ, служилъ не долго, не гонялся за почестями, доступными ему по рожденію и связямъ его, дослужился до неважнаго чина и съ молодыхъ лѣтъ поселился въ своей деревнѣ, подъ сѣнь посаженныхъ его собственною рукою кедровъ. Только два раза вырывали его изъ сельскаго убѣжища обязанности губернскаго предводителя дворянства и почетнаго попечителя гимназіи. Онъ любилъ все прекрасное, природу, особенно цвѣты, литературу, музыку и лепетъ младенца въ колыбели, и пожатіе нѣжной руки женщины, и краснорѣчивую тишину могилы. Что любилъ онъ, то любила его жена и пріятная женщина, любили дѣти, сыновья и дочери. Никогда семейство не жило гармоничнѣе.

Откуда, съ какихъ концовъ Россіи, не стекались къ нему посѣтители! Сюда, вмѣстѣ съ Станкевичемъ, Боткинымъ и многими другими даровитыми молодыми людьми (имена ихъ смѣшались въ моей памяти), не могъ не попасть и Бѣлинскій. Въ одинъ изъ послѣднихъ тридцатыхъ годовъ общество молодыхъ людей (въ томъ числѣ и Бѣлинскій), гостившихъ у моего сосѣда, въ уголку, мною описанномъ, посѣтило и меня на берегахъ Волги. Говорю объ этомъ случаѣ, потому что онъ, по многимъ причинамъ, оставилъ навсегда въ душѣ моей пріятное воспоминаніе. Это было го время, когда ученіе Гегеля сильно у насъ разгоралось когда адепты его ходили въ какомъ-то восторженномъ отъ него упоеніи до того, что вербовали въ его школу и стариковъ, и юношей, и дѣвицъ. Одинъ изъ нихъ даже писалъ къ молодой, прекрасной особѣ, къ которой былъ очень не-

равнодушенъ, посланія по эстетикѣ Гегеля. Онъ самъ гораздо позже надъ этимъ смѣялся. Сомнѣваться въ какомъ-нибудь началѣ учителя было преступленіемъ, тупоуміемъ; на профана смотрѣли съ какимъ-то сожалѣніемъ, если не съ пренебреженіемъ. Это юношеское увлеченіе было однакожъ не безполезно; оно много содѣйствовало развитію умственной дѣятельности молодого поколѣнія. Могъ ли Бѣлинскій, попавъ въ это общество, оставаться чуждымъ его разумному движенію? Но какъ онъ не твердъ былъ въ нѣмецкомъ языкѣ, то взялись посвящать его въ начала Гегеля молодые гегелисты, въ томъ числѣ Станкевичъ, изучившій глубже другихъ знаменитаго нѣмецкаго философа. За что брался съ охотой Бѣлинскій, за то принимался онъ съ жаромъ и всегда съ успѣхомъ. Такъ и въ настоящемъ случаѣ. Статьи его сороковыхъ годовъ, проникнутыя философіей Гегеля, это свидѣтельствуютъ.

«По переѣздѣ въ Петербургъ», говоритъ М. М. П., «Бѣлинскій тотчасъ отыскалъ меня. Тогдашніе петербургскіе журналисты сами страшно ругались, но проповѣдывали о приличіяхъ и умѣренности. Задѣтые, едва ли не всѣ, молодымъ бойцомъ, они находили особенное удовольствіе называть его недоучившимся студентомъ. Пріятель нашъ, А. Ѳ. Воейковъ, въ знаменитой своей сатирѣ, угощая тѣмъ и другимъ барона Брамбеуса, сказалъ, что этотъ писатель:

И Бѣлинскаго нахальство
Совмѣстилъ себѣ въ позоръ!

«Въ первыя пять или шесть лѣтъ жизни Бѣлинскаго въ Петербургѣ онъ посѣщалъ меня довольно часто. Споры у насъ случались безпрестанные. Онъ самъ любилъ поспорить Къ знакомымъ ходилъ онъ собственно для того, чтобъ отвесть душу въ разговорахъ о литературѣ. Когда съ нимъ никто не спорилъ, ему было скучно. Только во время споровъ онъ былъ въ своей тарелкѣ, настоящимъ Бѣлинскимъ, вторымъ томомъ своихъ сочиненій. При возраженіяхъ, или

даже слушая разговоры, не къ нему обращенные, но несогласные съ его убѣжденіями, онъ скоро приходилъ въ состояніе кипятка. Сначала говорилъ своимъ рѣшительнымъ, какъ бы разсерженнымъ тономъ, чѣмъ дальше, тѣмъ болѣе, горячился, почти выходилъ изъ себя, будто дѣло шло о жизни или смерти! Лицо его подергивалось судорогами... И всегда подверженный одышкѣ, онъ тутъ начиналъ каждый періодъ всхлипываніемъ: въ жаркихъ же спорахъ случалось, что одышка или кашель совсѣмъ прерывали его разговоры. Собираясь послѣ того съ силами, онъ то вставалъ и ходилъ по комнатѣ, то останавливался, скрестивъ руки на груди и устремивъ глаза въ того, съ кѣмъ говорилъ; потомъ опять разражался громовой рѣчью. Онъ не былъ ни шутливъ, ни остеръ въ смыслѣ веселости, но былъ жестоко-колокъ и грубо-правдивъ. Надобно признаться, что въ эти минуты онъ былъ хорошъ. Это былъ факиръ, или, нѣтъ, лучше того: это былъ жрецъ своего искусства! Обаятельное вліяніе его на другихъ было тѣмъ сильнѣе, что въ немъ не проглядывало ничего искусственнаго: все было одна натура, душа открытая, сердце чуждое всякаго лукавства.

«Споры литературные, въ которыхъ вольному воля, никогда не оканчивались у насъ размолвками. Иногда мы разставались, я нахмуренный, онъ вполнѣ взволнованный, но черезъ мѣсяцъ, черезъ два опять онъ звонилъ у моихъ дверей, и я опять встрѣчалъ его какъ гостя, по которомъ соскучился.

«Бѣлинскій умеръ въ бѣдности. Во все время литературнаго поприща онъ былъ поденщикомъ у журналистовъ. Нужда не даетъ соковъ, а высасываетъ ихъ, и человѣкъ горящій — не долго прогоритъ. Въ Бѣлинскомъ развилась злѣйшая чахотка»...

М. В. О., по выходѣ своемъ изъ А. московскаго института одною изъ лучшихъ его ученицъ, украшенная дарами природы и образованія, страстно любившая литературу, жила нѣсколько времени у меня въ домѣ въ Твери въ

1832 году, занимаясь воспитаніемъ моихъ племянницъ. Она носитъ имя Бѣлинскаго и можетъ гордиться имъ.

Вотъ все, что я могъ, съ помощью моего почтеннаго друга, собрать для біографіи Бѣлинскаго. Не мое дѣло критически разбирать произведенія его, какъ литератора, критика и публициста: другіе сдѣлаютъ это лучше меня и, вѣроятно, тѣмъ скорѣе, что не замедлится выходъ полнаго изданія его сочиненій. Если я въ этой статьѣ и говорилъ объ его литературныхъ заслугахъ, то дѣлалъ это мимоходомъ, невольно платя имъ дань отъ сердца, всегда любившаго Бѣлинскаго, — говорилъ только то, что служитъ ореоломъ его памяти, а другого я не находилъ что сказать.

Красное-сельцо.
Мартъ 1859 г.

НѢСКОЛЬКО ЗАМѢТОКЪ И ВОСПОМИНАНІЙ

по поводу статьи

«МАТЕРІАЛЫ ДЛЯ БІОГРАФІИ А. П. ЕРМОЛОВА».

Въ «Русскомъ Вѣстникѣ» помѣщенъ рядъ статей М. П. Погодина: «Матеріалы для біографіи А. П. Ермолова» — драгоцѣнные матеріалы, за которые нельзя не поблагодарить почтеннаго ихъ собирателя. Читая ихъ, переносишься мыслію и сердцемъ въ великую эпоху 1812—1815 годовъ, этотъ «вѣкъ богатырей», какъ назвалъ его нашъ знаменитый партизанъ и поэтъ Давыдовъ. Изъ плеяды личностей, блиставшихъ въ эту дивную эпоху, ярко выступаетъ А. П. Ермоловъ. Да, природа рѣдко создаетъ такихъ мужей, въ которыхъ богатырская наружность соединялась-бы съ такими богатырскими силами ума и духа, какими онъ былъ надѣленъ. Присоедините къ этому даръ слова, даръ обворожать своимъ обращеніемъ всѣхъ, кто къ нему приближался, и особенно своихъ подчиненныхъ «боевыхъ товарищей», какъ онъ ихъ называлъ. Подчиненныхъ — сказалъ я потому, что съ высшими онъ не умѣлъ ладить, вслѣдствіе ли своего характера, съ которымъ знакомятъ насъ статья Погодина и собственныя записки Ермолова (къ сожалѣнію, написанныя латинскимъ строемъ), или вслѣдствіе того, что его проницательный умъ быстро замѣчалъ чужія

ошибки и недостатки, скрывать которые онъ не считалъ нужнымъ, или вслѣдствіе врожденной его склонности къ сарказму, для успѣха котораго онъ пренебрегалъ иногда благоразуміемъ. Во всякомъ случаѣ, можно сказать, что въ его благородной натурѣ не было умѣнья *подлаживаться*.

Я сказалъ, что Ермоловъ имѣлъ даръ особенно привлекать своихъ подчиненныхъ. Только одного современнаго ему, также знаменитаго генерала, зналъ я съ подобнымъ даромъ:—это былъ Н. Н. Раевскій. Но у этого онъ выливался безразсчетно, отъ душевной доброты, а у Ермолова, можетъ-быть, и отъ расчетовъ ума. Алексѣй Петровичъ выигрывалъ въ этомъ отношеніи еще своимъ остроуміемъ. Извѣстно, что его остроты электрически расходились по арміи и пріобрѣтали ему не мало жаркихъ почитателей, особенно среди молодежи, но не мало и непримиримыхъ враговъ между тѣми, на кого были устремлены. Раевскій терялъ еще и тѣмъ, что, по разстройству слухового органа, не могъ надлежащимъ образомъ поддерживать разговоръ.

Въ должности адъютанта генерала Полуектова, котораго Ермоловъ любилъ за его умную, пріятную бесѣду, часто приправленную, съ грѣхомъ пополамъ, краснымъ словцомъ, я имѣлъ счастіе служить подъ начальствомъ Алексѣя Петровича во время походовъ 1814 и 15 годовъ, когда онъ командовалъ гренадерскимъ корпусомъ, и часто видѣлъ его въ офицерскомъ кругу. Здѣсь-то, душою весь нараспашку, онъ очаровывалъ своихъ сослуживцевъ простотой и любезностью обращенія; здѣсь не было чиновъ, и офицеры, забывая ихъ, никогда, однакожъ, не забывали, что находятся передъ Ермоловымъ, къ которому привыкли питать глубокое уваженіе, благоговѣйную любовь и преданность.

Армія наша была только въ нѣсколькихъ лье отъ Парижа. Расположась въ какой-то крестьянской избушкѣ на ночлегъ, закусивъ чѣмъ попало и завернувшись въ походную шинель, я только-что хотѣлъ предаться сну, какъ услыхалъ зловѣщій сборъ. Что за притча? подумалъ я. Ужъ

не сдѣлалъ ли непріятель нечаяннаго нападенія на насъ? Не сыгралъ ли Наполеонъ одну изъ своихъ смѣлыхъ стратегическихъ штукъ, которыми изумлялъ насъ въ пароксизмахъ своего генія послѣ Бріеннскаго дѣла? Такъ, онъ отхватилъ цѣлый отрядъ нашъ, покоившійся въ объятіяхъ обломовщины, съ генералами [1]), пушками и знаменами, выставленными потомъ въ торжественной процессіи на потѣху Парижанъ. Но насъ успокоивала мысль, что съ нами цѣлая армія, что въ средѣ ея самъ Государь и блюдетъ ее своими зоркими очами. На этотъ разъ мы узнали, что Наполеонъ очутился позади нашей арміи, чтобъ оттянуть ее отъ Парижа къ Рейну. Въ первые часы тревоги, произведенной этимъ отчаяннымъ маневромъ, намъ велѣно было отступать. Но это движеніе продолжалось только нѣсколько дней. Скоро въ военномъ ареопагѣ, благодаря совѣту князя П. М. Волконскаго и энергической волѣ Государя, рѣшено было не поддаваться на удочку, закинутую ловкимъ рыбакомъ, а идти твердо, всѣми силами, на столицу Франціи. Ему оставленъ на приманку немногочисленный отрядъ, который своими усиленными бивуачными огнями долженъ былъ представить декорацію большого корпуса, готоваго дать непріятелю сраженіе. Пока происходили въ главной квартирѣ совѣщанія и сдѣланы распоряженія, мы ночью шли скорымъ маршемъ на попятную. Что это за смутная, тяжелая ночь была! Солдаты, не успѣвшіе отдохнуть отъ дневного похода, падали полусонные въ сомкнутыхъ колоннахъ, офицеры, будто опьянѣлые, ныряли на своихъ лошадяхъ.

Солдатамъ вообще на походѣ надоѣдали экипажи сановниковъ, особенно не боевыхъ, для которыхъ надо было разступаться цѣлымъ колоннамъ корпусовъ. При этомъ про-

---

[1]) Здѣсь взятъ въ плѣнъ генералъ-маіоръ Константинъ Марковичъ Полторацкій. Въ изданной имъ брошюрѣ онъ описалъ разговоръ свой съ Наполеономъ и свой плѣнъ.

исходили смѣшныя вещи. Напримѣръ: ѣдетъ маркитантъ главной квартиры, а командиръ гвардейскаго корпуса Лавровъ, не разслышавъ хорошо, скомандуетъ: «раздайся! адъютантъ главной квартиры!» И колонны раздаются, сопровождая хохотомъ маркитанта въ его торжественной колесницѣ. Надо прибавить, что къ лишенію сна примѣшивалось неудовольствіе на отступленіе, котораго не любитъ русскій солдатъ. Извѣстно, какимъ тяжелымъ, незаслуженнымъ укоромъ пало оно на голову великаго полководца, который передъ русскимъ людомъ виноватъ былъ только въ томъ, что носилъ нѣмецкую фамилію и не хотѣлъ драться во что бы ни стало, а передъ нѣкоторыми насмѣшниками въ томъ, что не чисто изъяснялся по-французски. Вотъ мы и плетемся въ сумракѣ ночи по большой дорогѣ опять къ Труа. Что до меня, отъѣдешь нѣсколько десятковъ саженъ впередъ колонны своего корпуса, слѣзешь съ лошади, присядешь близъ дороги, крѣпко обхвативъ поводья, и погрузишься въ судорожную дремоту. Дремлешь, а чуткое ухо насторожѣ. Услышишь, что шумъ шаговъ слабѣетъ, встрепенешься... идетъ арьергардъ. Опять на коня, и опять принимаешься за тотъ же маневръ. Отошли мы нѣсколько лье назадъ и стали на обѣтованные бивуаки. Какіе-то огромные сараи промелькнули въ глазахъ, и черезъ пять, десять минутъ ихъ не стало. Они пошли на дрова. Таковы неминуемыя слѣдствія войны. Между тѣмъ, въ русской арміи соблюдалась строжайшая дисциплина; за мародерство въ непріятельской землѣ солдатъ примѣрно наказывался. Подъ Бріенномъ при мнѣ разстрѣляны были за неважное похищеніе собственности у крестьянина — артиллеристъ и казакъ. Помню, какъ у солдатъ, отряженныхъ отъ каждаго полка арміи, неустрашимыхъ въ дѣлахъ съ непріятелями, дрожали руки, когда они стрѣляли въ своего товарища, за нѣсколько часовъ стоявшаго въ ихъ рядахъ.

. . . . . .

Тутъ же разстрѣлянъ былъ и меръ, за возбужденіе кресть-

янъ своей деревни къ какому-то партизанскому нападенію на нашихъ, которое не удалось, но могло бы имѣть для насъ дурныя послѣдствія, послуживъ опаснымъ примѣромъ для другихъ подобныхъ проявленій. До сихъ поръ слышу раздирающія душу слова; произнесенныя имъ, когда нашъ русскій священникъ напутствовалъ его въ жизнь вѣчную: «ma pauvre femme, mes pauvres enfants!..»

. . . . . .

Вообще, прибавлю кстати, народная война во Франціи, по тогдашнему настроенію французовъ и, какъ я сказалъ, вслѣдствіе строгой дисциплины въ русскомъ войскѣ, не имѣла малѣйшаго успѣха, несмотря на желаніе Наполеона затѣять ее. Намъ случалось въ-одиночку ѣхать по глухимъ мѣстамъ и сталкиваться съ толпою рабочихъ, и никто насъ не только-что не тронулъ, но даже не оскорбилъ словомъ. Дрались арміи, народъ былъ въ сторонѣ. Противопоставьте нашествіе французовъ на русскую землю въ двѣнадцатомъ году. Не мстили мы теперь за тогдашнія оскорбленія ихъ, не ставили конюшень въ церквахъ, не предавались грабежу. До чего личность каждаго мирнаго гражданина была уважаема, приведу одинъ случай изъ многихъ подобныхъ, прося извиненія у моихъ читателей, что отвлекаюсь безпрестанно отъ главнаго предмета моей статьи. Мы остановились въ какой-то французской деревнѣ подъ Ножаномъ на ночлегъ. Капитану нашего полка отвели вмѣстѣ со мною квартиру. Въ одной изъ комнатъ стояла постель подъ ситцевымъ пологомъ, съ мягкою периной, чистымъ бѣльемъ и одѣяломъ.

— Славно же я послужу нынѣшнюю ночь Храповицкому,— сказалъ капитанъ, и раздѣвался уже, чтобы возлечь на привлекательномъ ложѣ, какъ вошелъ хозяинъ дома, крестьянинъ, и разгорячившись объявилъ, что на этой постелѣ спитъ обыкновенно его мать-старушка, и онъ не позволитъ никому лечь на ней. Русскій варваръ крякнулъ только и приказалъ устроить себѣ постель изъ соломы на

полу. Спрашиваю, сдѣлалъ ли бы это непріятель-французъ въ Россіи?

Возвращаюсь къ главному предмету моего разсказа.

Зажглись на бивуакѣ безконечные костры, и среди нихъ задвигались тысячи темныхъ фигуръ, разлился гулъ говора. Передаю лошадь свою Ларивону, бывшему нѣкогда моимъ дядькою, а тогда исполнявшему при мнѣ должность деньщика. Спѣшу броситься на клокъ сѣна и, убаюканный расходившимся отъ качки на лошади волненіемъ крови, погружаюсь въ глубокій сонъ. Шекспировъ Ричардъ отдавалъ полцарства за коня, а я не взялъ бы тогда полцарства за этотъ сонъ. Увы! только минутъ пять, десять наслаждаюсь имъ. Раздаются вдоль бивуака оклики: «адъютанта такого-то!» ходятъ отъ одного разстоянія къ другому, ближе и ближе, наконецъ, почти надъ самымъ моимъ ухомъ. Слышу сквозь сонъ свое имя, но не шевелюсь. Кто-то меня немилосердно толкаетъ, говоритъ, что меня требуютъ къ моему генералу. Сталъ я на ноги. Передо мною длинное, предлинное привидѣніе — солдатъ вѣстовой съ словами:

— Пожалуйте, ваше благородіе, къ генералу.

— Куда? — спрашиваю.

— Въ деревню, недалеко, рукой махнуть. Онъ у Ермолова. Темненько; извольте за меня держаться.

Иду машинально, ухватясь за рукавъ моего вожатаго.

Вошли въ какую-то каменную ограду.

— Поосторожнѣе, говоритъ мой проводникъ, не наткнитесь на мертвое тѣло... Было здѣсь сраженіе, не успѣли зарыть убитыхъ.

Дѣйствительно, тутъ было сраженіе (вчера, третьяго дня — не помню хорошо мѣста и числа). Зарево бивуака освѣтило передо мною два-три бѣловосковые лика воиновъ, честно павшихъ, но лишенныхъ честнаго погребенія.

Покойный Ѳаддей Венедиктовичъ Булгаринъ въ своихъ «Воспоминаніяхъ» говоритъ, что, ночуя на мѣстѣ сраженія,

онъ положилъ себѣ подъ голову, вмѣсто подушки, убитаго непріятеля. Признаюсь, у меня не достало бы такого хладнокровія.

Да вѣдь Ѳаддей Венедиктовичъ былъ во всѣхъ случаяхъ не чета другимъ,— герой!

Подходимъ къ крестьянскому домику, входимъ во дворъ. На дворѣ множество лошадей, ни одного экипажа, около нихъ вьюки, сѣдла и, ближе къ воротамъ, оселъ съ двумя плетеными корзинами по бокамъ. Въ одной, свернувшись калачикомъ, спитъ безмятежнымъ сномъ ребенокъ; на землѣ, около него, сидитъ мужчина лѣтъ сорока, въ синей холщевой блузѣ, усердно уплетающій куски мяса, распластанные на огромномъ ломтѣ бѣлаго хлѣба.

— Какъ ты сюда попалъ, Антуанъ? — спрашиваю блузника.

Mon commendant (такъ называлъ онъ генерала Полуектова),—отвѣчалъ мнѣ блузникъ, не забывъ приложить руку къ козырку замасленнаго картуза, — представилъ меня генералу Ermolo, и вотъ я, накормивъ и убаюкавъ mon petit morveux, по милости ихъ excellences, подкрѣпляю свои силы отъ щедрой ихъ трапезы. Выкинулъ же le corsicain подъ конецъ своихъ подвиговъ штуку, чтобъ ему...

И посыпалась крупная брань на Бонапарта, осмѣлившагося потревожить блузника въ его путешествіи къ Парижу. А на брань французы большіе мастера, хоть и уступаютъ въ этомъ художествѣ русскимъ.

Кто такой былъ Антуанъ, никто у насъ не зналъ; знаю только, что онъ не имѣлъ крова и за душою ни одного су, недавно овдовѣлъ, на походѣ подъ Труа присталъ съ своимъ двухлѣтнимъ сынишкомъ и осломъ къ московскому гренадерскому полку, которымъ командовалъ Полуектовъ, и состоялъ подъ его особеннымъ покровительствомъ. Въ русскомъ войскѣ онъ находился какъ въ своей семьѣ, а ребенокъ его, вскорѣ баловень полка, такъ привыкъ къ нашимъ офицерамъ и солдатамъ, что охотно ходилъ къ нимъ на руки.

При второмъ нашемъ приближеніи къ Парижу онъ исчезъ съ своимъ сынишкомъ и осломъ.

Антуанъ говорилъ, что еслибы не связывалъ его ребенокъ, котораго онъ страстно любилъ, и еслибы не сестра, ожидавшая его въ Парижѣ, такъ ушелъ бы съ ними въ Россію. И въ самомъ дѣлѣ ушелъ бы тогда.

Французъ отъ природы простодушенъ, легковѣренъ, идетъ скоро на ласку, скоро дружится, особенно съ русскими, къ тому жъ авантюристъ и космополитъ. Его отечество тамъ, гдѣ ему хорошо. Антуану нужно было пробраться къ сестрѣ въ Парижъ, и вотъ онъ на первый ласковый звукъ французской рѣчи въ русскомъ войскѣ пробирается туда съ сынишкомъ среди непріятелей-варваровъ, которые, какъ разглашали бюллетени, разсыпанные по деревнямъ, пожираютъ маленькихъ дѣтей. Когда мы выходили изъ Парижа, не было отбою отъ французиковъ, просившихся съ нами въ нашу гиперборейскую страну. Я и братъ мой взяли съ собою по мальчику лѣтъ 11 — 15. Мой накопилъ нѣсколько сотъ франковъ, и съ этимъ богатствомъ возвратился во-свояси, братнинъ остался въ Россіи, гдѣ своимъ хорошенькимъ личикомъ сдѣлалъ себѣ блестящую карьеру... (vive les dames russes)! Чтобы довершить характеристику французовъ, скажу, что нѣтъ народа славолюбивѣе. Во время похода мы квартировали въ французскихъ деревняхъ и особенно подъ Лангромъ стояли нѣсколько дней (кажется, во время какого-то перемирія), даже катались на импровизованныхъ саняхъ по обыденному снѣгу, который будто съ собою нанесли, и ходили съ скороспѣлыми пріятелями-французами охотиться на кабановъ (замѣтьте, въ военное время, на непріятельской землѣ). Въ этихъ деревняхъ мы были свидѣтелями, какъ отцы и матери горько плакали и осыпали проклятіями императора за то, что велъ дѣтей ихъ на ежедневную бойню: мы слышали, какъ роптали мужички, конскрипты, отправляясь въ ряды военные. И чтожъ? при первомъ смотрѣ *маленькаго капрала* тѣ же отцы и матери

осушали свои слезы и съ гордостью глядѣли на своихъ дѣтей въ военномъ строю — будущихъ маршаловъ; тѣ же конскрипты-мужички, очарованные магическимъ взглядомъ и словомъ геніальнаго полководца, клялись умереть за него.

Вхожу въ избушку, ярко освѣщенную. На пышномъ соломенномъ ложѣ, разостланномъ на полу, расположилось въ разныхъ позахъ цѣлое общество генераловъ, штабъ- и оберъ-офицеровъ и между ними Алексѣй Петровичъ Ермоловъ. Еслибъ я не видалъ его лица, то могъ бы узнать его по огромной, львиной головѣ. Сюртукъ его нараспашку, на широкой груди виситъ наперсный крестъ съ ладанкой, въ которой зашитъ псаломъ: «Живый въ помощи Вышняго» — благословеніе отцовское. Съ этимъ талисманомъ онъ никогда не разстается, съ нимъ онъ носится въ бою, какъ будто окрыленный силами небесными. Тутъ же и генералъ мой.

— А вотъ и свидѣтель, — сказалъ А. П., коварно мигнувъ сидѣвшему подлѣ него (помнится) Дамасу [1]), потомъ, обращаясь ко мнѣ, прибавилъ: — извини, что мы тебя потревожили. Надо тебя предупредить, что ты призванъ сюда не по службѣ, и потому, *птенецъ,* садись или ложись между нами, какъ тебѣ лучше.

Когда я усѣлся на мѣсто, которое мнѣ очистили двое изъ собесѣдниковъ, генералъ мой началъ передавать мнѣ пресмѣшной, но невѣроятный анекдотъ, котораго я будто бы былъ свидѣтелемъ.

— Могу только сказать, — отвѣчалъ я, — что моей личности при этомъ случаѣ не было.

— Вспомни хорошенько, мой золотой, — началъ убѣждать меня Полуектовъ: — это было тамъ-то, въ такой-то день и т. д.

— Вспомните, генералъ, — отозвался я, — что я поступилъ къ вамъ въ адъютанты, когда полкъ со всею арміей

---

[1]) Впослѣдствіе министръ Карла X.

перешелъ уже черезъ Рейнъ, а случай, о которомъ вы говорите, былъ до перехода этого, и я находился тогда на пути изъ Мекленбурга.

— Ну, такъ виноватъ, — сказалъ Б. В.: — это было навѣрно при полковомъ адъютантѣ.

Полуектовъ былъ благороднѣйшій и добрѣйшій изъ смертныхъ и въ жизнь свою ни на кого не сердился, тѣмъ менѣе на меня. Надо замѣтить, что въ анекдотахъ его было много ума и нисколько оскорбительнаго злословія.

Кончилась эта исторія тѣмъ, что всѣ отъ души смѣялись, въ томъ числѣ и самъ виновникъ смѣха. Разговоръ обратился на другой предметъ. Долго еще сыпались анекдоты, остроты, пока хозяинъ не сказалъ, что пора на покой.

Но я по-стариковски заболтался и невольно отдалился отъ статьи М. П. Погодина; обращаюсь къ ней.

Онъ предлагаетъ только матеріалы, которые, прежде чѣмъ попасть въ исторію, должны пройти сквозь вѣялку критики. Не мое дѣло и не по моимъ способамъ писать имъ полный критическій разборъ. Но долгъ каждаго человѣка, который былъ свидѣтелемъ эпохи и зналъ людей, изъ ней описываемыхъ, обязанъ сказать то, что ему объ нихъ извѣстно, если онъ мало-мальски владѣетъ перомъ. И потому я буду говорить только то, что имѣлъ случай знать объ нихъ. Многоуважаемый мною авторъ статьи извинитъ меня, если я какъ-нибудь, ради истины, найду его лично виноватымъ передъ судомъ исторіи за то, что онъ, хоть и со словъ другихъ, помѣстилъ въ своей статьѣ нѣкоторыя невѣрности. Онъ могъ бы ихъ избѣгнуть, еслибы слегка бросилъ на матеріалы, въ ней помѣщенные, критическій взглядъ. Кстати я коснусь записокъ Ермолова и Давыдова. Я долженъ также признаться, что главнымъ побужденіемъ моимъ писать о статьѣ Погодина было желаніе защитить память одного изъ замѣчательныхъ дѣятелей великой эпохи,—память, оскорбленную несправедливыми и невѣрными

отзывами о немъ, помѣщенными въ матеріалахъ. Итакъ, къ дѣлу.

Въ статьѣ Погодина я прочелъ, что Ермоловъ, въ царствованіе императора Павла Петровича, былъ сосланъ вмѣстѣ съ Платовымъ въ Кострому. При этомъ случаѣ я вспомнилъ разсказъ одного костромскаго старожила, переданный мнѣ лѣтъ двадцать тому назадъ и обрисовывающій характеръ Алексѣя Петровича. Вотъ что онъ мнѣ разсказывалъ.

Когда Ермоловъ, въ чинѣ подполковника, жилъ въ ссылкѣ въ Костромѣ, онъ въ зимнее время возилъ на салазкахъ для своей хозяйки, старушки-мѣщанки, у которой квартировалъ и которая любила его какъ сына, воду въ ушатѣ или кадкѣ съ рѣки, по обледенѣлой горѣ. Иногда присаживался на салазки мальчуганъ, внучекъ хозяйки.

Еслибъ я былъ художникъ, я написалъ бы будущаго главнокомандующаго на Кавказѣ въ этомъ видѣ. Можно было бы прибавить, для полноты картины, старичка мѣщанина, благоговѣйно скинувшаго передъ нимъ шапку, и хозяйку, радостно встрѣчающую поѣздъ у воротъ своего дома. Ближе къ главному лицу, для болѣе полной характеристики его, я помѣстилъ бы двухъ пригожихъ, съ веселыми лицами, костромитянокъ, которыя, неся ведра съ водою на коромыслахъ, посылаютъ молодому офицеру привѣтствіе рукою.

Въ запискахъ Ермолова сказано:

«Въ ночи на третьи сутки, въ Витебскѣ [1]), главнокомандующій согласился послать корпусъ пѣхоты и нѣсколько

---

[1]) Витебскъ замѣчателенъ особенно своимъ, такъ-называемымъ, дворцомъ. Во время похода 1812 года въ немъ квартировалъ Наполеонъ и съ балкона его дѣлалъ смотръ своей гвардіи, дефилировавшей передъ нимъ на площадкѣ, довольно безобразной. Въ этомъ домѣ скончался великій князь Константинъ Павловичъ. Окрестности полны воспоминаній славной эпохи.

кавалерійскихъ полковъ на встрѣчу непріятелю по лѣвому берегу Двины. Я предложилъ генералъ-лейтенанта графа Остермана, *блистательную репутацію въ прошедшую войну сдѣлавшаго* и извѣстнаго *упорствомъ* въ сраженіи. Надобенъ былъ генералъ, который бы дождался силъ непріятеля и онѣ его *не устрашили*».

Только-то, чтобы *не устрашили*? Подобныхъ генераловъ было у насъ довольно. Назначая генерала съ большимъ корпусомъ на такое важное дѣло, главнокомандующій, конечно, имѣлъ въ немъ въ виду качества болѣе важныя, нежели одна неустрашимость. Замѣтьте слова, мною нарочно подчеркнутыя; они пригодятся намъ въ другомъ мѣстѣ.

Я имѣлъ въ рукахъ своихъ подлинную записку, вѣроятно, дополнительную къ приказу главнокомандующаго, написанную по этому случаю и подписанную начальникомъ штаба Ермоловымъ. Къ сожалѣнію, она у меня затерялась. Помню только, что она написана была на четвертушкѣ листа прекраснымъ, четкимъ почеркомъ, краснорѣчиво, хотя и безъ обилія словъ, и въ очень лестныхъ для графа выраженіяхъ. Въ ней сказано было, что главнокомандующій, поручая ему это дѣло, не даетъ никакой особенной инструкціи, увѣренный, что если сказано ему удержать или разбить непріятеля, то это будетъ исполнено.

«Таковъ былъ Остерманъ, — продолжаетъ Ермоловъ въ своихъ запискахъ, — и онъ пошелъ съ 4-мъ корпусомъ! Въ двѣнадцати верстахъ встрѣтилъ онъ небольшую часть непріятельскихъ передовыхъ войскъ и преслѣдовалъ ихъ до мѣстечка Островно. Здѣсь предстали ему силы непріятельскія превосходныя и дѣло началось жарчайшее... Ночь прекратила сраженіе... Уронъ съ обѣихъ сторонъ былъ весьма значущій... и проч.».

Къ этому описанію прибавлю: здѣсь графу Остерману-Толстому надо было, имѣя противъ себя двойныя силы, особенно на первыхъ порахъ кампаніи, отстоять честь русскаго оружія. Это дѣло, въ арміи Барклая, было почти

одновременно съ Дашковскимъ въ арміи Багратіона, гдѣ, говоря словами Ермолова, «Раевскій, съ малыми силами, въ сравненіи съ непріятельскими, употребилъ и распорядительность (здѣсь ужъ и распорядительность), ему свойственную, и храбрость, его отличавшую: взявъ знамя, онъ пошелъ въ головѣ колонны, ведя за собою двухъ сыновей, изъ коихъ одному было не болѣе одиннадцати лѣтъ». (Въ сраженіи подъ Парижемъ я видѣлъ одного изъ нихъ, помнится, въ егерскомъ мундирѣ, лѣтъ четырнадцати или пятнадцати, и любовался, какъ этотъ стройный, красивый мальчикъ весело разъѣзжалъ въ свитѣ нашего дивизіоннаго генерала Паскевича по цѣпи стрѣлковъ). Здѣсь, говорю, надо было графу Остерману-Толстому *искусною распорядительностью* [1]) и неустрашимостью, особенно на первыхъ порахъ кампаніи, отстоять честь русскаго войска, и онъ ее отстоялъ. Когда въ самомъ пылу сраженія отъ разныхъ подчиненныхъ ему начальниковъ прискакивали къ нему адъютанты съ донесеніемъ, что ряды наши рѣдѣютъ болѣе и болѣе и едва держатся подъ смертоноснымъ огнемъ, и спрашивали, что онъ прикажетъ дѣлать,— онъ отвѣчалъ только: «стоять и умирать!» И стояли русскіе воины, и умирали, ограждая своими тѣлами безопасность движеній цѣлой арміи Барклая, которой надо было, чего бы ни стоило, соединиться съ арміей Багратіона. Этотъ лаконическій отвѣтъ, извѣстный всей русской арміи, къ сожалѣнію, почему-то не попалъ въ матеріалы Погодина. Ему далъ однакожъ почетное мѣсто военный историкъ Богдановичъ въ своемъ описаніи «Отечественной войны». Онъ напомнилъ мнѣ другой, подобный отвѣтъ графа. Когда въ одномъ военномъ обществѣ разсказывали о какомъ-то геройскомъ подвигѣ, и разсказчикъ прибавилъ: это подвигъ, достойный римлянина, — графъ возразилъ съ неудовольствіемъ: «*почему же не русскаго*»?

---

[1]) Коповницынъ говоритъ о ней (стр. 108 «Исторія Отечественной войны» Богдановича).

Въ статьѣ Погодина на стр. 198 и 199 выписано изъ Давыдова:

«Фигнеру не удалось перейти Лужу, тщательно охраняемую непріятельскими пикетами. Сеславинъ успѣлъ перейти рѣку и приблизился къ Боровской дорогѣ. Здѣсь, оставивъ свою партію, онъ пѣшкомъ (замѣтьте, *пѣшкомъ*) пробрался до Боровской дороги сквозь лѣсъ, на которомъ было еще немного листьевъ. Достигнувъ дороги, онъ увидалъ *глубокія непріятельскія колонны*, слѣдовавшія одна за другою къ Боровску; онъ замѣтилъ самого Наполеона, окруженнаго своими маршалами и гвардіей. *Неутомимый и безстрашный Сеславинъ* (кстати замѣтимъ, эти эпитеты повторяются до приторности, когда самый подвигъ показываетъ качества лица, его совершившаго, иногда не кстати, какъ мы увидимъ), выхвативъ (слушайте! слушайте!) изъ колонны старой гвардіи унтеръ-офицера, связалъ его, перекинулъ черезъ сѣдло и быстро направился къ корпусу Дохтурова».

Воля ваша, это было какъ-нибудь не такъ. Въ противномъ случаѣ, подвигъ Сеславина можетъ стать на ряду съ сказочными Еруслана Лазаревича. Какъ, пѣшкомъ вторгнуться въ колонны наполеоновской гвардіи, выхватить изъ нихъ унтеръ-офицера (должно предполагать, дотащить его до своей лошади), перекинуть черезъ сѣдло и ускакать съ съ своей добычей? И гвардейскій унтеръ-офицеръ, который, конечно, былъ не малаго десятка и не трусъ, сверхъ того не безоружный, такъ-таки далъ себя выхватить изъ колонны и связать, не защищаясь, и ротозѣи-товарищи не двинулись на защиту его? Замѣтьте, Сеславинъ все это совершилъ въ виду Наполеона и маршаловъ его. Это невѣроятно, даже еслибы нашъ партизанъ былъ Голіафъ и на лошади. Позвольте, многоуважаемый мною М. И., упрекнуть васъ за то, что вы не остереглись помѣстить это миѳическое сказаніе. Оно не пройдетъ въ исторію, даже подъ щитомъ имени Давыдова. Статья ваша, богатая драгоцѣнными

матеріалами, могла бы обойтись безъ всякаго балласта. Ермоловъ въ своихъ запискахъ говоритъ только (стр. 217):

«Ночью, на полѣ, сталкиваюсь вдругъ съ Сеславинымъ... Скрывъ въ лѣсу свою партію, онъ, въ четырехъ верстахъ отъ села Ѳоминскаго, осмотрѣлъ шедшія непріятельскія войска, которыя состояли изъ всей пѣшей и конной гвардіи Наполеона и изъ всего корпуса маршала Нея. Схваченные имъ нѣсколько человѣкъ показали и пр.».

Вѣроятно, онъ это совершилъ уже съ своею партіей и надъ одиночными солдатами, отсталыми или отдалившимися въ сторону отъ своихъ колоннъ...

Такъ и есть. По написаніи этихъ строкъ я прочелъ въ описаніи войны 1812 года Богдановича слѣдующій разсказъ объ этомъ событіи:

«Партизанъ Сеславинъ донесъ, что онъ, укрывшись въ лѣсу, не доходя Ѳоминскаго 4 версты, видѣлъ Наполеона со всею его свитой и также французскую гвардію и другія войска въ значительномъ числѣ. Пропустивъ ихъ мимо *своего отряда*, Сеславинъ захватилъ нѣсколько *отсталыхъ* гвардейцевъ и привезъ съ собою одного изъ нихъ, расторопнаго унтеръ-офицера».

Вотъ это ужъ не сказки!

Оборачиваніе листовъ съ повѣркою ихъ въ иной книгѣ бываетъ очень потѣшно. На такой-то страницѣ одинъ человѣкъ представляется чернымъ, на такой-то бѣлымъ, смотря по отношенію лицъ къ этому человѣку. Отсюда легко вывести характеристику этихъ лицъ.

На страницѣ 131, въ примѣчаніи сказано:

«Графъ Аракчеевъ, узнавъ о назначеніи Ермолова начальникомъ главнаго штаба, сказалъ ему: «вамъ, *какъ человѣку молодому*, предстоитъ много хлопотъ: Михаилъ Богдановичъ весьма дурно изъясняется и много не досказываетъ, а потому вамъ надо *стараться* (?) понимать его и *дополнять его распоряженія своими собственными* (?)».

И это говорилъ Аракчеевъ, строжайшій формалистъ и

блюститель дисциплины? Оборотите нѣсколько листовъ назадъ, и вы увидите, что тотъ же Аракчеевъ на каждомъ шагу старался вредить Ермолову. Оборотите листы впередъ, и вы прочтете у Давыдова:

«Доблестный и величественный (?) Барклай (въ военномъ совѣтѣ подъ Москвою), *превосходно изложивъ* въ краткихъ словахъ матеріальныя средства Россіи, кои ему *лучше всѣхъ* были извѣстны, требовалъ, чтобы Москва отдана была безъ боя».

Видно, Барклай умѣлъ говорить, когда нужно было и, хотя *нѣмецъ*, зналъ лучше другихъ русскихъ средства Россіи. Одинъ Государь Александръ Павловичъ умѣлъ тогда угадать его достоинства и оцѣнить заслуги, какъ вождя арміи, въ такое тяжкое для Россіи время и, только уступая народному голосу, замѣнилъ его Кутузовымъ.

Ермоловъ, описывая бородинское дѣло, говоритъ:

«Когда начальствующій корпусомъ, генералъ-лейтенантъ князь Горчаковъ, получилъ рану, и корпусъ его приведенъ былъ въ разстройство, приспѣвшій со 2-ю гренадерскою дивизіей на помощь войскамъ, ослабѣвшимъ отъ защиты укрѣпленій, генералъ-маіоръ принцъ Мекленбургскій остановилъ успѣхи непріятеля, но вскорѣ былъ раненъ».

Да, въ этомъ дѣлѣ, какъ и во многихъ другихъ, гренадеры покрыли себя славой. Офицеры московскаго гренадерскаго полка, въ который я поступилъ съ начала моей службы, разсказывали мнѣ, что въ концѣ Бородинскаго сраженія командовалъ полкомъ капитанъ, потому что всѣ высшіе офицеры были перебиты. Вѣроятно, то же было въ нѣкоторыхъ другихъ полкахъ, представлявшихъ и долго послѣ того одни кадры.

Когда московскій гренадерскій полкъ, въ началѣ 1813 г., проходилъ въ Плоцкѣ церемоніальнымъ маршемъ мимо Государя, смотрѣвшаго на него изъ оконъ своей квартиры, его величество изволилъ замѣтить Кутузову нѣкоторыя неисправности въ полку. Въ самомъ дѣлѣ, смѣшно было ли-

цамъ, привыкшимъ къ отличной обмундировкѣ и выправкѣ лучшихъ солдатъ, смотрѣть на нихъ въ мундирахъ обожженныхъ, съ заплатами, отвыкшихъ отъ церемоніальнаго марша для боевого. Офицеры, тѣмъ болѣе я, новичокъ, никогда не искусившійся въ наукѣ маршировки, сбивались съ ноги. Кивера у многихъ изъ насъ были солдатскіе, сабли мѣдныя. На всѣ замѣчанія Государя, фельдмаршалъ отзывался только: «Славно дерутся, ваше величество, отличились тамъ-то и такъ-то».

Принцъ Мекленбургскій Карлъ поѣхалъ лечиться во Владиміръ, гдѣ въ то же время находился раненый графъ Воронцовъ, со множествомъ искалѣченныхъ въ Бородинскомъ дѣлѣ офицеровъ, которыхъ онъ щедро содержалъ на свой счетъ.

Мать нынѣшняго гроссъ-герцога Мекленбургъ-Шверинскаго и сестра императрицы Александры Ѳедоровны, когда я имѣлъ честь, во время ея пріѣзда въ Москву, представляться ей, какъ бывшій адъютантъ принца Карла, смѣясь разсказывала мнѣ, какъ онъ, бывало, покажетъ ей то лѣкую руку, въ которую былъ раненъ подъ Бородинымъ, то правую...

Можно судить поэтому, какъ тяжела была рана и съ какимъ тевтонскимъ мужествомъ онъ ее перенесъ. Принцъ былъ добрый человѣкъ, болѣе ничего въ его похвалу не могу сказать. Играя въ карты, онъ проигрывалъ не только свои наличныя деньги, но и драгоцѣнныя вещи; выпивши два—три бокала шампанскаго, скоро ослабѣвалъ . . . . Послѣ перемирія, передъ самымъ Кульмскимъ дѣломъ, ему велѣно было ѣхать въ армію кронпринца шведскаго Бернадотта, но какъ онъ не получилъ тамъ никакого назначенія, то дали ему отпускъ на родину. Онъ было попытался явиться въ русскую армію близъ Рейна, но это была его послѣдняя попытка...

А. П. Ермоловъ упоминаетъ въ своихъ запискахъ (стр. 208), что 22-го сентября военный министръ Барклай-де-Толли оставилъ армію и поѣхалъ къ Калугу и далѣе.

Я имѣлъ случай видѣть Барклая-де-Толли 23-го или 24-го сентября на первой станціи отъ Коломны въ Рязань и описалъ этотъ случай въ статьѣ: «Новобранецъ 1812 года». Полагаю, что не будетъ лишнимъ помѣстить здѣсь это описаніе.

«Недалеко отъ почтовой станціи расположили мы свой таборъ для полдневанія. Раскинутыя по лугу безчисленныя палатки, табунъ коней, оглашающій воздухъ своимъ ржаніемъ, стаи гончихъ и борзыхъ, съ которыми помѣщики въ своемъ бѣгствѣ отъ непріятеля не могли разстаться, зажженные костры, пестрота возрастовъ и одеждъ, немолчное движеніе, — все это представляло живописное зрѣлище, но могло ли это зрѣлище въ тогдашнихъ обстоятельствахъ радовать насъ? Я пошелъ съ нѣсколькими помѣщиками и купцами прогуляться по деревнѣ. Когда мы подходили къ станціонному дому, возлѣ него остановилась колясочка, она была откинута. Въ ней сидѣлъ Барклай-де-Толли. Его сопровождалъ только одинъ адъютантъ. При этомъ имени почти все, что было въ деревнѣ, составило тѣсный и многочисленный кругъ и обступило экипажъ. Смутный ропотъ пробѣжалъ по толпѣ, глухо послышались даже укоризненныя слова...

«Немудрено... отступленіе къ Москвѣ расположило умы противъ него. Кромѣ Государя и нѣкоторыхъ избранниковъ, никто не понималъ тогда великаго полководца, который съ начала войны до Бородинской отчаянной схватки сберегъ на плечахъ своихъ судьбу Россіи, настигнутую неслыханною еще отъ вѣка силою военнаго генія и столь же громадными вещественными силами. Но ропотъ тотчасъ замолкъ: его мигомъ сдержалъ величавый, спокойный, холодный взоръ полководца. Ни малѣйшая тѣнь смущенія или опасенія не пробѣжала по его лицу. Въ этомъ взорѣ не было ни угрозы, ни гнѣва, ни укоризны, но въ немъ было то волшебное, неразгадываемое простыми смертными могущество, которымъ надѣляетъ Провидѣніе своего избранника

и которому невольно покоряются толпы, не будучи сами въ состояніи дать отчетъ, чему онѣ покоряются.

«День былъ ясный, коляска стояла подъ тѣнью липы, урвавшей на улицу нѣсколько густыхъ сучьевъ изъ-за плетня деревенскаго сада. Барклай-де-Толли скинулъ фуражку, и засіялъ голый, какъ ладонь, черепъ, обезсмертенный кистью Дова и перомъ Пушкина. При этомъ движеніи разнородная толпа обнажила свои головы... Вскорѣ лошади были готовы, и экипажъ исчезъ въ клубахъ пыли. Но долго еще стояла смущенная толпа на прежнемъ мѣстѣ».

Не знаю, куда ѣхалъ тогда Барклай-де-Толли, но знаю, что 25-го сентября былъ онъ въ Калугѣ. Оттуда писалъ онъ, именно этого числа, къ графу Остерману-Толстому письмо, замѣчательное по тогдашнему положенію бывшаго начальника арміи.

Подлинное письмо перешло отъ меня къ графу А. С. Уварову. Онъ обѣщалъ прислать мнѣ его, но, вѣроятно, не могъ отыскать въ своихъ бумагахъ, и потому я лишенъ возможности передать его слово въ слово. Помню только, что въ немъ Барклай-де-Толли выражалъ глубокую грусть, разставаясь съ русскимъ войскомъ, и надежду, что въ этомъ войскѣ остаются достойные вожди, которые поддержатъ честь его. Любопытно бы знать, кто изъ тогдашнихъ корпусныхъ командировъ получилъ подобное письмо и кто не получилъ.

Много было говорено о 1812 годѣ, но никогда не довольно говорить о немъ. Еще и теперь пугаетъ онъ тѣхъ, кто врагами вздумалъ бы ступить на Русскую землю. При этомъ имени встаютъ изъ-подъ снѣгомъ русскихъ и льдовъ Березины сотни тысячъ окоченѣлыхъ воиновъ, искаженныхъ ужасною смертью, въ разныхъ уродливыхъ одеждахъ; они простираютъ руки къ своему отечеству и молятъ его на разныхъ языкахъ, какъ при Вавилонскомъ столпотворенія, не подвергать ихъ внуковъ новымъ подобнымъ бѣдствіямъ.

Знакома ль вамъ прекрасная гравюра, изображающая *великую армію*, небывалую въ лѣтописяхъ человѣчества, воспитанную геніальнымъ вождемъ своимъ въ славныхъ битвахъ нѣсколькихъ лѣтъ и разныхъ странъ, когда она переходитъ Нѣманъ у Ковно? Она изгибается между горъ и по горамъ и переползаетъ рѣку, какъ огромный боа. Вы видите, какъ эти безчисленные полки спѣшатъ, спѣшатъ все впередъ. Сердце ваше замираетъ отъ мысли, что они идутъ раздавить ваше отечество. Наполеонъ, въ своей исторической треуголкѣ, стоитъ на одной изъ высотъ, скрестивъ по своему обыкновенію руки на груди. Кажется, вы читаете на его лицѣ и встрѣчный, торжественный гулъ московскихъ колоколовъ, и колѣнопреклоненный передъ нимъ народъ русскій, и снопы трофеевъ, которые онъ ставитъ въ Notre Dame.

Одинъ офицеръ, бывшій тогда при немъ, вступившій потомъ въ русскую службу и дослужившійся у насъ до генеральства, разсказывалъ мнѣ, что императоръ французовъ въ то время забавлялся, какъ бріенскій школьникъ, подцѣпляя камешки носкомъ своего сапога и подбрасывая ихъ вверхъ.

Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ этой великой арміи не стало, вождь ея спасается, какъ бѣглецъ, и едва ли не на томъ же самомъ мѣстѣ переѣзжаетъ русскую границу 26-го ноября, въ день Георгія Побѣдоносца.

Я былъ свидѣтелемъ бѣдствій этой арміи. Прибывъ въ Вильно вслѣдъ за вступленіемъ туда нашихъ главныхъ войскъ, я видѣлъ, какъ по тѣмъ же улицамъ, по которымъ не такъ еще давно проходили воинственныя колонны съ торжественною музыкой, съ побѣдными орлами, — какъ по этимъ самымъ улицамъ провозили ежедневно для сожиганія на Вилейкѣ цѣлые возы нагихъ, замороженныхъ воиновъ, перевязанныхъ по нѣскольку десятковъ веревками, словно свиныя туши. Посѣщая съ принцемъ Карломъ Мекленбургскимъ его раненыхъ соотечественниковъ, въ домѣ еврея.

мы нашли, что умершіе и умирающіе лежали рядомъ съ живыми на соломѣ, перегнившей отъ крови и нечистоты. Никогда человѣчество не видало надъ собою такого поруганія. Въ городѣ воздухъ былъ такъ зараженъ міазмами отъ сгнившихъ труповъ, что принуждены были очищать его куревомъ зажженныхъ кучекъ навоза.

Съ пріѣздомъ Государя въ Вильно все оживилось, слѣды разрушенія и позора человѣчества исчезли, вездѣ заструились жизнь, радость, любовь и милость; раненые, свои и непріятельскіе, были равно призрѣны. Иллюминовались зданія, освѣтились лица и сердца. Вскорѣ открылся театръ, данъ былъ балъ. На этомъ вечерѣ, когда Государь входилъ въ залъ, то невольно наступилъ на знамена, только-что отбитыя у непріятеля. Это была нечаянность, приготовленная торжествующимъ, осыпаннымъ царскими милостями, благодарностью Россіи и всемірною славой, фельдмаршаломъ Михаиломъ Ларіоновичемъ.

Гдѣ-то былъ ты тогда, Михаилъ Богдановичъ?

Будущее возвратило тебѣ, что силилась отнять у тебя современность. Могила твоя въ глуши, среди мрачныхъ сосновыхъ лѣсовъ твоей родины, Ливоніи, но памятникъ тебѣ стоитъ рядомъ съ памятникомъ Кутузова на площади Казанскаго собора.

Теперь приступаю къ самому капитальному замѣчанію. Къ нему подвинуло меня желаніе возстановить истину и, по моимъ средствамъ, защитить память одного изъ замѣчательныхъ дѣятелей великой эпохи.

Я хочу говорить о графѣ Александрѣ Ивановичѣ Остерманѣ-Толстомъ.

Онъ происходилъ изъ древняго рода Толстыхъ. Отецъ его, Иванъ Матвѣевичъ, былъ генералъ-маіоръ, дядя Николай Матвѣевичъ также артиллерійскій генералъ-маіоръ, участвовавшій съ честью въ одной изъ турецкихъ кампаній подъ начальствомъ Румянцева. Къ сожалѣнію, не имѣю данныхъ о другихъ, болѣе или менѣе замѣчатель-

ныхъ родственникахъ, кромѣ тѣхъ, о которыхъ здѣсь упоминаю.

Отецъ Александра Ивановича, деспотъ въ своемъ семействѣ и надъ своими вассалами, былъ не очень богатый помѣщикъ. «Знаешь-ли,—сказалъ мнѣ однажды графъ А. И.,—сколько у меня было рубахъ, когда отецъ отпускалъ меня въ одну изъ турецкихъ кампаній? Только шесть, и тѣ изъ довольно грубаго, домашняго холста». Дяди его, графы Остерманы, канцлеръ Иванъ Андреевичъ и сенаторъ Ѳедоръ Андреевичъ, оба бездѣтные, передали племяннику въ наслѣдство свою фамилію, вмѣстѣ съ графствомъ, нѣсколькими тысячами душъ, огромными сосновыми лѣсами подъ Москвой и Петербургомъ и дубовыми въ Рязанской губерніи, которыхъ цѣлый вѣкъ не трогалъ топоръ. Прибавьте къ этому палаты въ Москвѣ [1]), нѣсколько десятковъ пудовъ серебра и разныя драгоцѣнности на большія суммы. Иванъ Матвѣевичъ, несмотря на такую благодать, падавшую съ неба на его сына, кичась своимъ древнимъ родомъ, съ трудомъ согласился, чтобы фамилію Толстыхъ поставили въ хвостѣ фамиліи Остермановъ, происходившей, какъ онъ говорилъ, «отъ нѣмецкаго попа». Дѣйствительно, отецъ упомянутыхъ графовъ, Андрей Ивановичъ, былъ сынъ пастора изъ мѣстечка Бокумъ. Студентъ Іенскаго университета, онъ впутался въ какую-то любовную исторію съ женою своего профессора и вызвалъ его на дуэль, вслѣдствіе которой бѣжалъ въ Голландію. Здѣсь увидалъ его Петръ I и принялъ къ себѣ на службу. Этотъ сынъ нѣмецкаго попа и повѣса студентъ былъ потомъ тотъ знаменитый канцлеръ, кавалеръ многихъ россійскимъ и иностранныхъ орденовъ, который ништадтскимъ миромъ доставилъ Россіи прибалтійскія губерніи и возможность великому государю прорубить окно въ Европу и создать русскій флотъ. При Елисаветѣ

---

[1]) Сгорѣли въ 12 году во время нашествія непріятеля; нынѣ домъ семинаріи.

онъ былъ сосланъ въ Сибирь, въ Березовъ, гдѣ онъ и скончался. Супругѣ его, урожденной Стрѣшневой, было предложено императрицей Елисаветой Петровной оставаться на свободѣ и пользоваться имѣніями своего мужа. Она отвѣчала только: «куда иголка, туда и нитка», и послѣдовала за нимъ въ изгнаніе. По смерти его, графиня возвратилась на родину и, посвятивъ себя молитвамъ, провела иноческую жизнь въ селѣ Никольскомъ, подъ Москвою. Дѣти ихъ, два сына и дочь, остались въ Петербургѣ. Одного изъ нихъ, Ивана Андреевича, мы видимъ уже въ царствованіе Екатерины канцлеромъ, по уму и заслугамъ своимъ достойнаго наслѣдника своего отца. Въ началѣ царствованія Александра Павловича онъ уже кончилъ свое служебное поприще и жилъ въ Москвѣ на покоѣ, сохраняя у преддверія гроба великолѣпный декорумъ екатерининскихъ вельможъ и отблескъ ума, такъ славно поддерживавшаго политику великой государыни. Но и тогда молодой императоръ не переставалъ письменно совѣщаться съ нимъ о государственныхъ дѣлахъ первой важности: о политикѣ, торговлѣ, банкѣ, ополченіе и даже роскоши, которой государь былъ врагъ. Уже со вступленія Александра на престолъ графъ Иванъ Андреевичъ указывалъ на Наполеона, какъ на зловѣщую комету, встающую на политическомъ горизонтѣ Европы. Императрица Марія Ѳеодоровна вела съ канцлеромъ постоянную переписку. Какъ уважали его другіе члены императорской фамиліи, мы узнаемъ изъ слѣдующаго событія. Графъ Иванъ Андреевичъ давалъ балъ въ своихъ палатахъ, въ которыхъ угощалъ по-барски каждое воскресенье московское общество всякихъ чиновъ. На вечерѣ старецъ, говоря съ великою княгиней Ольденбургскою (впослѣдствіи королевою Виртембергскою) Екатериною Павловной, уронилъ свою трость. Эта, чарующая всѣхъ своею красотою, любезностью и умомъ женщина поспѣшила поднять трость и, подавая ее, сказала смутившемуся хозяину: «Votre tête n'a pas encore besoin de soutien, mais vos mains le demandent, et je suis heu-

reuse de vous l'offrir» (ваша голова не имѣетъ еще нужды въ чужой помощи, но ваши руки ее требуютъ, и я счастлива, что могу вамъ предложить ее [1]). Не знаю, извѣстно-ли кому, что канцлеръ Иванъ Андреевичъ первый угадалъ въ Канкринѣ будущаго государственнаго экономиста еще тогда, когда Е. Фр. только-что прибылъ изъ Германіи и представилъ ему свой проектъ объ овцеводствѣ. Графъ первый и открылъ ему доступъ къ службѣ, которая должна была такъ блистательно увѣнчаться.

Сенаторъ, графъ Ѳедоръ Андреевичъ, извѣстенъ своею разсѣянностью, о которой ходили въ свое время безчисленные анекдоты.

Вотъ что сталось съ дочерью знаменитаго изгнанника. Елисавета Петровна, замѣтивъ однажды въ придворной церкви взрослую дѣвушку съ интересною наружностью, усердно молившуюся, спросила находившагося при ней придворнаго, кто это такая, и когда ей доложили, что это дочь «несчастнаго Остермана», сказала: «Дѣвушка на возрастѣ, пора выдать ее замужъ. Сыщите ей приличнаго жениха, добраго человѣка, а о приданомъ я позабочусь». Вслѣдствіе этого разговора дочь Остермана выдали за Толстого, если не ошибаюсь, тогда еще артиллерійскаго капитана, ходившаго нѣкогда на вѣсти къ канцлеру Петра I. Выборъ былъ удачный. Этимъ союзомъ образовалось родство Остермановъ съ Толстыми.

Графъ Александръ Ивановичъ Остерманъ-Толстой провелъ послѣдніе годы своей жизни въ чужихъ краяхъ и умеръ въ Женевѣ слишкомъ восьмидесяти лѣтъ. Любопытно бы знать, поставленъ ли на его могилѣ памятникъ, работы,

---

[1]) Я имѣлъ счастливый случай видѣть ее въ 1814 году въ Веймарѣ, за обѣдомъ у великой княгини Маріи Павловны, и въ то же время великаго Гете. Образъ ихъ доселѣ запечатлѣлся въ моей памяти. Тутъ же былъ тогда и герой кульмскій, графъ Остерманъ-Толстой.

кажется, Торвальдсена, замѣчательный по идеѣ и исполненію. На немъ кульмскій герой представленъ лежащимъ, облокотясь правою рукой на барабанъ; другая рука, оторванная, лежитъ вблизи на землѣ вмѣстѣ съ французскимъ орломъ или знаменемъ. Женатый на княжнѣ Елисаветѣ Алексѣевнѣ Голицыной, умершей прежде его, онъ не имѣлъ дѣтей. Внукъ его, по сестрѣ княгинѣ Натальѣ Ивановнѣ Голицыной, извѣстной своимъ умомъ и энергіей, теперь еще малолѣтній, получивъ въ наслѣдство бо̀льшую часть его имѣнія, носитъ фамилію князя Голицына, графа Остермана-Толстого. Чудное сочетаніе именъ, какъ замѣтилъ въ одной статьѣ своей М. П. Погодинъ.

Графъ Александръ Ивановичъ получилъ прекрасное образованіе, зналъ отлично французскій и нѣмецкій языки и, воспитанный въ идеяхъ екатерининскаго времени о возстановленіи Греческой имперіи, учился греческому языку, бывъ даже корпуснымъ командиромъ. Во время возстанія Греціи онъ съ особенною лаской принималъ къ себѣ грековъ, пріѣзжавшихъ тогда въ Петербургъ по политическимъ цѣлямъ. Онъ изучалъ много военныхъ писателей, которыхъ богатую библіотеку собиралъ для него генералъ Жомини. Въ путешествіи его по Египту (гдѣ Али-паша и сынъ его Ибрагимъ принимали графа съ большимъ почетомъ), по Сиріи и Палестинѣ сопровождалъ его извѣстный нѣмецкій ученый. Когда онъ жилъ въ Женевѣ, самое пріятное для него общество былъ избранный кружокъ тамошнихъ ученыхъ. Типическая, южная физіономія его, съ тонкими, античными очертаніями лица, съ черными, выразительными глазами подъ черными бровями, была замѣчательна. Какъ онъ, безрукій, красивъ былъ въ своемъ генералъ-адъютантскомъ мундирѣ среди царедворцевъ!

Теперь о несправедливыхъ отзывахъ, брошенныхъ въ него, едва ли еще не при его жизни.

Въ статьѣ г. Погодина на страницѣ 626 сказано со словъ Давыдова:

«Мужественный и хладнокровный графъ Остерманъ *не отличался большими умственными способностями; совѣтъ, поданный имъ въ 1812 году въ Филяхъ* о необходимости оставить Москву *безъ боя, былъ причиною того, что онъ нѣсколько разъ сходилъ съ ума: ему казалось, что армія почитаетъ его первѣйшимъ трусомъ*».

Что ни слово въ этомъ рѣзкомъ и опрометчивомъ отзывѣ, то невѣрность и несправедливость. Здѣсь партизанъ-писатель показалъ, что онъ и писатель-партизанъ. Во-первыхъ, въ трусости никто не могъ подозрѣвать графа Остермана-Толстого: это было ему хорошо извѣстно. Во-вторыхъ, поданное имъ въ Филяхъ мнѣніе согласовалось съ мнѣніями Барклая-де-Толли, Раевскаго и Дохтурова, конечно, не изъ угожденія имъ—онъ умѣлъ только угождать своему государю и отечеству; не изъ какой-либо боязни — онъ никогда ничего и никого не боялся. Онъ подалъ свое мнѣніе вопреки голосамъ Беннигсена и Ермолова, который, какъ говоритъ Давыдовъ, «боясь потерять свою популярность, пріобрѣтенную имъ въ арміи, подалъ голосъ въ пользу битвы подъ Москвою, хотя и увѣренъ былъ, что новое сраженіе безполезно и невозможно». Предоставляю судить, кто въ этомъ случаѣ прямѣе дѣйствовалъ, Остерманъ или Ермоловъ? [1])? Голоса Остермана и его единомышленниковъ восторжествовали: они оправдались спасеніемъ Россіи. Неужели это доказываетъ недостатокъ умственныхъ способностей? Послѣдствія были скоры и благодѣтельны, и съ ума отъ нихъ, да еще нѣсколько разъ, нечего было сходить. Оставалось только радоваться успѣху одержанной въ совѣтѣ побѣды. Что графъ Остерманъ-Толстой дѣйствительно на нѣкоторое время впалъ въ глубокую задумчивость, такъ это случилось послѣ Тарутинскаго дѣла, къ которому, какъ

---

[1]) Впрочемъ, въ запискахъ Ермолова не совсѣмъ такъ переданы побужденія его къ подачѣ этого мнѣнія, и если объясненія Алексѣя Петровича не оправдываютъ его, то, по крайней мѣрѣ, облегчаютъ вину, въ которой онъ однакожъ самъ имѣлъ твердость признаться.

говоритъ Ермоловъ въ своихъ запискахъ, «4-й корпусъ графа Остермана-Толстого не прибылъ по назначенію и въ дѣлѣ почти не участвовалъ». Хотя этотъ случай могъ произойти не отъ его вины, а по ошибкѣ квартирмейстерскаго офицера, давшаго въ темнотѣ невѣрное направленіе корпусу, однакожъ все-таки невыполненіе графомъ диспозиціи войскъ къ сраженію должно было сильно огорчить его. Потомъ, человѣку, сошедшему съ ума, не поручили бы командованіе корпусомъ послѣ Тарутинскаго дѣла, тѣмъ болѣе командованіе всей гвардіи въ 13 году подъ Кульмомъ и, по окончаніи кампаніи, гренадерскимъ корпусомъ, котораго онъ былъ начальникомъ до 20 года. Писалъ же князь Багратіонъ Ермолову (стр. 172 статьи Погодина), говоря о себѣ: «*сумасшедшій не только защищать отечества*, но и *капральствомъ командовать не можетъ*». Что касается способностей ума графа, то мы видѣли его прозорливость и здравыя соображенія въ совѣтѣ, происходившемъ въ Филяхъ; мы видѣли, что въ Витебскѣ самъ Ермоловъ посовѣтовалъ главнокомандующему Барклаю-де-Толли послать его, «какъ генерала, блистательную репутацію въ прошедшую войну сдѣлавшаго», съ корпусомъ пѣхоты и нѣсколькими кавалерійскими полками задержать силы непріятеля, вдвое болѣе многочисленныя, и тѣмъ облегчить операціи цѣлой русской арміи. А блистательную репутацію едва ли можно сдѣлать съ ограниченными умственными способностями; да и самъ Барклай-де-Толли, знавшій хорошо генераловъ своей арміи, не согласился бы поручить ему такое важное дѣло, еслибы не увѣренъ былъ сколько въ его неустрашимости, столько и въ умственныхъ способностяхъ.

На стр. 627 статьи г. Погодина по случаю Кульмскаго дѣла сказано:

«Остерманъ хотѣлъ идти на... (?). Ермоловъ, основываясь на картѣ, убѣдилъ его оставить это намѣреніе, которое погубило бы насъ и *вообще безъ Кульмскаго сраженія* (?) дало бы другой видъ войнѣ».

Мы вѣримъ, что было такъ, какъ говорится въ статьѣ, но развѣ тѣмъ, что Остерманъ послушался умнаго совѣта, онъ доказалъ недостатокъ своихъ умственныхъ способностей? Еслибъ у него былъ червякъ въ головѣ, какъ объ немъ отзывался Давыдовъ, онъ сдѣлалъ бы противное. Мы читали въ исторіи и не однѣхъ войнъ, что иной главный начальникъ изъ самолюбія и самонадѣянности не слѣдовалъ умному совѣту своего подчиненнаго потому только, что хорошее въ этомъ совѣтѣ принадлежало не ему, главному начальнику.

Тамъ же говорится: «Въ *началѣ* сраженія Остерману оторвало *ногу*, и оно ведено было Ермоловымъ». Какъ понимать это *начало*? Время остается неопредѣленнымъ. Можно подумать, что лишь только наши войска вступили въ дѣло, Остерманъ былъ раненъ. На стр. 629 сказано. «Остерманъ, бывъ раненъ въ 10 часу утра, сдалъ начальство надъ всѣми войсками Ермолову». И это поясненіе не опредѣляетъ, сколько времени продолжалось уже сраженіе; могло быть, что оно началось на зарѣ (какъ это и дѣйствительно было, по свидѣтельствамъ участвовавшихъ въ немъ). Все-таки показаніе остается неочищеннымъ и на него падаетъ какая-то тѣнь недобросовѣстности въ отношеніи къ Остерману. Вѣрнѣе и справедливѣе сказать, что онъ былъ раненъ въ самый разгаръ битвы. За доказательствами прибѣгните къ историкамъ кампаніи тринадцатаго года. Истину не поймаешь, ловя ее съ повязанными глазами.

Что касается показанія, будто графу Остерману-Толстому оторвало *ногу*, то это непростительная ошибка. Хочу предполагать, что она типографская... Кто не знаетъ, что ему оторвало руку (именно лѣвую)? Рука эта долго хранилась въ спиртѣ. Когда я пріѣхалъ съ нимъ въ 1818 году въ его Сапожковское имѣніе, село Красное, онъ куда-то пошелъ съ священникомъ и запретилъ мнѣ сопровождать его. Впослѣдствіи я узналъ отъ того же священника, что онъ зарылъ руку въ фамильномъ склепѣ своихъ дядей, гра-

фовъ Остермановъ, въ ногахъ у гробницъ ихъ, какъ дань благодарности за ихъ благодѣянія и свидѣтельство, что онъ не уронилъ наслѣдованнаго отъ нихъ имени.

Раненаго (рука держалась еще на плечевомъ суставѣ; надо было отдѣлить ее) отнесли съ мѣста сраженія на болѣе безопасное; пріѣхалъ король прусскій и, увидавъ его окровавленнаго, въ безчувственномъ положеніи, заплакалъ надъ нимъ. Лишь только онъ пришелъ въ себя, первою его мыслью, первымъ словомъ, былъ государь, котораго онъ любилъ до обожанія.

— Est-ce vous, sire?—спросилъ онъ короля,—l'mpereur mon maître est-il en sureté?

Его скоро окружили врачи изъ разныхъ полковъ. Онъ остановилъ свой взоръ на одномъ изъ нихъ, еще очень молодомъ человѣкѣ, недавно поступившемъ на службу (это былъ Кучковскій), подозвалъ его къ себѣ и сказалъ ему твердымъ голосомъ: «твоя физіономія мнѣ нравится, отрѣзывай мнѣ руку». Во время операціи онъ приказалъ солдатамъ пѣть *русскую* пѣсню. Этотъ разсказъ переданъ мнѣ адъютантами его (кажется, только двое и уцѣлѣли), бывшими при немъ въ Кульмскомъ дѣлѣ.

Давыдовъ говоритъ:

«Хотя не подлежитъ никакому сомнѣнію, что побѣдой при Кульмѣ Европа въ особенности обязана Ермолову, но *многочисленные и сильные враги* его силились и силятся доказать противное. По мнѣнію нѣкоторыхъ, главнымъ героемъ дня былъ графъ Остерманъ, по мнѣнію другихъ — принцъ Евгеній Виртембергскій, по мнѣнію Барклая, весьма неблаговолившаго къ Ермолову (то же сказано было гдѣ-то о Кутузовѣ), квартирмейстерскій офицеръ Діестъ (о послѣднемъ-то не стоило бы и говорить — кто у насъ знаетъ его? — и поднимать старыя дрязги изъ того, что главнокомандующій хотѣлъ дать ему орденъ Св. Георгія 4 степени). Цѣня высоко, продолжаетъ Давыдовъ, заслуги графа Остермана (этого не видать изъ прежнихъ его отзывовъ) и принца

Виртембергскаго во *всю* эпоху наполеоновскахъ войнъ и въ Кульмскомъ сраженіи въ особенности, я (доказательствъ, однакожъ, не приведено, кромѣ того, что Остерманъ хотѣлъ идти на... (?), а Ермоловъ ему отсовѣтовалъ) *положительно признаю* (довольно самонадѣянно!) Ермолова главнымъ виновникомъ побѣды, стяжавшей русской гвардіи столь справедливую признательность и удивленіе Европы».

И я, маленькій человѣкъ въ сравненіи съ Давыдовымъ, осмѣлюсь сказать: жаркіе поклонники Ермолова силились и силятся доказать, что главнымъ героемъ Кульмскаго дѣла былъ онъ, стараясь отодвинуть на задній планъ графа Остермана-Толстого. За что̀жъ отдавать все одному лицу и лишать другого того, чего уже никто лишить его не можетъ? Еслибъ отъ меня зависѣло помирить эти мнѣнія, я сказалъ бы, что оба равно были виновниками побѣды: Остерманъ славно *началъ* и *велъ* дѣло, Ермоловъ славно *довершилъ* его. Но все-таки, что̀ ни говори и ни пиши, а исторія, упоминая о Кульмскомъ дѣлѣ, поставитъ имя Остермана на первое мѣсто, а Ермолова на второе, и никакой богатырь-писатель не перемѣститъ ихъ. Это засвидѣтельствовалъ государь Александръ I, наградивъ перваго за Кульмское дѣло орденомъ св. Георгія 2-го класса и отечески благоволивъ къ нему до конца своей жизни. Императоръ являлся его покровителемъ и миротворцемъ даже въ размолвкахъ его (въ мирное уже время) съ фельдмаршаломъ Барклаемъ-де-Толли. Къ этому свидѣтельству присоединился голосъ цѣлаго народа чешскаго, поднесшаго ему въ *признательность* за спасеніе *свое* дорогой сосудъ, который скромный побѣдитель передалъ для священнодѣйствія въ церковь Преображенскаго полка. Государь отдарилъ его вазой, на которой герой Кульмской битвы изображенъ въ то время, когда его ранили. Краснорѣчивый рескриптъ ему, написанный по этому случаю, подтвердилъ голосъ народа.

Въ статьѣ г. Погодина сказано:

«Реляція объ этомъ сраженіи была написана Ермоло-

вымъ; относя весь успѣхъ дѣла непоколебимому мужеству войскъ и *распорядительности* графа Остермана, онъ почти умолчалъ о себѣ. Остерманъ, прочитавъ ее, не взирая на свои страданія, написалъ весьма некрасиво (потерявъ руку, онъ всегда неразборчиво писалъ и впослѣдствіи) слѣдующую записку: «Довольно не могу возблагодарить ваше превосходительство, находя лишь только, «что вы мало упомя-«нули объ Ермоловѣ, которому я всегда справедливость от-«давать привыченъ».

Въ другомъ мѣстѣ у г. Погодина:

«Когда флигель-адъютантъ князь Голицынъ привезъ графу Остерману Св. Георгія 2-го класса, этотъ *мужественный* генералъ (къ чему тутъ мужественный? скорѣе въ этомъ случаѣ благородный, скромный) сказалъ ему: «этотъ орденъ долженъ бы принадлежать не мнѣ, а Ермо-«лову, который *принималъ важное участіе* въ битвѣ и *окон-«чилъ* ее съ такою славой».

Что̀жъ эти свидѣтельства доказываютъ? Что оба, Остерманъ и Ермоловъ, были рыцари благородства и въ этомъ случаѣ вели между собою честное состязаніе. Впослѣдствіи ярые поклонники Ермолова продолжали провозглашать его главнымъ виновникомъ побѣды, оставляя Остермана въ тѣни, какъ человѣка «съ недостаточными умственными способностями и сходившаго нѣсколько разъ съ ума». Эти слухи, хотя не такъ ярко выставляемые, не могли не дойти до графа. Можетъ-быть, доброжелатели его, передавая ихъ обиняками, вплетали въ нихъ и то, что самъ Ермоловъ приписывалъ себѣ весь успѣхъ дѣла, чего, по извѣстной его скромности, не могло быть. На сторонѣ Алексѣя Петровича были: популярность его въ арміи и въ обществѣ, его пріятное обращеніе со всѣми, горячая любовь преданныхъ ему людей, острое слово и острое перо ихъ. На сторонѣ графа, никогда не привлекательнаго на словахъ и въ обращеніи, разорвавшаго всѣ связи свои въ Россіи, кромѣ его имени, начинавшаго изглаживаться въ памяти его со

отечественниковъ. Какъ бы то ни было, въ одно время между обѣими сторонами возбуждено было какое-то враждебное соперничество. Императоръ Николай Павловичъ разсѣкъ было этотъ гордіевъ узелъ, пожаловавъ равно обоихъ, по случаю открытія кульмскаго памятника, орденомъ Андрея Первозваннаго. Графу привезъ его курьеръ на мызу (Могилевской губерніи, Рогачевскаго уѣзда), гдѣ онъ въ то время проживалъ, въ странѣ колтуна, въ глуши сосновыхъ лѣсовъ, оглашаемыхъ волчьею музыкой, и куда онъ прибылъ къ срочному времени отпуска изъ родины Галилея и страны лавровъ и померанцевъ. Вскорѣ, уѣхавъ снова въ чужіе края, онъ не имѣлъ случая во всю жизнь свою надѣть этотъ орденъ. Графъ былъ друженъ съ Остенъ-Сакеномъ [1]), который, пріѣзжая въ Петербургъ, всегда останавливался у него въ домѣ, былъ друженъ съ Милорадовичемъ и Паскевичемъ, но я никогда не видалъ у него Ермолова, никогда не слыхалъ отъ него слова объ Ермоловѣ, ни хорошаго, ни дурного, до слѣдующаго случая.

Въ двадцатомъ году Алексѣй Петровичъ былъ уже главнокомандующимъ на Кавказѣ; графъ не командовалъ уже нѣсколько мѣсяцевъ гренадерскимъ корпусомъ и жилъ въ Петербургѣ. Въ это время послѣдній получаетъ отъ перваго офиціальную бумагу, адресованную на имя «командира гренадерскаго корпуса, графа Остермана-Толстого». Графъ, вообразивъ, что это какая-то насмѣшка, приказалъ мнѣ написать на концѣ бумаги: «генералъ Ермоловъ долженъ знать, что графъ Остерманъ не командуетъ болѣе гренадарскимъ корпусомъ, и потому бумага возвращается ему назадъ». Когда я это написалъ, онъ выбралъ въ брелокахъ у своихъ часовъ антикъ съ извивающимися на головѣ змѣями и сказалъ мнѣ: «Рожицу эту, рожицу-то припечатай ему: онъ... пойметъ». Съ такою печатью пошла

---

[1]) Впослѣдствіи графъ и фельдмаршалъ.

бумага по назначенію. Судя по послѣдствіямъ, надо полагать, что Ермоловъ жаловался. Графъ вскорѣ за тѣмъ уѣхалъ въ чужіе края, я вышелъ въ отставку изъ Павловскаго гвардейскаго полка, въ которомъ числился, но дожидаясь обѣщаннаго мнѣ мѣста по учебному вѣдомству, проживалъ еще въ Петербургѣ, какъ меня потребовали къ дежурному генералу главнаго штаба А. А. З. Я явился.

— Вы были тогда-то адъютантомъ у графа Остермана-Толстого? — спросилъ онъ меня.

— Точно такъ, — отвѣчалъ я.

— Мнѣ велѣно спросить, кто писалъ эти строки?

— Я писалъ ихъ, по приказанію моего начальника; въ доказательство, что онъ ихъ засвидѣтельствовалъ, вотъ и сдѣланный имъ знакъ.

— Болѣе ничего, — сказалъ мнѣ З., раскланиваясь со мною.

Тѣмъ дѣло это и кончилось, по крайней мѣрѣ, для меня. Въ статьѣ г. Погодина сказано, что графъ просилъ русскаго священника въ Женевѣ доставить ему портретъ Ермолова. Вѣроятно, годы угомонили его недоброжелательство къ Алексѣю Петровичу. У гроба вражда и соперничество исчезаютъ, уступая мѣсто суду исторіи.

Кстати дополню характеристику графа.

Я находился при немъ адъютантомъ, послѣ кампаній 1812 — 1816 годовъ, нѣсколько лѣтъ, до самаго отъѣзда его въ чужіе края. Какъ я попалъ къ нему въ эту должность, вмѣсто того чтобы за служебный проступокъ (въ которомъ, однакожъ, не было никакого нарушенія чести) подвергнуться строгому наказанію, вполнѣ отъ него зависѣвшему, и пребываніе мое съ нимъ въ Варшавѣ, въ свитѣ государя, при знаменитомъ открытіи сейма Царства Польскаго, въ 1818 году, опишу, если удастся, въ особой статьѣ. Я былъ неразлучнымъ его спутникомъ во всѣхъ его поѣздкахъ по его помѣстьямъ, въ лагеряхъ, при инспекціи полковъ, расположенныхъ въ Калужской и Туль-

ской губерніяхъ; я зналъ его въ семейной жизни, въ кругу его друзей и родныхъ, при дворѣ, велъ съ нимъ переписку, когда онъ былъ въ чужихъ краяхъ, и вотъ что могу сказать о немъ безпристрастно. Какъ начальникъ войска, онъ былъ строгъ, но строгость его заключалась только во взглядѣ, въ двухъ, трехъ молніеносныхъ словахъ, которыхъ больше боялись, нежели распеканья иного начальника. Во все время командованія имъ корпусомъ онъ никого изъ офицеровъ не сдѣлалъ несчастнымъ, хотя и были случаи *карать*. Всѣмъ, кто имѣлъ надобность въ его покровительствѣ, не отказывалъ въ немъ; если кому помогалъ, то дѣлалъ это широкою рукой и вообще былъ щедръ. Все у него было грандіозно, и домъ въ Петербургѣ, и пріемъ императрицы Елисаветы Алексѣевны въ подмосковной, Ильинскомъ, и петербургскіе вечера его, которые удостоивали своимъ присутствіемъ нѣкоторые члены императорской фамиліи. Мелочнымъ интриганомъ никогда не былъ, кривыми путями не ходилъ и не любилъ тѣхъ, кто по нимъ ходитъ; никогда не выставлялъ своихъ заслугъ и ничего не домогался для себя, лести терпѣть не могъ. Для стрѣлъ, откуда бы ни шли, смѣло выставлялъ грудь свою. О пищѣ и здоровьѣ солдатъ заботился, какъ отецъ. Когда стояли войска въ лагерѣ, онъ почти каждый день обходилъ ихъ во время трапезы, всегда пробовалъ солдатскую пищу, и горе начальнику, у котораго въ полку находилъ ее скудною или нездоровою!

Помню, какъ однажды, при посѣщеніи кронъ-принцемъ шведскимъ, отцомъ нынѣшняго короля, новгородскихъ военныхъ поселеній, выставляли, въ доказательство довольства поселенцевъ, въ каждой избѣ, то жареную курицу, то жаренаго поросенка, и какъ одинъ забавникъ, бывшій при этой выставкѣ, доказалъ, что все это пуфъ, отрѣзавъ, несмотря на зоркій глазъ Аракчеева, ухо у одного поросенка, который въ томъ видѣ явился въ другой избѣ. Никогда, ни для какого милостиваго вниманія, не рѣшился бы графъ

на такую мистификацію; за то солдаты его корпуса не глазами, а желудкомъ были сыты, и благословляли его за попеченія о нихъ. На каждомъ смотру полковъ во время объѣзда корпуса, сверхъ задушевнаго спасибо солдатъ получалъ отъ него по калачу и доброму стакану водки. Графъ строго взыскивалъ за слишкомъ жестокія тѣлесныя наказанія. Слово: *слишкомъ* употребилъ я съ намѣреніемъ, потому что *обыкновенныя* наказанія розгами и палками не выходили изъ тогдашняго порядка вещей и не въ одномъ русскомъ войскѣ. Былъ въ одномъ полку 2-й гренадерской дивизіи батальонный командиръ изъ нѣмцевъ, который отличался неистовыми наклонностями къ нимъ. Ему запрещено было совсѣмъ ихъ употреблять. Чтожъ? Нѣмецъ ухитрился изобрѣсть другое наказаніе, онъ (повѣрятъ ли въ наше время?) поилъ провинившихся или худо понимавшихъ службу солдатъ табачнымъ настоемъ. Не любя наушничества, котораго и самъ графъ не терпѣлъ, я, однакожъ, почелъ долгомъ довесть объ этомъ до свѣдѣнія его. Какъ сонъ въ руку, въ этотъ же день, при объѣздѣ имъ лагеря, первое лицо, ему попавшееся, былъ геніальный изобрѣтатель табачнаго наказанія: онъ былъ дежурнымъ по дивизіи. Грянули громовыя слова надъ его головой, и съ того времени онъ навсегда разстался съ палками и табачною настойкой. Когда мы отъѣзжали отъ него, онъ, ошеломленный, стоялъ все на одномъ мѣстѣ, но успѣлъ бросить на меня враждебный взглядъ. Впослѣдствіи этотъ господинъ старался мстить мнѣ на братѣ моемъ, служившимъ въ его батальонѣ ротнымъ командиромъ, но, вступивъ въ борьбу съ цѣлымъ корпусомъ офицеровъ полка, изнемогъ въ ней...

Въ лагерѣ подъ Калугой каждый день обѣдали у графа человѣкъ до 50 штабъ и оберъ-офицеровъ изъ разныхъ полковъ, бывали въ импровизованной посреди рощицы залѣ и балы, къ которымъ съѣзжались гости изъ Калуги и Москвы, и даже изъ Петербурга.

Графъ свято чтилъ память людей, сдѣлавшихъ ему какое-

либо добро. Указывая мнѣ однажды на портретъ, висѣвшій у него въ кабинетѣ, онъ сказалъ: «вотъ мой благодѣтель: онъ выручилъ мою честь подъ Прейсишъ-Эйлау». Это былъ портретъ Мазовскаго, бывшаго въ этомъ дѣлѣ командиромъ, кажется, лейбъ-гвардіи гренадерскаго полка, который, имѣя его въ своемъ челѣ, исторгъ графа изъ среды непріятелей, готовыхъ уже схватить его. Кучковскому, отрѣзывавшему ему подъ Кульмомъ руку, выдавалъ онъ пенсіонъ, также нѣкоторымъ незначительнымъ лицамъ, которыя чѣмъ-нибудь были полезны его дядямъ, графамъ Остерманамъ. Пріѣзжая въ свои рязанскія деревни, онъ приглашалъ къ себѣ мелкопомѣстныхъ сосѣдей, людей простыхъ и незначительныхъ, и обращался съ ними, какъ добрый кампаньяръ. При воспоминаніи о матери своей у него нерѣдко выступали слезы; съ миніатюрнымъ портретомъ ея, который носилъ на груди, онъ никогда не разставался. Къ дядѣ своему, Николаю Матвѣевичу Толстому, питалъ глубокое уваженіе, хотя втихомолку посмѣивался надъ оркестромъ его музыкантовъ, одѣтыхъ въ парадные кафтаны екатерининскихъ временъ, переходившіе съ плечъ одного поколѣнія на плечи другого, несмотря на ростъ и дородство лицъ, ихъ носившихъ.

Николай Матвѣевичъ, вышедши въ отставку, жилъ постоянно и безвыѣздно въ селѣ Степановскомъ, Бронницкаго уѣзда. Только разъ въ теченіе нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ ѣздилъ въ Москву за 60 верстъ, и то по случаю смерти сестры своей. Проѣздъ его черезъ Бронницы составилъ эпоху въ этомъ городкѣ, въ которомъ долго еще потомъ говорили о золотой, полувѣковой каретѣ генерала Толстого. Онъ былъ сосѣдъ по селу Авдотьину и другъ извѣстнаго Новикова. Я помню еще стараго слугу Новикова, жившаго у него послѣ смерти своего барина, о которомъ, между прочимъ, разсказывалъ, что въ его спальнѣ, у подножія кровати, на столѣ, лежали крестъ и человѣческій черепъ. О фармазонскихъ чудесахъ Новикова, еще лѣтъ пятнадцать тому назадъ, ходили въ Бронницкомъ уѣздѣ диковинные разсказы.

Николая Матвѣевича, несмотря на его скопидомство, уважали въ околодкѣ за прямоту и благородство его характера. Сельскій домъ его, за сооруженіе котораго не заплачено было архитектору ни копѣйки, представлялъ амальгаму разныхъ пристроекъ. Когда, съ теченіемъ времени, нужно было, смотря по хозяйственнымъ или семейнымъ потребностямъ, расширять его, тогда приставлялись къ дому, то тамъ, то тутъ, какъ грибные наросты, срубы и связывались съ капитальною стѣной желѣзными связями.

У него были огромные плодовитые сады, ни одного увеселительнаго; все для выгодъ — ничего для удовольствія. Впрочемъ, въ этихъ выгодахъ наши дѣды и находили удовольствіе, а гулять, говорили они, можно и въ плодовитомъ саду, и въ рощѣ, среди села. Здѣсь они потѣшали свой слухъ пѣніемъ грачей, которыхъ берегли, какъ святую птицу. Въ день пріѣзда племянничка графа и въ день ангела хозяина, за обѣденнымъ столомъ раздавались увертюры и симфоніи изъ старинныхъ оперъ, порядочно разыгрываемыя; за стуломъ каждаго гостя стояло по слугѣ. А въ будни, въ праздное время, а его было много у нихъ, артисты и прислуга занимались вязаньемъ шерстяныхъ чулокъ и перчатокъ. Отъ продажи этого издѣлья въ свою пользу, они услаждали жизнь свою и своихъ семействъ лакомымъ кускомъ и умѣренными по своему прихотями. Въ упомянутые торжественные дни подавали къ столу гигантскія индѣйки, откормленныя на славу, и въ рюмочкахъ, немного побольше наперстка, венгерское вино, стоявшее въ подвалѣ нѣсколько десятковъ лѣтъ, и диковинныя наливки. Самовары при Екатеринѣ не были еще въ общемъ употребленіи: чай дѣлали въ металлическихъ чайникахъ, въ которыхъ кипятили его на спиртовыхъ жаровенькахъ (вопреки автору «Таинственнаго монаха» Р. М. Зотову, начинающему свой историческій романъ изъ временъ Петра I чаепитіемъ за самоваромъ). И у Николая Матвѣевича приготовлялся чай по старинѣ. Чтобы не раздроблять общинныхъ

земель и не отрѣзывать отъ своихъ господскихъ, Николай Матвѣевичъ рѣдко разрѣшалъ крестьянамъ свадьбы, съ которыми неминуемо сопряжены были наложеніе новаго тягла и отрѣзка земли. Кажется, онъ дѣлалъ это только въ селѣ Степановскомъ. Послѣдствія такого экономическаго порядка à la Мальтусъ были очень пагубны для нравственности крестьянъ. Нерѣдко въ генеральскихъ прудахъ находили мертвыхъ, брошенныхъ туда, незаконнорожденныхъ дѣтей. Впрочемъ, крестьяне его были довольно зажиточны, дворовые, когда онъ умеръ, искренно его оплакивали. По смерти Николая Матвѣевича, мнѣ порученъ былъ, вмѣстѣ съ генераломъ Сорочинскимъ, раздѣлъ его имѣнія между наслѣдниками, и чего не нашелъ я въ маленькой кладовой его, подлѣ гостиной — и мотки нитокъ, и пуговицы, и гвозди разнаго размѣра, едва ли не подковы, и всякую мелочь, которую хранилъ онъ для хозяйственныхъ потребностей и самъ выдавалъ. Такъ-то наши старинные помѣщики составляли себѣ большія состоянія. И этотъ дядюшка далъ въ приданое своей воспитанницѣ около ста тысячъ наличными и оставилъ послѣ себя своимъ племянникамъ 1,200 незаложенныхъ душъ.

Возвратимся отъ дяди къ племяннику, графу Александру Ивановичу.

Противъ суровостей русскихъ непогодъ графъ, казалось, закалилъ себя; нерѣдко въ одномъ мундирѣ, въ сильные морозы, дѣлалъ смотръ полкамъ. Это была желѣзная натура и тѣломъ, и душою. Въ пищѣ онъ былъ чрезвычайно умѣренъ; за столомъ только изрѣдка бокалъ шампанскаго. Изысканныхъ блюдъ, особенно пирожныхъ, не терпѣлъ. Любилъ крутую гречневую кашу до того, что, живя въ Италіи, выписывалъ по почтѣ крупу изъ Россіи.

Однажды во время объѣзда корпуса, послѣ полкового смотра на сильномъ морозѣ, возвратясь къ себѣ въ квартиру и выпивъ только чашку чаю, онъ отправился снова въ путь. Между тѣмъ обѣденный столъ былъ сервированъ,

мы слышали уже запахъ яствъ, которыми думалъ угостить насъ на славу полковой командиръ Болховской, большой gourmand и знатокъ кулинарнаго дѣла. Я съ корпуснымъ докторомъ, сопровождавшимъ вмѣстѣ со мною графа, только полакомились обоняніемъ этихъ кушаньевъ. Ужъ и досталось отъ насъ вслѣдъ ему довольно проклятій! На первой невзрачной станціи онъ спросилъ насъ, хотимъ ли мы ѣсть, и на утвердительный отвѣтъ, велѣлъ подать гречневой каши. Обильно поливъ ее зеленымъ коноплянымъ масломъ, онъ усердно принялся ее уничтожать, я съ голоду пропустилъ въ желудокъ нѣсколько ложекъ, докторъ отказался. За то мы рѣшились отплатить ему по-своему. На дорогѣ были страшные зажоры, снѣгъ, мокрыми хлопьями, слѣпилъ глаза, стемнѣло. Военные тогдашняго времени не знали, что̀ такое шуба, а потому мы съ пустымъ желудкомъ продрогнули порядочно. Для исполненія задуманнаго нами мщенія, велѣно нами ямщику понемногу отставать отъ передовыхъ саней (всегда открытыхъ, во всякую непогоду), въ которыхъ сидѣлъ графъ съ слугою и жандармомъ. Вскорѣ мы потеряли его изъ виду. Въ сторонѣ, въ полуверстѣ отъ большой дороги, блеснулъ огонь изъ большого господскаго дома. Повернуть къ нему, войти, предъявить хозяину свои *высокія* титла адъютанта и доктора графа Остермана и попросить его укрыть насъ подъ своимъ кровомъ по случаю наступающей волчьей ночи и худыхъ дорогъ, было дѣломъ нѣсколькихъ минутъ. Гостепріимный помѣщикъ, вѣроятно богатый, судя по обстановкѣ дома, былъ очень радъ гостямъ, упавшимъ къ нему съ неба, и доказалъ это, какъ самый радушный амфитріонъ. Насъ напоили благоуханнымъ чаемъ, угостили отличнымъ ужиномъ и уложили спать въ теплой комнатѣ, на пуховикахъ, въ которыхъ мы утонули, посмѣиваясь въ усъ всѣмъ эгоистамъ, любителямъ гречневой каши и путешествій во время зажоръ. Такъ, конечно, не нѣжился самъ Сарданапалъ. Я забылъ сказать, что хозяйскія дочери, очень миловидныя и хорошо воспитанныя, усладили

для насъ вечеръ пріятною музыкой и пріятной бесѣдой. Между тѣмъ графъ, пріѣхавъ въ первый городъ (это было въ Тульской губерніи), гдѣ долженъ былъ дѣлать смотръ полку, безпокоясь объ насъ, разослалъ гонцовъ насъ отыскивать и подать намъ помощь въ случаѣ, еслибы мы гдѣнибудь застряли. Разумѣется, насъ не нашли. Утромъ мы явились къ нему и сыграли мастерски роль пострадавшихъ мучениковъ. Онъ съ сожалѣніемъ слушалъ нашъ разсказъ, какъ мы провозились всю ночь въ глубокой зажорѣ, изъ которой будто вытащили насъ крестьяне ближайшей къ мѣсту нашей гибели деревни, куда мы посылали ямщика. Насъ велѣно поскорѣе обтереть виномъ и подать намъ чаю съ ромомъ.

Графъ любилъ русскую литературу, по тогдашнему времени, Державинскую, Карамзинскую и Озеровскую. Какъ-то ему въ Петербургѣ расхвалили «Федру» Лобанова, которую Пушкинъ называлъ Ѳедорой; меня заставили прочесть въ присутствіи графини отрывки, сначала изъ подлинника, а потомъ изъ перевода. «Отчего,—спросила меня графиня,— у Расина выходитъ все такъ гармонично, такъ хорошо, а по-русски такъ тяжело, грубо и скучно? Видно, русскій языкъ неспособенъ передать красоты французской поэзіи».— «Тутъ виноватъ не русскій языкъ, который не бѣднѣе, если не богаче и гармоничнѣе французскаго,—отвѣчалъ я,— а недостатокъ таланта и дубоватость переводчика. Впрочемъ, нашъ языкъ сдѣлался *живымъ* русскимъ языкомъ, и то литературнымъ, со временъ Карамзина, а въ обществахъ онъ до сихъ поръ остается *мертвымъ*».

Въ числѣ адъютантовъ графа былъ подполковникъ Свѣчинъ, авторъ знаменитой «Александроиды», которую онъ, для вящшаго вдохновенія, писалъ на саженной аспидной доскѣ, и которую въ тогдашнихъ московскихъ обществахъ читали, какъ нѣкогда «Телемахиду». Графъ, когда хотѣлъ подремать, убаюкивался ея стихами, читаемыми ему самимъ авторомъ.

Съ глубокою признательностью вспоминаю добрыя, отеческія отношенія ко мнѣ графа. Когда я бывалъ нездоровъ, онъ посѣщалъ меня на моей квартирѣ. Разъ въ Калугѣ, наскучивъ разводами на морозѣ, я сказался больнымъ. Ко мнѣ пришелъ товарищъ, по тогдашнему свитскій офицеръ, по нынѣшнему генеральнаго штаба, Вельяминовъ-Зерновъ, прекрасно образовавшійся въ школѣ Муравьева и много обѣщавшій (убитъ въ 1829 году въ сраженіи противъ турокъ [1]). Мы прочли съ нимъ нѣсколько страницъ изъ Парни. Пришелъ другой товарищъ; съ этимъ мы стали перекидывать въ банкъ. Цѣлыя колонны цифръ были исписаны по зеленому столу, какъ говорится, на мѣлокъ. Вдругъ въ это самое время входитъ графъ. Можно судить о моемъ смущеніи. Онъ ничего тутъ не сказалъ, только посмотрѣлъ на насъ съ неудовольствіемъ и вышелъ. Но съ того времени долго не давалъ мнѣ покоя своими разспросами, не пристрастенъ ли я къ картамъ, и когда мы съ нимъ находились вдвоемъ, убѣждалъ меня, какъ добрый отецъ, не играть болѣе. Въ душѣ этого суроваго по наружности человѣка звучали нерѣдко нѣжныя струны. Живя, послѣ смерти жены своей, въ Пизѣ или Флоренціи, онъ страстно полюбилъ красавицу италіанку. Дѣтей онъ также нѣжно любилъ... Боясь современемъ, на старости лѣтъ, сдѣлаться ревнивымъ, онъ пожертвовалъ ея спокойствію своею горячею къ ней привязанностью и выдалъ ее съ богатымъ приданымъ за молодого, красиваго соотечественника ея. Дѣтямъ онъ далъ хорошее воспитаніе и обезпечилъ ихъ будущность. Правда, для удовлетворенія этихъ потребностей срѣзали вѣковые, подмосковные лѣса, которые такъ берегли старики, графы Остерманы, не думая, чтобъ они ушли въ Италію.

Не скрою, что графъ Александръ Ивановичъ имѣлъ

---

[1]) Сестрѣ его Анисѣ Ѳедоровнѣ Мерзляковъ посвятилъ многія изъ своихъ стихотвореній.

большія странности. Нѣкоторыя его эксцентричности, разглашаемыя, какъ водится, съ прибавленіями, доходили до Петербурга, гдѣ острякъ Нарышкинъ умѣлъ передавать ихъ въ самомъ смѣшномъ видѣ Онъ держалъ въ своей лагерной палаткѣ огромнаго бѣлаго орла и бѣлаго ворона и любилъ имѣть у себя во дворѣ, когда жилъ въ Калугѣ, медвѣдей. Двумъ хирурги отрѣзали по суставъ переднія лапы, въ которыхъ заключается главная ихъ сила. Имъ сдѣлана была фантастическая одежда. Но развѣ Байронъ въ Венеціи не имѣлъ около себя цѣлаго звѣринца съ обезьянами, кошками, собаками, лисицей, ястребами и коршунами? Правда, Байронъ не дѣлалъ хирургическихъ операцій своимъ четвероногимъ любимцамъ [1]. Графъ, живя въ Италіи, выписалъ туда изъ своей подмосковной, чтобы ходить за дѣтьми, кривого бурмистра Егора, имѣвшаго медаль за побѣду въ 12 году надъ французскими мародерами. Русскій мужичекъ и тутъ нашелся. Выдержавъ успѣшно двухгодовалый искусъ въ Авзоніи, онъ возвратился на родину съ богатымъ награжденіемъ и зарылся опять въ свой овчинный тулупъ. Вѣроятно, эти эксцентричности дали поводъ Давыдову приписать ихъ сумасшествію. Надо однакожъ пояснить, что онѣ появились гораздо послѣ наполеоновскихъ войнъ, да и то сказать, если копнуть поглубже въ домашнюю жизнь иного *знаменитаго* человѣка, то и не такія продѣлки въ ней найдутся... По крайней мѣрѣ въ эксцентричности графа не было ничего грязнаго, безчестнаго...

Великій князь Михаилъ Павловичъ очень любилъ его и зналъ объ нѣкоторыхъ его странностяхъ. Когда я имѣлъ

---

[1]) Дѣлаю слѣдующую замѣтку для естествоиспытателей. Одна медвѣдица въ звѣринцѣ графа жила съ двумя медвѣжатками. Игры ихъ были потѣшны. Но какъ послѣдніе становились злы и опасны, то ихъ разлучили съ матерью. Жалко было видѣть, какъ она съ ними разставалась и провожала ихъ со двора; жалобныя завыванія ея, которымъ недоставало только словъ, хватали за сердце, точно рыдала мать-женщина, разлучаясь навсегда съ своими дѣтьми.

честь, за отсутствіемъ губернатора, въ 1844 году принимать его высочество въ Твери, куда онъ пріѣзжалъ для осмотра 7 кавалерійской дивизіи, онъ за обѣдомъ, разговорившись о графѣ, спросилъ меня: «а что сталось съ медвѣдями его?» Ободренный особенно милостивымъ ко мнѣ вниманіемъ великаго князя во все пребываніе его въ Твери, я разсказалъ ему слѣдующій случай по поводу этихъ медвѣдей.

Остерманъ, живя въ Петербургѣ, получилъ два письма, одно отъ дамы, которую онъ называлъ своимъ другомъ, съ извѣстіемъ о смерти ея мужа, другое отъ любимаго имъ командира таврическаго гренадерскаго полка, съ извѣстіемъ о смерти медвѣдя, отданнаго ему графомъ на попеченіе.

Графъ продиктовалъ мнѣ тотчасъ своимъ лаконическимъ языкомъ отвѣты, начинавшіеся словами: «любезный другъ», безъ означенія имени и отчества, подписалъ, и передавъ мнѣ эти имена и отчества для написанія въ адресахъ, велѣлъ мнѣ запечатать письма и отослалъ куда слѣдовало. Я жъ, по разсѣянности, адресовалъ письмо съ сожалѣніемъ о смерти мужа къ командиру полка. Пріятельница графа промолчала, но полковой командиръ возвратилъ письмо, которое, какъ онъ писалъ, вѣроятно, прислано къ нему по ошибкѣ.

— Чтожъ графъ? — спросилъ меня великій князь.

— Ничего, ваше высочество, — отвѣчалъ я, — только очень хладнокровно далъ мнѣ прочесть письмо, обличавшее мою вину.

Но я по-стариковски опять заболтался о старинѣ; пожалуй, такъ розсказнямъ моимъ не будетъ и конца. Начавъ за здравіе, кончимъ же за упокой. Помянемъ съ благоговѣніемъ имена двухъ богатырей великой для Россіи эпохи, и поблагодаримъ М. П. Погодина, что онъ сохранилъ потомству драгоцѣнные памятники служенія отечеству одного изъ нихъ.

18 марта 1864.

КАКЪ Я ЗНАЛЪ М. Л. МАГНИЦКАГО.

Съ какимъ удовольствіемъ принимаешься за перо, когда хочешь изобразить личность, оставившую по себѣ свѣтлый слѣдъ на землѣ, какому бы роду служенія отечеству или человѣчеству ни посвятила она себя. Потомство поминаетъ его имя съ благоговѣйною благодарностью; отецъ приводитъ сына поклониться его могилѣ и научиться на ней урокамъ чести и долга. Это имя звучитъ такъ гармонически, согрѣваетъ сердце такимъ благодатнымъ огнемъ. Напротивъ того, съ какимъ тяжелымъ чувствомъ приступаешь къ изображенію человѣка, который, будучи одаренъ лучшими дарами природы и воспитанія и имѣя въ рукахъ своихъ средства разливать добро и свѣтъ на все его окружающее, употребилъ во зло эти дары для удовлетворенія однѣхъ своихъ страстей.

Обстоятельства поставили меня въ близкія отношенія къ М. Л. Магницкому, когда онъ стоялъ на вершинѣ своего служебнаго поприща и во время его паденія; я пользовался его горячимъ, порывистымъ благорасположеніемъ, слылъ даже лѣтъ пять его любимцемъ и испыталъ столь же порывистое недоброжелательство, котораго настоящую причину не могъ никогда знать. Таковъ онъ былъ во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ. То, что я буду разсказывать о немъ на немногихъ страницахъ, сколько память не измѣнитъ мнѣ,

можетъ служить дополненіемъ къ статьѣ г. Ѳеоктистова, помѣщенной въ «Русскомъ Вѣстникѣ» 1864 года, и новыми матеріалами для исторіи просвѣщенія Россіи. Предупреждаю, что я по пути моего разсказа буду иногда разбрасывать замѣтки, хотя и отступающія зигзагами отъ главнаго предмета моего разсказа, но которыя могутъ быть интересны, какъ обрисовывающія тогдашнюю эпоху, или поучительны для нынѣшнихъ современниковъ. Неминуемо придется мнѣ часто говорить о себѣ.

Оставивъ въ 1820 году военную службу, я сталъ, слѣдуя своимъ наклонностямъ, искать мѣста по учебному вѣдомству. Бывшій мой начальникъ, графъ Остерманъ-Толстой, передъ отъѣздомъ своимъ въ чужіе края, письменно просилъ тогдашняго попечителя Харьковскаго учебнаго округа, Карнѣева, доставить мнѣ мѣсто директора училищъ въ этомъ округѣ. Между тѣмъ, въ ожиданіи отвѣта, который нѣсколько замедлился, дали мнѣ знать, что въ Казанскомъ округѣ открылась вакансія директора пензенскихъ училищъ, и совѣтовали мнѣ прямо обратиться къ попечителю округа М. Л. Магницкому. Этотъ совѣтъ былъ приправленъ разными жаркими похвалами лицу, къ которому я долженъ былъ адресоваться.

Магницкій былъ тогда лицо сильное, пользовавшееся неограниченною довѣренностью министра духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія, князя А. Н. Голицына, отогрѣвшаго его у сердца своего отъ невзгодъ, его поразившихъ, въ одну и ту же грозу, павшую на голову Сперанскаго. Я слыхалъ о Магницкомъ, какъ о человѣкѣ остраго, высокаго ума, съ необыкновенно увлекательнымъ даромъ слова, изустнымъ и письменнымъ, съ блестящимъ научнымъ образованіемъ (онъ получилъ воспитаніе въ благородномъ пансіонѣ при Московскомъ университетѣ, гдѣ имя его красовалось золотыми буквами). Чарующая извѣстность дружескаго расположенія къ нему Сперанскаго придавала еще болѣе блеска его имени.

Вооруженный аттестатомъ моего бывшаго начальника, копіей съ письма его къ попечителю Харьковскаго учебнаго округа и оффиціальнымъ письмомъ статсъ-секретаря Н. М. Лонгинова [1]), при которомъ присланъ мнѣ былъ Высочайшій подарокъ за посвященіе имени государыни Елисаветы Алексѣевны моихъ «Походныхъ записокъ», я явился къ Магницкому. Онъ, повидимому, жилъ очень скромно; единственный слуга его тотчасъ доложилъ обо мнѣ, и я тотчасъ былъ принятъ въ кабинетъ. Предо мною предсталъ человѣкъ высокаго роста, съ привлекательною наружностью, съ голубыми, умными глазами, съ привѣтливою рѣчью. Онъ выслушалъ мою просьбу, быстро разсмотрѣлъ мои бумаги, сдѣлалъ мнѣ нѣсколько вопросовъ о моихъ религіозныхъ убѣжденіяхъ (я былъ заранѣе предупрежденъ, что мнѣ предстоитъ этотъ искусъ, но не имѣлъ нужды лицемѣрить), проницательно посматривая на меня и, какъ мнѣ казалось, прислушиваясь къ моему голосу, будто бы испытывалъ меня въ искренности моихъ отвѣтовъ, и наконецъ сказалъ мнѣ: «Признаюсь, ваша молодость нѣсколько смутила было меня, но рекомендація лицъ, мною уважаемыхъ, и ваши религіозныя правила, въ которыхъ не сомнѣваюсь, ручаются мнѣ, что вы будете руководить юношество по истинному пути, и потому извольте поскорѣе подавать просьбу. Разъ убѣжденный, я не люблю мѣшкать». На другой день пошло обо мнѣ представленіе къ министру и, какъ нарочно, встрѣтилось съ представленіемъ попечителя Харьковскаго учебнаго округа объ опредѣленіи меня директоромъ училищъ Херсонской губерніи, вслѣдствіе чего министръ велѣлъ спросить меня, на какое именно мѣсто желаю быть опредѣленъ. Я предпочелъ Пензу, какъ городъ ближайшій къ Москвѣ, имѣющій болѣе здоровую мѣстность, нежели Херсонъ и представляющій мнѣ ту вы-

---

[1]) Эту чистую, безукоризненную личность имѣлъ я честь встрѣчать нерѣдко въ домѣ графа Остермана-Толстого.

году по службѣ, что я зналъ уже лично моего будущаго начальника, которымъ я тогда, еще очень молодой человѣкъ, подчиняющій свои соображенія первымъ чистымъ впечатлѣніямъ, очаровался. Къ тому же, Магницкій, какъ я сказалъ, былъ въ то время *сила*, обѣщавшая сдѣлать много хорошаго для ввѣреннаго ему округа.

Это было время мистическаго настроенія общества, у однихъ искренняго, у другихъ притворнаго, изъ угожденія или подражанія сильнымъ лицамъ. Начиная съ перваго камня того дивнаго храма, который задуманъ былъ въ геніальной головѣ Витберга [1]), но не могъ быть осуществленъ по причинамъ отъ него не зависѣвшимъ, и сколько могли опредѣлить слухи, тогда носившіеся, будто по недоброжелательству графа Аракчеева къ князю А. Н. Голицыну, покровителю художника, — начиная съ этого камня и продолжая поэтическими экстазами г-жи Криденеръ, разными тайными и открытыми обществами, масонскими ложами и оргіями, описанными въ «Воспоминаніяхъ» Вигеля, все тогда было запечатлѣно религіознымъ или политическимъ мистицизмомъ. Несмотря, что всѣ эти общества основывались для усовершенствованія рода человѣческаго, люди не дѣлались лучше. Взяточничество было въ полномъ разгарѣ; все было продажное: мѣста, жена, убѣжденія, обязанности...

Не могу не упомянуть при этомъ случаѣ, что за два года до описываемаго времени, именно при открытіи перваго сейма Варшавскаго, я едва не былъ увлеченъ въ лоно

---

[1]) Одинъ пріятель его, подозрѣвавшій, по прочтеніи моего «Басурмана», что я въ Аристотелѣ-Фіоравенти хотѣлъ олицетворить Витберта, повезъ меня къ нему, когда онъ незадолго до того возвратился изъ Вятки, мѣста своего временнаго изгнанія, и жилъ въ Петербургѣ на Пескахъ въ большой бѣдности. Геніальный художникъ былъ такъ снисходителенъ, что занялся болѣе часа разъясненіемъ мнѣ идеи трехстепеннаго храма Спасителя на Воробьевыхъ горахъ.

масонства однимъ изъ самыхъ горячихъ его адептовъ. И кто бы, вы думали, былъ онъ? Лукашевскій, основатель, вмѣстѣ съ Мохнацкимъ, масонскихъ ложъ въ Царствѣ Польскомъ и Литвѣ, въ которыхъ уже и тогда заготовлялись тѣ горючіе матеріалы, ожидавшіе только первой брошенной въ нихъ искры, чтобы произвести пожаръ будущей революціи. И эти матеріалы готовились уже въ то самое время, когда великодушный русскій императоръ такъ довѣрчиво сыпалъ свои благодѣянія на поляковъ, въ то время когда они прижимали насъ, русскихъ, къ своему сердцу какъ родныхъ братьевъ. Да, мы и были братья, но можно заключить изъ послѣдовавшихъ обстоятельствъ, кто изъ насъ игралъ роль Авеля, кто Каина. Мы и тогда подозрѣвали, что въ лобзаніяхъ ихъ скрывается ядъ, — Мицкевичева Мавра, сказалъ бы я, еслибы «Валленродъ» былъ тогда написанъ. Еще въ 1816 году, на возвратномъ походѣ изъ Франціи, мы, субалтернъ-офицеры, хотя и не дипломаты, смутно постигали, что творится что-то недоброе, когда отрывали отъ знамени русскаго и переводили изъ рядовъ нашихъ въ новоформируемую польскую армію всѣхъ польскихъ уроженцевъ, уже сроднившихся съ нами и обрусѣвшихъ, и такимъ путемъ образовали двѣ отдѣльныя арміи, два отдѣльные народа [1]). Такъ-то иногда въ низшихъ классахъ народа чуютъ инстинктивно наступающую политическую грозу, когда въ высшихъ сферахъ о ней и не помышляютъ. Что успѣла было мудрая Екатерина спасти въ пріобрѣтенныхъ русскою кровью западныхъ губерніяхъ, то

---

[1]) Въ одномъ изъ первыхъ засѣданій сейма, присутствуя на немъ, я самъ слышалъ, какъ одинъ изъ депутатовъ требовалъ какого-то закона, касающагося численности польской арміи. Будто и теперь вижу, какъ депутатъ отъ предмѣстья Праги, великій князь Константинъ Павловичъ, оскорбленный его неожиданною выходкой, всталъ во всю высоту свою и энергически заявилъ, что рѣшеніе сдѣланнаго предложенія есть дѣло русскаго правительства, а не сейма. Глубокое молчаніе послѣдовало за этимъ отвѣтомъ.

разрушалось новѣйшими распоряженіями. Я познакомился съ Лукашевскимъ въ Пасху въ дворцовой квартирѣ С., лица хоть не высокаго, но приближеннаго къ государю, неразлучно съ нимъ находившагося во всѣхъ его путешествіяхъ, ревностнаго царскаго слуги, готоваго при случаѣ положить за него свою голову. Какъ пробрался къ нему Лукашевскій, простой армейскій офицеръ (едва ли не поручикъ), безъ всякихъ преимуществъ породы и заслугъ, какъ втирался онъ въ среду императорской свиты, не могу понять. Вѣроятно, доставляли ему этотъ доступъ сильные при дворѣ люди изъ поляковъ, чтобы вывѣдывать чрезъ него въ избранномъ кружку нужныя имъ свѣдѣнія отъ простячковъ москалей, которые могли бы попасться на эту удочку. Сколько могу теперь припомнить, это былъ офицерикъ небольшого роста, съ черными, узенькими бакенбардами, стянутый по тогдашнему въ рюмочку, не обѣщавшій по своей наружности и нескромнымъ рѣчамъ политическаго дѣятеля, вертлявый, краснобай. Моя ли физіономія ему понравилась, или вниманіе, съ которымъ я слушалъ его, — онъ избралъ меня изъ среды кружка, собравшагося у С., чтобъ обворожить своею заманчивою рѣчью. Мало-по-малу онъ сталъ мнѣ хвалить славное, святое учрежденіе масонства, пересыпая эту рѣчь словами: «любовь къ человѣчеству, братство, познаніе великой истины, скрывающейся отъ глазъ непосвященныхъ, достиженіе разныхъ благъ и чуть ли не отысканіе философскаго камня», — говорилъ, что въ наше время стыдно порядочному человѣку не быть членомъ этого великаго учрежденія. Въ довершеніе онъ предлагалъ ввести меня въ одну изъ варшавскихъ масонскихъ ложъ. Все это открыто говорилось при многихъ свидѣтеляхъ, чему я не удивлялся, потому что таковъ былъ духъ времени, такова была тогда мода на масонство, и я зналъ, что многіе изъ нашихъ генераловъ, даже первенствующихъ, принадлежали къ нему. Не скрою, что я поддался было обаянію краснорѣчивыхъ убѣж-

деній моего собесѣдника; но, образумившись отъ перваго впечатлѣнія и сообразивъ, что не очень надо было довѣрять незнакомому мнѣ поляку, я отвѣчалъ, что, судя по его словамъ, выхваляемое имъ учрежденіе дѣйствительно должно быть прекрасно, но чувствую, что я еще не дозрѣлъ для него; что я не хочу налагать на себя обязательства, которыя, можетъ-быть, не въ силахъ буду исполнить, или которыя могутъ быть противными моему долгу; что если вздумаю когда-нибудь вступить въ масонство, такъ сдѣлаю это въ своемъ отечествѣ. Признаюсь, этому рѣшенію много содѣйствовали лукавые усмѣшки и знаки, какіе дѣлалъ мнѣ изъ-за плечъ моего искусителя хозяинъ квартиры, человѣкъ бывалый, тертый калачъ. Мы трое представляли тогда три народности: одинъ лукаваго поляка, прошедшую іезуитскую школу, другой — хитраго малороссіянина, я — простодушнаго русачка. Такъ мы и разстались. Я встрѣтилъ еще разъ Лукашевскаго въ кофейной; здѣсь онъ былъ осторожнѣе въ рѣчахъ. Послѣ того я уже никогда съ нимъ не видался и совершенно забылъ о немъ. Но, читая въ прошедшемъ году «Исторію польской революціи 1830 года» Смита, я не мало изумился, встрѣтивъ въ ней имя майора Лукашевскаго, какъ одного изъ зачинщиковъ этой революціи.

Я пріѣхалъ въ Пензу въ самый разгаръ библейскихъ обществъ. Губерніей управлялъ тогда Ѳ. П. Лубяновскій (нынѣ маститый сенаторъ). Онъ принялъ меня съ обычною своею любезностью, обѣщалъ мнѣ быть полезнымъ, чѣмъ можетъ, по моей должности и тотчасъ предложилъ меня въ члены губернскаго библейскаго общества. Вслѣдъ затѣмъ я долженъ былъ открыть отдѣленіе общества при гимназіи. Цѣль была прекрасная, но, какъ у насъ дѣлалось, всѣ заботы членовъ ограничивались одною наружною дѣятельностью, формализмомъ, безъ всякаго разумнаго сочувствія къ дѣлу. О миссіонерствѣ, какъ въ чужихъ краяхъ, о распространеніи нравственно-религіозныхъ понятій въ народѣ, не было и помину. О томъ, какъ легко у насъ вспыхи-

ваютъ подобныя учрежденія по наитію сильныхъ лицъ и какъ скоро они гаснутъ, не оставляя по себѣ животворнаго слѣда, когда эти лица изчезаютъ или сходятъ съ своихъ высокихъ ступеней, можно судить по тому, какъ недолго продержались наши провинціальныя библейскія общества. Отчего жъ это? Оттого, что эти благія учрежденія вызваны были не общественною нравственною потребностью, а желаніемъ подражать, угождать личностямъ.

Главная забота членовъ состояла въ томъ, чтобы продать, кому бы то ни было, какъ можно болѣе книгъ Священнаго Писанія. Во всѣхъ домахъ лежала на виду, въ простомъ кожаномъ или богатомъ переплетѣ, Библія, въ которую иной изъ обладателей ея никогда не заглядывалъ; у кого не было такой выставки, считался чуть ли не еретикомъ. Первый грѣховодникъ, первый взяточникъ, погрязшая въ разныхъ интригахъ женщина, надѣвали на себя личину христіанскаго миссіонера. Дѣятельность по этой продажѣ поглощала у меня много времени, да и случалось приплачивать изъ своего тощаго кошелька за тѣ книги, за которыя бѣдные ученики не могли внести денегъ.

Заботы тогдашняго христіаннѣйшаго казанскаго университета и, по примѣру его, подвѣдомыхъ ему гимназій ознаменовались еще тѣмъ, что собирали со всего города нищую братію и угощали ее трапезою, за которою прислуживали ученики. Въ какомъ положеніи засталъ я пензенскую гимназію, описалъ я въ статьѣ: «Матеріалы для біографіи Бѣлинскаго» напечатанной въ «Московскомъ Вѣстникѣ» 1859 года. Долженъ здѣсь прибавить, что съ предмѣстникомъ моимъ мы разошлись въ самыхъ лучшихъ отношеніяхъ. Это былъ старикъ чрезвычайно высокаго роста, съ огромными сѣдыми усами, съ бараньими, вставными зубами, съ жесткою, нетерпѣливою рѣчью, съ длинною тростью, которой стука боялись ученики. Несмотря на его странности, нельзя однакожъ было не уважать его за честную жизнь, за самостоятельность характера, которую не могла сломить бѣд-

ность. Дочь его, не первой молодости, но съ наружностью, въ которой проглядывала сквозь рѣзкія черты доброта души, сносившая безропотно и гордо свою печальную участь, еще болѣе возбуждала во мнѣ это чувство уваженія. Чета эта, безъ всякихъ общественныхъ связей, безъ всякихъ надеждъ, одинокая въ мірѣ, державшаяся за слабую нить жизни только привязанностью одного къ другому, такъ и просилась въ романъ.

Едва успѣлъ я, такъ-сказать, осмотрѣться на новомъ мѣстѣ, сдѣлать кое-что въ пользу учебныхъ заведеній, мною завѣдываемыхъ, и пріобрѣсть довѣренность пензенскаго общества, какъ попечитель поручилъ мнѣ слѣдствіе въ саратовской гимназіи по одному скандалезному происшествію между учениками ея, и вмѣстѣ съ тѣмъ назначилъ меня визитаторомъ училищъ Саратовской губерніи. Обыкновенно такія порученія давались профессорамъ университета, и потому необычайная довѣренность, мнѣ оказанная помимо ихъ, возбудила противъ меня ихъ недоброжелательство, которое они впослѣдствіи старались доказать на дѣлѣ. Между тѣмъ, еще до моего пріѣзда въ Саратовъ, тамошній директоръ училищъ Ч. былъ уволенъ отъ должности за слабое управленіе гимназіей. Происшествіе было представлено высшему начальству въ ужасающихъ размѣрахъ, какъ опасное для государства проявленіе антирелигіознаго духа въ юношествѣ и наставникахъ,—чего и чутьемъ не слышно было. Я нашелъ только гадкую шалость нѣсколькихъ мальчишекъ, конечно, непростительную, за которую и взысканіе было сдѣлано мною соразмѣрно степени вины, какъ съ мальчишекъ. Нравственное же настроеніе учителей было безукоризненное, да и учебная часть въ саратовской гимназіи была въ лучшемъ положеніи, чѣмъ въ пензенской. Окончивъ слѣдственное дѣло и распутавъ важные денежные счеты, съ которыми связанъ былъ тогдашній губернаторъ П. по покупкѣ у него дома для гимназіи, я принялся обозрѣвать низшія учебныя заведенія. Помнится, уѣздныхъ училищъ

въ Саратовской губерніи, этомъ гнѣздѣ раскольниковъ, было только три. Въ Царицынъ я пріѣхалъ 1-го марта по Волгѣ, окованной льдомъ. Во время пути сопровождало меня клегтанье орловъ, описывавшихъ надъ головою моею широкіе круги, какъ-будто бы съ недосягаемой для человѣка высоты они трубили надъ нимъ свое торжество. Тутъ же кстати посѣтилъ я колонію гернгутеровъ, Сарепту, полюбовался тамъ оригинальнымъ устройствомъ общества, которое, однакоже, по мнѣнію моему, можетъ существовать только въ небольшой общинѣ, да и здѣсь, съ духомъ времени, первоначальный уставъ колоніи постепенно измѣняется; полюбовался на пути довольствомъ, чистотою, нравственно-религіознымъ образованіемъ и вообще гражданскимъ развитіемъ нѣмецкихъ колоній. Съ грустью видѣлъ я контрастъ ихъ въ русскихъ деревняхъ, бокъ-о-бокъ съ ними встрѣчавшихся. Надо и то сказать: въ однѣхъ жили люди свободные, собственники, огражденные разными привилегіями и самоуправленіемъ, а въ другихъ, большею частью, люди отупѣвшіе подъ разнымъ гнетомъ. По возвращеніи въ Саратовъ, я посѣтилъ Вольскъ въ самый разливъ небольшихъ рѣкъ. Въ это время ѣзда туда, и по почтовому тракту, становится чрезвычайно трудна, мѣстами и опасна. Воды стремительно прибываютъ, такъ что дороги заливаются въ нѣсколько часовъ, мосты поднимаетъ, и надо дѣлать объѣзды далеко кругомъ, часто по вязкимъ черноземнымъ пашнямъ, или не иначе пускаться по разливамъ, какъ вслѣдъ за передовымъ коннымъ, обязаннымъ развѣдывать, можно ли за нимъ проѣхать безопасно экипажу. Иногда приходилось на утлой ладьѣ, съ тройкою и экипажемъ, лавировать по водамъ между кустами. Случилось даже однажды, что во время такого путешествія у одной лошади заднія ноги были въ водѣ, а переднія въ лодкѣ, а люди становились для равновѣсія на другую сторону, чтобъ она не захлебнулась. Можно судить, какъ пріятна такая ѣзда. Такова она была въ прошедшее время; полагаю, что она

не измѣнилась къ лучшему и нынѣ въ сторонѣ отъ желѣзныхъ дорогъ и шоссе. Теперь устройство побочныхъ путей сообщенія и наблюденіе за ними поручаютъ земству, и отъ его разумныхъ и энергическихъ распоряженій мы вправѣ ожидать, что не будемъ вязнуть въ топяхъ, какъ вязли не только крестьянскія клячи, но и извощичьи лошади-богатыри на всѣхъ проселочныхъ дорогахъ Россіи. Когда я возвращался изъ Вольска, воды быстро сбывали, жадно поглощаемыя Волгою, которой половодье держится въ самыхъ грандіозныхъ размѣрахъ до первыхъ чиселъ іюня. Вольскъ, когда я посѣтилъ его, былъ маленькій городокъ, декораціонно созданный золотымъ жезломъ откупщика Злобина. Этотъ волшебникъ на скорую руку выстроилъ на берегу Волги, только для виду, множество каменныхъ высокихъ домовъ, которые и принимались въ залоги по виннымъ откупамъ, и которые со смертью его, или по минованіи въ нихъ надобности для этой операціи, большею частью, въ мое время представляли однѣ необитаемыя стѣны безъ оконъ и дверей и проч. По оврагамъ и косогорамъ лѣпились избушки и пещерки, едва прикрытыя дранью. Это, какъ мнѣ сказали, кельи бѣднѣйшихъ изъ вольскихъ изувѣровъ, питающихся пособіями ихъ богатыхъ собратовъ и за то обязанныхъ поддерживать расколъ и помогать ихъ тайнымъ продѣлкамъ. Здѣсь я могъ сдѣлать сравненіе двухъ обществъ — сарептскихъ гернгутеровъ и вольскихъ раскольниковъ. Въ концѣ весны посѣтилъ я живописную Зубриловку (упоминаемую нерѣдко въ «Воспоминаніяхъ» Вигеля), въ которой находился женскій пансіонъ, содержавшійся на счетъ владѣльцевъ ея, князей Голицыныхъ. По моему мнѣнію, такіе женскіе пансіоны, удаленные отъ городовъ, въ мѣстностяхъ, гдѣ нѣтъ надъ ними постоянной учебной инспекціи и надзора родителей и общества, не должны быть терпимы. Правительство это доказало въ сороковыхъ годахъ, отказавъ тверскому помѣщику Ртищеву въ основаніи женскаго пансіона въ его

богатой усадьбѣ, доходы съ которой онъ предлагалъ на содержаніе заведенія.

Какой благословенный край эта Саратовская губернія! Есть въ ней дѣвственныя земли, отъ вѣка не тронутыя сохою. Здѣшняя флора богата такими дарами, которые могли бы украсить наши сады; энтомологъ можетъ собрать здѣсь, особенно на восточномъ берегу Волги, сокровищницу бабочекъ, которыхъ разнообразною красотой не налюбуешься.

По возвращеніи моемъ въ Пензу, попечитель писалъ мнѣ: «Получивъ съ удовольствіемъ донесеніе ваше объ осмотрѣ саратовской гимназіи и подвѣдомыхъ ей училищъ, усматриваю, что порученіе мое исполнили вы наилучшимъ образомъ. Отдавая полную справедливость трудамъ вашимъ, усердію къ службѣ и основательнымъ свѣдѣніямъ по управленію учебными заведеніями въ христіанскомъ духѣ, мнѣ весьма пріятно увѣрить васъ, милостивый государь мой, заранѣе, что не премину ходатайствовать, дабы отличныя заслуги ваши были награждены примѣрно. Между тѣмъ предлагаю вамъ мѣсто директора казанской гимназіи, и въ случаѣ вашего на сіе согласія, прошу поспѣшнѣе увѣдомить меня».

Замѣтьте слова: «въ христіанскомъ духѣ». Ужъ, конечно, въ этомъ духѣ, потому что я исполнилъ мои обязанности по долгу совѣсти. Къ этой замѣткѣ надобно присовокупить, что я не только примѣрной, и никакой награды не получилъ. Письмо было отъ 18-го марта 1823 г. Означаю числа, чтобы показать фазисы расположенія ко мнѣ Магницкаго.

Жаль было мнѣ разстаться съ моими учениками, съ учителемъ П., въ которомъ я нашелъ не только прекраснаго наставника (впослѣдствіи руководителя Бѣлинскаго), но и прекраснаго человѣка, оставшагося до сихъ поръ моимъ другомъ, — съ пензенскимъ обществомъ, которое меня полюбило, съ живописною Пензой, съ драгоцѣнною

для меня могилой; но мнѣ, при недостаточномъ состояніи, предстояли въ Казани выгоды по увеличенію моего скуднаго жалованья и я далъ свое согласіе.

Не прошло мѣсяца съ этого письма, какъ я получилъ отъ попечителя офиціальную бумагу, отъ 13 іюня 1823 г., за № 846, слѣдующаго содержанія:

«Государь императоръ, по докладу господина министра духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія, высочайше повелѣть соизволилъ назначить казанскому университету, вмѣсто штатной его суммы, оброчныя статьи, въ вѣдѣніи казенныхъ палатъ находящіяся, въ губерніяхъ казанскаго округа, по моему избранію. Прилагая при семъ списокъ предварительно избраннымъ мною статьямъ по Пензенской губерніи, я прошу васъ, милостивый государь мой, собрать о нихъ подробнѣйшія и, сколько возможно, положительныя свѣдѣнія на самомъ мѣстѣ отдачи ихъ въ оброкъ, или отъ людей, совершенно знающихъ истинный доходъ каждой изъ сихъ статей.

«Свѣдѣнія сіи должны состоять въ слѣдующемъ:

«1) Какой выгоды можетъ ожидать университетъ казанскій отъ оброчныхъ статей Пензенской губерніи, когда получитъ ихъ въ свое вѣдѣніе, независимо отъ платы, нынѣ содержателями ихъ вносимой, которую можно узнать подъ рукою въ казенной палатѣ.

«2) Сколько получаетъ содержатель оныхъ дѣйствительнаго дохода?

«3) Тотъ ли содержитъ статью, кто заключилъ на сіе контрактъ, или передана она другому, чрезъ сколько именно рукъ и по какой цѣнѣ переходила?

«4) О мельницахъ вы въ особенности удостовѣритесь, вѣрна ли опись казенной палаты, то-есть столько ли поставокъ находится при мельницѣ, какъ показано въ описи, и въ какомъ она положеніи, то-есть новая или ветхая.

«5) Рыбныя ловли должны быть описаны съ такою же точностью, какъ въ разсужденіи выгоды ихъ, такъ и отно-

сительно дохода, нынѣ содержателями оныхъ собираемаго: ибо ежели бы оказалось въ нѣкоторыхъ уѣздахъ, что крестьяне не имѣютъ на душу узаконенной пропорціи земли, то вмѣсто оной могутъ быть взяты всѣ безъ исключенія мельницы и рыбныя ловли. Для свѣдѣній, кои нужно будетъ получить въ уѣздахъ, вы можете отправиться на основаніи § 78 Устава учебныхъ заведеній.

«Впрочемъ, вы ограничитесь осмотромъ только означенныхъ въ спискѣ статей; но ежели узнаете отъ себя другія, лучшія, то для блага университета доставьте мнѣ о нихъ подобныя же описанія.

«Ежели посредствомъ вашимъ значительно,—я разумѣю вдвое или болѣе противу настоящей цѣны, — можетъ подняться оная, то усердіе ваше я доведу до свѣдѣнія господина министра духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія и буду просить его сіятельство о представленіи его императорскому величеству.

«Попечитель казанскаго учебнаго округа

«*Михаилъ Магницкій*».

Можно судить по этой бумагѣ, какъ важно было порученіе, мнѣ сдѣланное, съ какими затрудненіями оно было сопряжено, и какого доброжелательства долженъ я былъ ожидать отъ лицъ, завѣдывавшихъ оброчными статьями. Однакожъ смущаться и раздумывать было некогда: во главѣ посланія стояло имя, передъ которымъ разступаются всѣ затрудненія, и я принялся ретиво исполнять это порученіе, котораго мысль, вѣроятно, принадлежала горячей, эксцентрической головѣ Магницкаго. Такъ сужу, потому что эта мѣра не касалась ни одного учебнаго округа, кромѣ Казанскаго.

Пустившись, какъ новый Язонъ, отыскивать для университета золотое руно и запасшись подъ рукой, вооруженною магическимъ жезломъ, дѣлающимъ въ мірѣ чудеса, нѣкоторыми основными свѣдѣніями, я призналъ за лучшее

отправиться на самыя мѣста оброчныхъ статей. Бесѣдуя съ крестьянами, какъ простой путешественникъ, я узналъ, что мнѣ нужно было знать, лучше и вѣрнѣе, нежели могъ бы это сдѣлать отъ чиновниковъ, заинтересованныхъ въ этомъ дѣлѣ. Слѣдствіемъ моимъ розысканій было донесеніе попечителю, что если исполненіе предполагаемаго поручать людямъ, которые будутъ болѣе хлопотать о пользѣ казны, нежели своего кармана, то оброчныя статьи могутъ дать безъ сравненія высшую цѣну (не помню, какая была мною означена), чѣмъ онѣ даютъ нынѣ. Но всѣ мои труды и даже расходы по моему путешествію, не вознагражденные ничѣмъ, пропали даромъ. Поступилъ ли тогда новый министръ финансовъ, не любившій играть въ проекты, и нашелъ дѣло, затѣянное Магницкимъ, неудобоисполнимымъ, — мнѣ неизвѣстно; знаю только, что предположеніе и осталось предположеніемъ. Чтобы не начинать его напрасно, стоило только сообразить, какъ удобно было бы членамъ министерства народнаго просвѣщенія заниматься учебною частью и завѣдывать оброчными статьями. Чтожъ дѣлать? Кошкѣ игрушки, а мышкѣ слезки.

Сибирскій генералъ-губернаторъ М. М. Сперанскій, въ проѣздъ свой въ Петербургъ, посѣтилъ *sa bonne ville de Penza*, гдѣ онъ за нѣсколько лѣтъ былъ губернаторомъ и завѣдывалъ губерніей, какъ могучій кормчій, водившій прежде государственный ковчегъ по морямъ и посаженный на лодку, плывущую по водамъ тихой рѣчки. Ему кстати нужно было распорядиться богатыми землями, не задолго до того пожалованными ему въ Чембарскомъ уѣздѣ. Это былъ новый залогъ возвращенія ему милостей государя. Можно судить, съ какимъ усердіемъ всѣ чины въ губерніи, отъ большого до малаго, старались угодить ему въ этомъ дѣлѣ. Его любили въ Пензѣ за добро, сдѣланное имъ многимъ во время управленія губерніей, понимали также, что онъ снова государственная сила, которую уже трудно вновь поколебать, и потому чувства любви и личнаго интереса

привлекли къ нему толпы посѣтителей-поклонниковъ. Цѣлый день осаждали его просьбами, словесными и письменными. Не отказалъ онъ никому въ своемъ ходатайствѣ и покровительствѣ, ни одинъ проситель не отошелъ отъ него не обласканный и не обнадеженный. Отъѣздъ его сопровождался всеобщими благословеніями. За то, по выѣздѣ его изъ Пензы, въ каминѣ его квартиры жгли цѣлые ворохи прошеній и докладныхъ записокъ. Вѣроятно, самыя уважительныя изъ нихъ взялъ онъ съ собой. На обѣдѣ у помѣщика Мартынова онъ подошелъ ко мнѣ. Я въ это время сидѣлъ и при первыхъ словахъ, ко мнѣ обращенныхъ, привсталъ, но онъ дотронулся до моего плеча, понуждая меня опять сѣсть, чего я однакожъ не исполнилъ. Говорю объ этомъ для того только, чтобы показать, какъ бездѣлицы характеризуютъ иногда человѣка. Онъ сдѣлалъ мнѣ нѣсколько вопросовъ о состояніи гимназіи, сказалъ мнѣ нѣсколько одобрительныхъ словъ. Ни слова о Магницкомъ. Въ жизни этого государственнаго человѣка была цѣлая поэма, и потому можно судить, съ какимъ чувствомъ смотрѣлъ я на его умное лицо, съ поникшими глазами, слушалъ его привѣтливую рѣчь. Какіе лучи царскихъ милостей, едва ли не дружбы, озаряли нѣкогда его обнаженную голову, какая ужасная гроза разразилась надъ нею!

Опредѣленный директоромъ казанской гимназіи, которая тогда именовалась императорскою, въ память того, что ее основалъ императоръ Павелъ Петровичъ, едва ли не въ посѣщеніе свое Казани (тогда же подарена была ей богатая библіотека князя Потемкина-Таврическаго, перешедшая потомъ въ университетъ), я отправился въ началѣ слѣдующаго лѣта къ мѣсту своего назначенія. Во время пути меня окурялъ, какъ будто противъ міазмовъ, ожидавшихъ меня въ Казани, медовый ароматъ гречневыхъ полей, разстилавшихся на нѣсколько десятковъ верстъ. По нѣсколькимъ станціямъ я мчался какъ вихрь на лихихъ татарскихъ ко-

няхъ, управляемыхъ бѣшенымъ татариномъ-ямщикомъ. Казалось, я не чувствовалъ разстоянiй.

Вскорѣ по прiѣздѣ моемъ въ Казань поручена мнѣ и должность директора училищъ губернiи съ двойнымъ жалованьемъ, по этому мѣсту и мѣсту директора гимназiи, — новый знакъ особеннаго вниманiя ко мнѣ попечителя. Ни прежде, ни послѣ меня никто не занималъ этихъ мѣстъ въ одно и то же время.

Осенью 1825 года прiѣхалъ въ Казань Магницкiй. Послѣ предварительныхъ экзаменовъ въ гимназiи, продолжавшихся нѣсколько дней и ежедневно имъ посѣщаемыхъ, происходилъ торжественный актъ. Читая отчетъ объ управленiи гимназiи за академическiй годъ, я окончилъ его слѣдующею рѣчью (напечатанною впослѣдствiи во II-й части «Славянина», журнала, издававшагося Воейковымъ): «При этомъ торжественномъ случаѣ могу ли я умолчать объ одномъ изъ прiятнѣйшихъ предположенiй нашихъ? Въ то время, когда единодушнымъ соревнованiемъ нашихъ соотечественниковъ по всему протяженiю Россiи возносятся памятники великимъ мужамъ ея: Ломоносову на берегахъ Двины, меценату Демидову въ стѣнахъ Ярославля, герою Донскому на поляхъ Краснохолмскихъ, Ришелье у водъ Чернаго моря, — въ то самое время, когда благодарность не есть только долгъ, а собственное наше удовольствiе и слава, останется ли казанская гимназiя равнодушною къ памяти Державина, получившаго въ ней начальное образованiе? Здѣсь генiй долго испытывалъ силы свои; здѣсь одобренiе наставниковъ было первымъ лавровымъ листкомъ того вѣнца, которымъ современемъ почтило его восторженное отечество. Отсюда, прозирая свое будущее поприще, вышелъ онъ на первые опыты славы. Смѣло можемъ сказать: Державинъ былъ нашъ воспитанникъ. Кому же уступимъ честь первенства въ почтенiи достойнымъ образомъ памяти великаго? Я полагалъ бы воздвигнуть ему здѣсь приличный памятникъ съ его изображенiемъ и надписью: «*Воспитаннику*

своему Гавріилу Романовичу Державину казанская гимназія». За усердное выполненіе этого дѣла ручается мнѣ любовь къ просвѣщенію почтеннѣйшихъ сочленовъ моихъ и, конечно, здѣшнихъ согражданъ, которыхъ въ семъ случаѣ предупредилъ я только словомъ, а не чувствованіями». Присутствовавшій на актѣ управлявшій тогда губерніей, А. Я. Жмакинъ, объявилъ тутъ же, что онъ готовъ собраніемъ пожертвованій осуществить предположеніе мое въ случаѣ соизволенія на то правительства. Послѣдствія извѣстны: памятникъ Державину стоитъ на площади противъ университета. Горжусь, что я положилъ первый камень въ основаніе этого памятника.

При выходѣ съ акта попечитель горячо благодарилъ и обнималъ меня, и тутъ же предложилъ мнѣ мѣсто инспектора студентовъ въ университетѣ. Вскорѣ въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» изъявлена мнѣ благодарность за отличное устройство гимназіи. Какъ я ни отговаривался отъ предлагаемой мнѣ должности, какъ я ни представлялъ, что буду полезнѣе на прежнемъ своемъ мѣстѣ, Магницкій настаивалъ, чтобъ я занялъ ее; скрѣпя сердце я долженъ былъ повиноваться. Инспекторомъ былъ тогда Г. Ѳ. Вишневскій, благородный, добрый, истинный джентльменъ по своей жизни и въ обращеніи съ студентами. Его жена, урожденная Еропкина, умная, примѣрная мать, нѣжная спутница его жизни, въ которой они испытали много невзгодъ, содержала женскій пансіонъ, прекрасно устроенный, съ цѣлью оградить свое семейство отъ нужды и дать приличное воспитаніе дѣтямъ. Негодовалъ ли попечитель на мягкость характера Вишневскаго, или по другой причинѣ желалъ его удаленія, — мнѣ неизвѣстно. Онъ не былъ еще уволенъ отъ должности инспектора и мнѣ поручено было пока исправленіе ея; слѣдственно, я поступалъ на мѣсто, которое еще было номинально занято.

Я переѣхалъ въ университетъ, и за мною затворились двери въ свѣтлый міръ моей жизни.

Магницкимъ сдѣлано было много на увеличеніе и украшеніе зданій университета, на устройство церкви (по образцу домашней князя А. Н. Голицына въ Петербургѣ), библіотеки, физическаго кабинета, обсерваторіи, однимъ словомъ, все — что можно было сдѣлать денежными средствами, щедро ему отпускаемыми. И это все осталось бы навсегда памятникомъ попечительства его, еслибы въ этихъ сооруженіяхъ не вмѣшались расчеты, о которыхъ, основываясь на фактахъ, упоминаетъ г. Ѳеоктистовъ въ своей статьѣ. Что до меня, то я, по своей должности не вмѣшиваясь въ экономическія дѣла университета и не стараясь развѣдывать темные пути, которыми они проводились, не скажу ничего ни за, ни противъ. Правда, у Магницкаго былъ чиновникъ, правая рука его, который любилъ занимать деньги, и когда кредиторы напоминали ему о долгѣ, старался чѣмъ-нибудь отмстить имъ. Еслибъ я не боялся рѣзко выразиться, я упомянулъ бы при этомъ французскую пословицу: «Tel maître tel valet». Зданіе университета соотвѣтствовало своему назначенію, но чтобъ эти палаты, эти камни, прекрасно сложенные и изукрашенные, можно было въ самомъ дѣлѣ признать тѣмъ, чѣмъ они титулуются на фронтонѣ золотыми буквами, надо, чтобы далъ имъ высокій смыслъ животворный духъ прогресса, чтобы юноши, посѣщающіе аудиторіи, находили въ нихъ для ума и сердца здоровую, съ потребностями времени и успѣхами наукъ обновляемую пищу. Чтожъ если для утоленія голода хочешь припасть къ груди матери, а тебѣ предлагаютъ коровій рожокъ, хоть бы и въ золотой оправѣ, съ прокислымъ молокомъ.

Съ попечительствомъ Магницкаго была учреждена и новая должность директора университета. До меня занималъ ее медикъ Владимірскій очень недолго. Прекрасный сначала, онъ черезъ нѣсколько мѣсяцевъ никуда не годился. Люди переставлялись, какъ шашки въ рукахъ опрометчиваго игрока. На его мѣсто поступилъ докторъ медицины и хи-

ургіи, надворный совѣтникъ Трифонъ Егоровичъ Л—ровъ. Хирургическія операціи онъ вздумалъ дѣлать и надъ университетомъ. Раздражительный отъ природы и по болѣзни, онъ повременамъ доходилъ до изступленія. Говорили, что онъ родомъ изъ южныхъ славянъ, но въ немъ были всѣ инстинкты ихъ азіятскихъ сосѣдей. Онъ постоянно употреблялъ опіумъ въ сильныхъ пріемахъ. Въ одинъ изъ пароксизмовъ своего раздраженія онъ прописалъ себѣ такую ужасную дозу, что аптекарь не рѣшился отпустить ее безъ рецептуры оффиціальнаго врача Фукса (который былъ и ректоромъ университета). Можно судить, какъ пріятно было мнѣ находиться въ ежедневныхъ сношеніяхъ съ такою личностью. Разскажу только одинъ примѣръ его любезнаго обращенія со мною. Разъ я какъ-то заболѣлъ и послалъ къ нему вмѣсто себя своего помощника, надзирателя, служившаго и соглядатаемъ за моими дѣйствіями, съ ежедневною рапортичкой. Взбѣшенный, что не я самъ пришелъ, и не разбирая причины, по которой я не могъ придти, онъ приказалъ моему помощнику сказать мнѣ, что онъ плюетъ на мои рапортички. Этого я не могъ вынести; хотя больной, я одѣлся, отправился къ нему и расквитался съ нимъ по правиламъ Ветхаго Завѣта... послѣ чего ему такъ не поздоровилось, что онъ былъ вынужденъ прибѣгнуть къ усиленному пріему опіума. Черезъ мѣсяцъ, два, онъ пошелъ къ праотцамъ своимъ.

Уже до меня въ университетѣ была ломка всему, что въ немъ прежде существовало. Начальники, профессоры, студенты, все подчинялось строгой клерикальной дисциплинѣ. Науки отодвинулись на задній планъ. Гоненіе на философію доходило до смѣшного фанатизма, если фанатизмъ, въ чемъ бы онъ ни проявлялся, можетъ быть когда-либо смѣшенъ. Напримѣръ, во всѣхъ аудиторіяхъ на каѳедрахъ вычеканенъ былъ золотыми буквами текстъ, приноровленный противъ этого *злохудожественнаго* ученія. Руководства нѣмецкихъ ученыхъ, какъ растлѣвающія душу,

были изгнаны изъ университетскихъ курсовъ; преподаваніе многихъ учебныхъ предметовъ, основываясь на богословскихъ началахъ, какъ-будто готовило студентовъ въ духовное званіе. Профессоръ русской литературы читалъ большею частію духовное краснорѣчіе; образцомъ слога, по предложенію попечителя, служили нѣкоторое время Четіи-Минеи. Имена Карамзина, Батюшкова, Жуковскаго, Пушкина, не смѣли произносить на лекціяхъ. За то, что профессоръ всеобщей исторіи строго придерживался подобныхъ началъ и читалъ ее по Боссюэту, онъ прозванъ былъ русскимъ Боссюэтомъ. Также и нѣсколько другихъ профессоровъ облечены были въ почетныя имена европейскихъ ученыхъ, — имена, которыя такъ же шли къ тогдашнимъ казанскимъ знаменитостямъ, какъ бородачу-прасолу кафтанъ маркиза или султана кардинала. Профессоръ поэзіи, добрый старичокъ, въ изсохшей головѣ и сердцѣ котораго не было и чутья поэзіи, почитатель не только Хераскова, но и графа Хвостова, удостоился названія пресловутаго во время оно французскаго литературнаго законодателя (не помню хорошо, Лагарпа или Боало, котораго онъ перевелъ нѣсколько сатиръ). На лекціяхъ его разбирали одни переложенія псалмовъ. Только съ увольненіемъ Магницкаго онъ дерзнулъ написать и напечатать въ «Казанскомъ Вѣстникѣ» пасторальное стихотвореніе въ подражаніе идилліи И. И. Дмитріева, кончавшееся стихомъ: «Ты рвешь цвѣты съ ея могилы». Съ какимъ восторгомъ подалъ онъ мнѣ нумеръ журнала, въ колыбели котораго почивало это новорожденное дитя, и потирая себѣ руки сказалъ: «Вотъ-ста каковы мы теперь», какъ-будто посягнулъ на отчаянный подвигъ.

Долгомъ почитаю оговорить, что и въ мое время, помимо бездарностей, были достойные преподаватели и ученые, служившіе наукѣ съ любовью и пользою, какъ-то: медики Фуксъ и Лентовскій, естествоиспытатель и археологъ Эйхвальдъ, оріенталисты Казембекъ и Эрдманъ, астрономъ Симоновъ, математикъ Брашманъ. Говорили, что профес-

соръ математики, Лобачевскій, пишетъ какой-то курсъ этой науки, долженствующій сдѣлать въ ней громадный переворотъ; но когда изданъ былъ этотъ курсъ, оказалось, по сужденію компетентныхъ критиковъ, что гора родила мышь. Въ одно время былъ любимцемъ Магницкаго французъ Жобаръ, знаменитый борьбою съ нимъ, утомившій своими жалобами трехъ министровъ: князя Голицына, Шишкова и графа Уварова, до того, что ему велѣно было выѣхать изъ Россіи. Бѣшеный его характеръ свернулъ ему голову, умную, начиненную хорошими познаніями. Г. Ѳеоктистовъ достаточно упоминаетъ о немъ въ своей статьѣ. Лекторъ нѣмецкаго языка К., ловкій человѣкъ, бывшій прежде католикомъ, потомъ лютераниномъ, перешелъ наконецъ въ православіе. Церемонія муропомазанія была торжественная. Магницкій, бывшій не даромъ его крестнымъ отцомъ, исходатайствовалъ ему Владимірскій крестъ 4-й степени. Не только студенты, даже профессора воспитывались въ строгой дисциплинѣ. «Вы жалуетесь, — говорилъ мнѣ профессоръ Никольскій, поднявъ руку и сложивъ три пальца въ видѣ благословенія, между тѣмъ какъ въ душѣ своей ненавидѣлъ меня, — вы жалуетесь, государь мой, что нынѣ служба здѣсь тяжела. Посмотрѣли бы, что было до васъ». И началъ онъ мнѣ повѣдывать чудеса только-что минувшаго времени. За профессорами наблюдали, чтобъ они не пили вина. Изъ числа ихъ, нѣкоторые весьма воздержные, но привыкшіе передъ обѣдомъ выпивать по рюмкѣ водки, въ свой адмиральскій часъ, ставили у наружныхъ дверей на караулъ прислугу, чтобы предупредить грозу нечаяннаго дозора. Такимъ образомъ, прислушиваясь къ малѣйшему стуку и безпрестанно оглядываясь, преступникъ дерзалъ ключомъ, привѣшаннымъ у пояса, отворять шкапъ, гдѣ, въ секретной глубинѣ, хранилось ужасное зелье. У одного изъ ученыхъ мужей, которому прописали вино въ микстурѣ, былъ директоромъ, внезапно посѣтившимъ его, запечатанъ сосудъ, вмѣщавшій въ себѣ запрещенное питье.

Медикъ, осмѣлившійся прописать такое лѣкарство, равно какъ и паціентъ его, остались на замѣчаніи. Только одинъ доморощенный Боссюэтъ, настоящій революціонеръ противъ магометова кодекса, не являлся на лекціи по цѣлымъ недѣлямъ. На торжественныхъ университетскихъ обѣдахъ, и въ мое время, пили тосты не шампанскимъ, а медомъ. Студенты подчинялись строгимъ монастырскимъ правиламъ. Не говоря объ общихъ утреннихъ и вечернихъ молитвахъ при возстаніи отъ сна и отхода ко сну, вездѣ въ учебныхъ заведеніяхъ соблюдаемыхъ, произносились еще молитвы передъ завтракомъ, обѣдомъ и ужиномъ и послѣ нихъ. За завтракомъ дежурный студентъ читалъ вслухъ духовную книгу, за обѣдомъ тоже, за ужиномъ тоже, и все это при неминуемомъ стукѣ тарелокъ, ложекъ, ножей и вилокъ, при разносѣ прислугой кушаньевъ. Прекрасныя, святыя слова непремѣнно ударяли въ слуховой органъ, въ немъ и пропадали, потому что нельзя было въ одно время слушать внимательно и утолять голодъ. Много ли этихъ словъ въ эти часы пали на сердца слушателей? Все, что для молодыхъ людей должно было быть духовною потребностью, дѣлалось уже докучнымъ бременемъ, противно словамъ Божественнаго Учителя: «Иго Мое благо, и бремя Мое легко». Студентъ, ставившій свѣчи къ образамъ и клавшій большое число земныхъ поклоновъ, былъ на замѣчаніи отличнаго. Всякій здравомыслящій человѣкъ убѣжденъ, что нравственно-религіозныя начала должны быть поставлены въ основаніе всякаго воспитанія, необходимы на всѣхъ путяхъ жизни, но развѣ эти начала не могутъ ужиться мирно съ науками, развѣ должны вытѣснять ихъ изъ учебныхъ заведеній? Обстановка карцера и дисциплина для содержащихся въ немъ доставили бы богатые сюжеты для кисти Гогарта. Съ удовольствіемъ могу сказать, что ни одинъ студентъ не былъ посаженъ мною въ это чистилище. Отъ стѣнъ университета, хотя и обновленныхъ, вѣяло какимъ-то холодомъ, какою-то гнилью старыхъ аббатствъ. Къ чести

студентовъ моего краткаго инспекторства я долженъ сказать, что не слыхалъ ни объ одномъ буйномъ или безнравственномъ поступкѣ ихъ. Въ это время прибыли изъ виленскаго университета въ казанскій трое студентовъ-филомафитовъ: Ковалевскій, Верниковскій и еще третій (не помню его имени). Что сдѣлалось съ двумя послѣдними, не знаю. Ковалевскій составилъ себѣ почетное имя какъ профессоръ восточныхъ языковъ. Онъ смотрѣлъ тогда красною дѣвушкой. Всѣ они съ любовью предались наукѣ. Одну участь съ ними имѣлъ Мицкевичъ и другіе виленскіе студенты-филомафиты, но ему дарованы были особенныя льготы... Съ нимъ я познакомился у издателя «Телеграфа», Н. А. Полевого [1]) (помнится въ 1829 году), когда этотъ жилъ на 1-й Мѣщанской. Мицкевичъ не походилъ тогда на врага Россіи: казалось, воды не замутитъ. Прибавьте къ монастырской жизни, на которую я былъ обреченъ, нездоровую мѣстность и нездоровыя воды Казани. Волга отстоитъ отъ города въ шести верстахъ, слѣдственно доставка изъ нея ежедневно воды чрезвычайно затруднительна, да и сопряжена съ большими расходами. Разливаясь въ половодье почти до самаго города и входя въ берега только въ іюнѣ, она образуетъ на этомъ пространствѣ настоящія Понтійскія болота, которыя въ жаркое время гніютъ и издаютъ міазмы, заражающіе воздухъ. Этимъ испареніямъ обязаны жители сильными лихорадками, имѣющими, особенно для пріѣзжихъ, худыя послѣдствія. Съ другой стороны города — тоже болота. Остается казанцамъ довольствоваться водой изъ озера Кабана, гдѣ лѣтомъ купаютъ лошадей и куда зимой свезятъ всякую нечистоту. Какъ здорова она, можно судить по зеленымъ шапкамъ, всплывающимъ на ней, когда ее кипятятъ, и по роямъ зеленыхъ букашекъ, появляющихся

---

[1]) Я доставилъ тогда для его журнала драгоцѣнныя статьи изъ архива канцлера графа Н. А. Остермана, какъ-то: о театрѣ при Елисаветѣ Петровнѣ, исполненное остроумія письмо Ломоносова къ Елагину и нѣкоторыя другія, болѣе важныя.

въ ней, когда она постоитъ въ сосудѣ хотя четверть часа. Тогдашній главноуправляющій путями сообщенія, принцъ Виртембергскій, пріѣзжалъ до меня въ Казань для осмотра тамошней водяной мѣстности и вмѣстѣ съ тѣмъ хотѣлъ пріискать средства помочь этому бѣдствію. Его помѣстили въ домѣ клуба, гдѣ онъ имѣлъ удовольствіе слушать за стѣной стукъ билліардныхъ шаровъ. Это неловкое помѣщеніе такъ разсердило его, что онъ сказалъ при отъѣздѣ: «Жители Казань свинья, а корошій водъ имъ дамъ». Впослѣдствіи составлено было много проектовъ, чтобы провести воду изъ источниковъ, находящихся въ нѣсколькихъ верстахъ отъ него; если не ошибаюсь, Казань до сихъ поръ не имѣетъ «корошій водъ». Прибавьте къ этой невзгодѣ и ту, что во время дождей при мнѣ была на улицахъ грязь непроходимая, и надо было ѣздить въ легковомъ экипажѣ не иначе, какъ тройкой, а на одной изъ торговыхъ площадей, кажется на Сѣнной, случались утопленники въ грязи. Въ сухое время поднималась тонкая пыль, которая проникала во всѣ щели и облекала всѣ предметы въ комнатахъ пепельнымъ саваномъ.

Что сказать о тогдашнемъ казанскомъ обществѣ? Провинціальная аристократія, казалось, оградила себя каменною стѣной отъ ученыхъ плебеевъ, изъ которыхъ большая часть и сама, по образу своей жизни, избѣгала проникнуть черезъ нее. Я посѣщалъ только два-три дома, не великосвѣтскихъ, но радушныхъ, пріятныхъ. Еще сквозь туманъ нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ, среди казанскихъ болотъ, выступаетъ для меня, какъ цвѣтущій оазисъ, домъ г-жи Геркенъ, вдовы съ нѣсколькими дочерьми, милыми, умными, образованными. Въ кругу ихъ я отдыхалъ сердцемъ и головой отъ мрачной университетской жизни. Если кто-нибудь изъ членовъ этой семьи нынѣ живетъ въ Казани, то я прошу его снести мой сердечный поклонъ на могилу ихъ матери и принять отъ меня горячую благодарность за тѣ прекрасные часы, которые я провелъ въ ихъ домѣ.

Рѣдко, рѣдко когда, бывало, услышишь слово о литературѣ, и то робко, какъ о запрещенномъ плодѣ. Во время моего пребыванія въ Казани появились два яркія явленія: одно атмосферическое на небѣ, съ ужаснымъ трескомъ и гуломъ, другое на землѣ, литературное. Одновременныя, если не одночасныя, они смутили сердца старыхъ барынь и нашихъ аскетовъ, и, по словамъ ихъ, предвѣщали несчастія, едва ли не представленіе свѣта. Литературное—была безсмертная комедія Грибоѣдова. Она появилась здѣсь въ рукописи. Между молодымъ поколѣніемъ ее вырывали изъ рукъ, хотя, какъ запрещенная, она жгла ихъ, списывали по ночамъ, въ нѣсколько дней знали наизусть. Горе было бы тому, у кого она попалась бы на глаза университетской полиціи!

Театра номинальнаго не было тогда въ Казани, но разыгрывались въ обществѣ и оперы, и комедіи, и трагедіи благородными актерами. Мѣстность губерніи представляла такую великолѣпную сцену, какой не могла представить другая; артисты были мастера своего дѣла. При мнѣ была особенно въ ходу волшебная опера: *Дровосѣки.* Поднимается занавѣсъ. Декораціи представляютъ друидическіе, вѣковые, дубовые лѣса. Мракъ ихъ и тишина обхватываютъ васъ ледянымъ холодомъ. Въ глубинѣ сцены возвышается холмъ и на немъ каменный идолъ, безобразно изсѣченный. Вдругъ тишина и уединеніе нарушаются приходомъ толпы Чувашъ, Мордвы, Черемисъ, сооружается огромный костеръ; жрецъ начинаетъ свои волхованія, костеръ пылаетъ, и на него падаютъ закланныя животныя—жертвоприношеніе грозному богу. Дикое пѣніе, дикія пляски. Среди этого ликованія раздается болѣе стройный хоръ. Дикари въ тревогѣ: они почуяли, что идутъ новые господа этихъ лѣсовъ, и въ страхѣ разбѣгаются. Являются на сцену толпы русскихъ крестьянъ съ топорами и сѣкирами; во главѣ ихъ идутъ вожди въ одеждахъ образованныхъ странъ. По ритурнелю одного изъ нихъ блещутъ разрушительныя орудія и падаютъ вѣковыя

деревья. Стукъ топоровъ, жалобный стонъ маститыхъ лѣсныхъ старцевъ, преклоняющихъ голову свою предъ стопы побѣдоносныхъ пришельцевъ, живые возгласы рабочихъ,— все это прекрасно выражено въ обворожительной для слуха музыкѣ. Но, о диво! изъ корней деревьевъ сочится золотой песокъ. То страхъ, то радость изображаются на всѣхъ лицахъ. Работники и начальники ощупываютъ золото — оно не жжется. Тутъ начинается дѣлежъ ниспосланной небомъ добычи. Онъ исполняется безъ крику, безъ дракъ, соразмѣрно ступенямъ іерархической лѣстницы. Карманы, мѣшки, изъ которыхъ вынуты съѣстные припасы, набиты драгоцѣннымъ металломъ. Благодарственная молитва довершаетъ этотъ дѣлежъ. Но прежде чѣмъ разойтись, главный начальникъ произноситъ волшебный пароль. На холмѣ воздвигается новый костеръ и на немъ изъ блестящаго песку, оставшагося на корняхъ деревьевъ, выливается золотой телецъ.

Разыгрывалась при мнѣ и трагедія. Героемъ ея былъ оберъ-стражъ лѣсовъ, изъ поляковъ, Не—скій, и я знавалъ его по службѣ въ гренадерскомъ корпусѣ, какъ бѣднаго офицера. Онъ дослужился до майорства, и квартируя въ Тульской губерніи, своею статною, молодецкою фигурой плѣнилъ сердце дочери одного изъ тамошнихъ помѣщиковъ, не очень молодой и не очень красивой, получилъ ея руку съ 30,000 придачи, вышелъ въ отставку и пріобрѣлъ себѣ мѣсто сберегателя лѣсовъ Казанской губерніи. Въ благодарность женѣ за тепленькое мѣстечко, онъ полосовалъ и душилъ несчастную арапникомъ, который давно употреблялъ на жену и собаку. Подъ его начальство поступилъ унтеръ-стражъ лѣсовъ Казанскаго уѣзда, N. N. Черезъ мѣсяца два по опредѣленіи его, оберъ призываетъ его къ себѣ и въ строгихъ выраженіяхъ напоминаетъ ему, что пора выполнить *извѣстныя* обязанности. Подчиненный въ смиренныхъ выраженіяхъ докладываетъ, что онъ издержался и не успѣлъ еще въ такое короткое время скопить

требуемую акциденцію. Начальникъ рѣшительно объявляетъ ему, что если онъ въ 24 часа не принесетъ, то будетъ удаленъ отъ должности и преданъ суду. Исполнить эту угрозу было легко: грѣхи, на которые, можетъ-статься, и покусился уже N. N, а если еще не покусился, то грѣхи его предмѣстника, которые легко было свалить на него же, могли быть тотчасъ найдены въ первомъ лѣсу уѣзда. Несчастный, не имѣя въ наличности денегъ и не найдя ихъ въ 24 часа, испугался уголовнаго суда, его ожидавшаго, пришелъ домой и застрѣлился въ своемъ саду. Но вотъ и сцена болѣе веселая. Я знавалъ одного русскаго мейстера или мастера, который отъ избытка денегъ, падавшихъ на него какъ манна небесная, не зная куда ихъ дѣвать въ маленькомъ городкѣ и отъ скуки, поилъ шампанскимъ во всякое время дня и ночи всякаго посѣтителя, былъ ли то плебей, или *благородный*. Онъ служилъ въ лѣсной глуши, а въ глуши-то и привольное житье: тишь, да гладь, да Божья благодать; знай только свои *урочныя* обязанности,

Думали ли *господа*, о которыхъ упоминаю въ этой статьѣ, что чрезъ нѣсколько десятковъ лѣтъ сыщется отшельникъ, который въ своей бѣдной кельѣ, подобно Пушкинскому монаху Пимену, будетъ описывать ихъ темныя дѣянія. Благодаря обновленію Россіи, эти дѣянія могутъ нынѣ выйти изъ-подъ спуда, подъ которымъ они были похоронены. Можетъ-быть, и теперь есть такіе отшельники-лѣтописцы, записывающіе, подъ диктовкою грозной Немезиды, черныя дѣла своихъ современниковъ. Да и то сказать: пиши и пиши, кричи и кричи, «а Васька слушаетъ да ѣстъ».

Кстати къ лѣсамъ и темнымъ дѣяніямъ. Въ городѣ отстраивался домъ, бывшій подъ военнымъ вѣдомствомъ. Разъ пріѣзжаетъ ко мнѣ Не — скій въ какомъ-то необыкновенномъ смущеніи.

— Сейчасъ былъ у меня начальникъ (такой-то), — говоритъ онъ мнѣ, — и требовалъ отъ меня значительное ко-

личество разнаго лѣса безъ письменнаго законнаго требованія, безъ разрѣшенія моего начальства.

— Что же вы сдѣлали? — спросилъ я его.

— Сначала отказалъ, — отвѣчалъ мнѣ Не — скій, — а потомъ далъ. Онъ сказалъ мнѣ одно магическое слово: «Аракчеевъ», и я приказалъ отпустить; въ противномъ случаѣ мнѣ угрожало удаленіе отъ должности.

Строители получили благодарность за усердіе и соблюденіе значительной экономіи; Не — скій еще тверже сталъ на прежнемъ мѣстѣ.

Магницкій былъ въ Петербургѣ. Въ это время стали приходить оттуда и разноситься у насъ вѣсти, что онъ отшатнулся отъ бывшаго своего покровителя, князя А. Н. Голицына, и вмѣстѣ съ графомъ Аракчеевымъ, подъ крыло котораго перебѣжалъ, началъ дѣйствовать противъ него разными интригами. Еще въ бытность свою въ Казани онъ сталъ холоднѣе относиться о *князѣ* и горячѣе о *графѣ*, съ которымъ будто бы затѣваетъ новое христіанское общество. Христіанское! Едва ли не въ то время, когда владыка Грузина ходилъ обвязанный платкомъ, смоченнымъ въ крови своей любимицы, которую зарѣзали крѣпостные люди, не вынесшіе ея тираніи. Едва ли не въ это же самое время написалъ Магницкій свой знаменитый сонъ въ Грузинѣ. Вѣроятно, подъ покровомъ господствующей тогда силы онъ стремился на мѣсто другой, колеблющейся. Честолюбіе ослѣпило его.

Скончался императоръ Александръ Павловичъ; на престолъ вступилъ новый государь. Бывъ еще великимъ княземъ, онъ видѣлъ, какъ *безъ лести преданный* во зло употреблялъ царское довѣріе и возбуждалъ противъ себя всеобщую ненависть. Участь Аракчеева была рѣшена. Помню еще живо рѣзко-замѣчательный вечеръ (директоръ Л—ровъ былъ тогда). Я сидѣлъ въ своей комнатѣ въ нижнемъ этажѣ университета. Студенты уже спали; кругомъ царствовала глубокая тишина. Вдругъ слышу какую-то тре-

вогу, все въ домѣ засуетилось, дежурный надзиратель прибѣгаетъ ко мнѣ и дрожа, вполголоса, объявляетъ мнѣ, что пріѣхалъ неожиданно попечитель, въ сопровожденіи полицейскаго чиновника...

Нѣсколько дней не принималъ онъ къ себѣ никого кромѣ своихъ интимныхъ. Наконецъ, я явился къ нему. Онъ принялъ меня сухо, холодно; мутные глаза его выражали мнѣ какое-то недоброжелательство...

Что было особенно причиной этого обращенія со мною, я до сего времени не знаю. Догадываюсь только, что вскрыли мое письмо, гдѣ я описывалъ нѣкоторыя эксцентричности его управленія университетомъ, и письмо было имъ прочитано; можетъ быть онъ узналъ, что я ѣлъ скоромное въ постный день или что-нибудь подобное.

Министръ не согласился уволить инспектора Вишневскаго; онъ поступилъ снова на свое мѣсто послѣ четырехмѣсячнаго моего инспекторства, показавшагося мнѣ годами. Въ это время я получилъ отъ попечителя Московскаго учебнаго округа, Писарева, приглашеніе служить подъ его начальствомъ. Обращаюсь къ Магницкому съ просьбой уволить меня въ отпускъ; онъ мнѣ рѣшительно отказываетъ, и когда я спрашиваю о причинѣ этого отказа, на-отрѣзъ и даже съ сердцемъ отвѣчаетъ: «не отпускаю, и только». Я несу тяжелое ярмо его неудовольствія и ограничиваюсь должностью директора училищъ.

Магницкій пытается еще разъ съѣздить въ Петербургъ, и такъ же неблагополучно возвращается назадъ.

Во дни своего паденія онъ предается мистическимъ галлюцинаціямъ, спитъ на медвѣжьей шубѣ, разостланной на полу, разсказываетъ своимъ приближеннымъ, какъ посѣтила его въ прошедшую ночь Пресвятая Дѣва и пр. Пріѣзжаетъ ревизоръ, генералъ Желтухинъ; попечитель уничтоженъ. Онъ высылается на житье то въ Ревель, то въ Одессу или Херсонъ, и влачитъ жизнь свою не сопутствуемый ничьею любовью кромѣ родныхъ, ничьимъ сожа-

лѣніемъ. А сколько могъ бы онъ сдѣлать добра, сколько благотворнаго свѣта могъ бы онъ, по своему уму и образованію, разлить на свое вѣдомство, еслибы не увлекли его на ложный путь эксцентрическій его характеръ и ложное честолюбіе. Спрашиваютъ меня, дѣйствительно ли онъ былъ по убѣжденію фанатикъ? Да, онъ былъ фанатикъ, когда думалъ этимъ выиграть у сильныхъ лицъ; не знаю, чѣмъ бы онъ былъ, еслибы вѣтеръ подулъ на него съ другой стороны.

Еще одно, послѣднее сказаніе о моей служебной карьерѣ въ Казанскомъ округѣ. За нѣсколько мѣсяцевъ до перваго отъѣзда Магницкаго въ Петербургъ, по вызову нѣкоторыхъ профессоровъ, я представилъ въ совѣтъ университета диссертацію для полученія званія адъюнкта по русской словесности. Можетъ-быть, я устыдился бы теперь этого сочиненія, но какъ бы то ни было, совѣтъ одобрилъ его и избралъ меня въ адъюнкты. Вліянія попечителя не было никакого въ этомъ дѣлѣ, такъ какъ оно свершилось въ его отсутствіе. Когда обстоятельства перемѣнились, ученый синклитъ университета не представилъ меня къ утвержденію въ этомъ званіи за препятствіями, ни на какой законности не основанными.

Выѣзжая изъ Казани, я съ замираніемъ сердца взглянулъ въ послѣдній разъ на Сумбекину башню, возвышавшуюся среди ночного мрака надъ простертымъ передъ нею городомъ, вздохнулъ свободнѣе и перекрестился за избавленіе меня изъ плѣна казанскаго.

Прекраснымъ, краснорѣчивымъ словомъ проводилъ Магницкій прахъ Сперанскаго въ его вѣчное жилище. Кто изъ читавшихъ это слово не помнитъ того мѣста, гдѣ онъ описываетъ, какъ нѣкогда бѣдный семинаристъ, съ котомкой на плечахъ, вступалъ въ ворота Александро-Невской Лавры, и какъ теперь вступаетъ онъ, по окончаніи своей славной, полезной отечеству жизни, въ тѣ же ворота — графомъ, украшенный высшими знаками отличія, провожае-

мый русскимъ вѣнценосцемъ и первыми сановниками имперіи!

Жаль, что не могу сказать, — это была послѣдняя лебединая пѣснь Магницкаго.

25 октября 1865 года.

КОНЕЦЪ ДВѢНАДЦАТАГО ТОМА.

СОДЕРЖАНІЕ ДВѢНАДЦАТАГО ТОМА

стр.

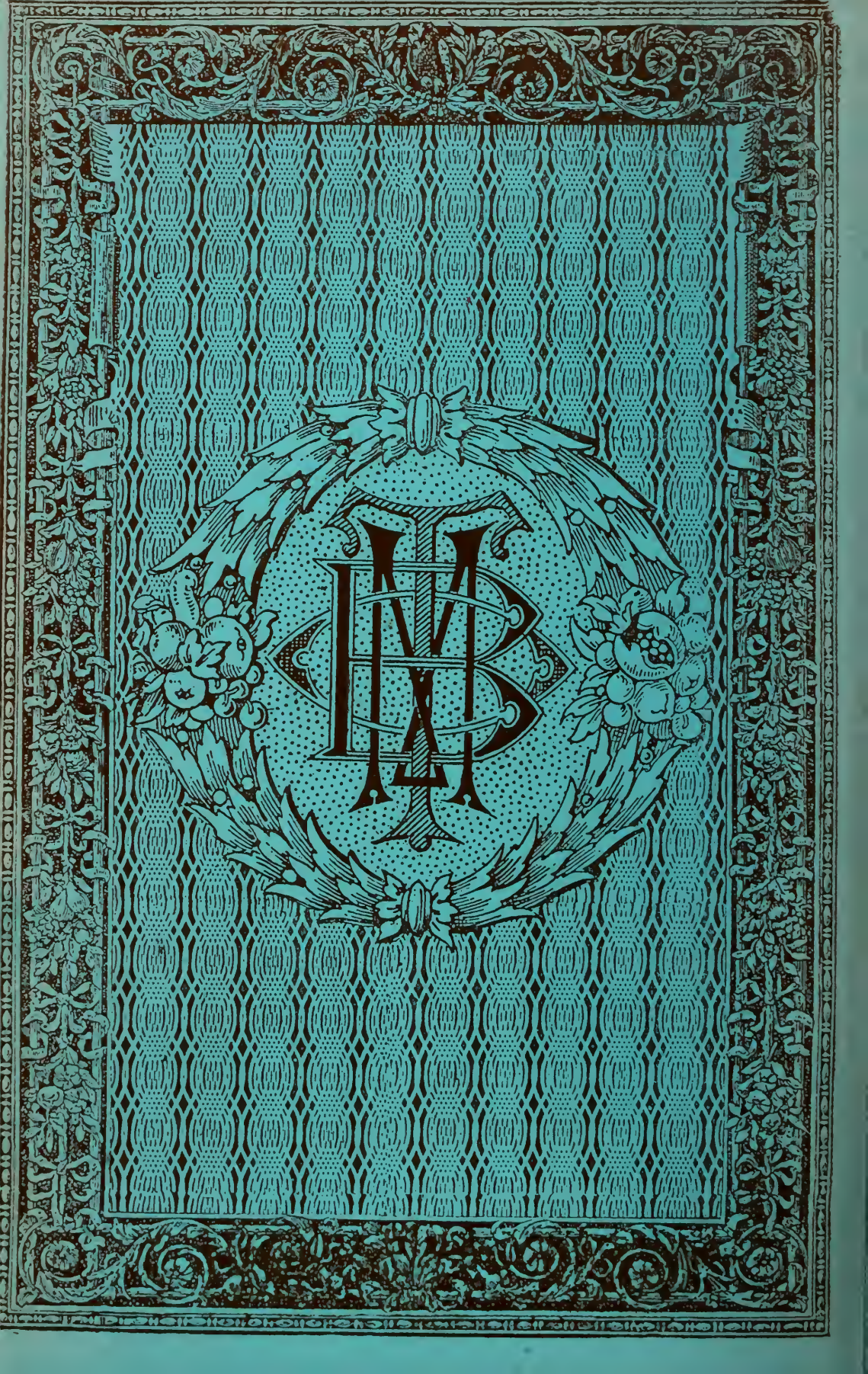
ХРИСТІЕРНЪ II-Й И ГУСТАВЪ ВАЗА. Драматическій очеркъ въ 4-хъ актахъ. 1

МАТЕРИ-СОПЕРНИЦЫ. Трагедія въ пяти дѣйствіяхъ 131

ЗАМѢТКИ ДЛЯ БІОГРАФІИ БѢЛИНСКАГО 228

НѢСКОЛЬКО ЗАМѢТОКЪ И ВОСПОМИНАНІЙ ПО ПОВОДУ СТАТЬИ: «Матеріалы для біографіи А. П. Ермолова» . . 261

КАКЪ Я ЗНАЛЪ М. Л. МАГНИЦКАГО. 304



494870
LR Lazhechnikov, Ivan Ivanovich
L4314V Полное собраніе сочиненій ... С.А.Венгерова.
v.12.
[Transliter.: Polnoe sobranie sochineny... S.A.
Vengerova.]

NAME OF BORROWER

University of Toronto
Library

DO NOT
REMOVE
THE
CARD
FROM
THIS
POCKET

Acme Library Card Pocket
LOWE-MARTIN CO. LIMITED

• БИБЛІОТЕКА •
РУССКИХЪ И ИНОСТРАННЫХЪ ПИСАТЕЛЕЙ
• ИЗДАНІЕ • ТОВАРИЩЕСТВА •